

СУБЪЕКТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ СОЦИАЛЬНОГО
НЕРАВЕНСТВА – МНЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ
О СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

ИРИНА КОРЧАГИНА
ЛИДИЯ ПРОКОФЬЕВА

МАССОВЫЕ ПЕРЕДИСЛОКАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ
В СВЯЗИ СО СДВИГОМ НА ЗАПАД
ТЕРРИТОРИИ ПОЛЬШИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

КАТРИН ГУСЕФФ

ОЦЕНКА ДОСТОВЕРНОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ ПЕРЕПИСИ
НАСЕЛЕНИЯ 2019 ГОДА В БЕЛОРУССИИ НА ОСНОВЕ
АНАЛИЗА ИЗМЕНЕНИЙ В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ
СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ

АЛЕКСАНДР СОКОЛОВ

ПРОГРАММА «ЗЕМСКИЙ ДОКТОР» КАК ФАКТОР
МИГРАЦИИ ВРАЧЕЙ НА ПЕРИФЕРИЮ РЕГИОНОВ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

ЕКАТЕРИНА ШАРЕПИНА

ГЕНДЕРНЫЕ ОТЛИЧИЯ ЧУВСТВА БЕЗОПАСНОСТИ
В ШКОЛЕ У ПОДРОСТКОВ 14-17 ЛЕТ

МАРИНА ВЫРСКАЯ

РЕПРОДУКТИВНЫЕ НАМЕРЕНИЯ И ДИНАМИКА
РОЖДАЕМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РАЗНЫХ СТРАН
В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19:
АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ

ЕЛЕНА ВАКУЛЕНКО
МАРИЯ МАКАРОВА
ДМИТРИЙ ГОРСКИЙ

НУЖНА ЛИ ДЕМОГРАФИИ ЕДИНАЯ ТЕОРИЯ?

НАТАЛЬЯ КАЛМЫКОВА

демографическое обозрение

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

Сергей Владимирович ЗАХАРОВ

Заместитель главного редактора

Сергей Андреевич ТИМОНИН

Заместитель главного редактора

Никита Владимирович МКРТЧЯН

Ответственный секретарь редакции

Анастасия Ивановна ПЬЯНКОВА

Корректор

Наталья Станиславовна ЖУЛЕВА

Компьютерная вёрстка и графика

Кирилл Владимирович РЕШЕТНИКОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Виктор АГАДЖАНЯН

Евгений АНДРЕЕВ

Василий ВЛАСОВ

Ольга ГАГАУЗ

Михаил ДЕНИСЕНКО

Сергей ЗАХАРОВ

Сергей ИВАНОВ

Алла ИВАНОВА

Ольга ИСУПОВА

Ирина КАЛАБИХИНА

Михаил КЛУПТ

Никита МКРТЧЯН

Анна МИХЕЕВА

Владимир МУКОМЕЛЬ

Лилия ОВЧАРОВА

Павел ПОЛЯН

Анастасия ПЬЯНКОВА

Мария САВОСКУЛ

Сергей ТИМОНИН

Андрей ТРЕЙВИШ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Барбара А. АНДЕРСЕН

Мишель ГИЙО

Павел ГРИГОРЬЕВ

Ирина ЕЛИСЕЕВА

Наталья ЗУБАРЕВИЧ

Владимир ИОНЦЕВ

Казухиро КУМО

Дэвид ЛЕОН

Элла ЛИБАНОВА

Массимо ЛИВИ БАЧЧИ

Тамара МАКСИМОВА

Татьяна МАЛЕВА

Франс МЕЛЕ

Борис МИРОНОВ

Светлана НИКИТИНА

Томаш СОБОТКА

Влада СТАНКУНЕНЕ

Марк ТОЛЬЦ

Владимир ШКОЛЬНИКОВ

Сергей ЩЕРБОВ

Николас ЭБЕРШТАД

ЖУРНАЛ ОСНОВАН АНАТОЛИЕМ ГРИГОРЬЕВИЧЕМ ВИШНЕВСКИМ (1935-2021) В 2014 ГОДУ.

Выпускается ежеквартально. Издается с 2014 года.

Все рукописи проходят обязательное предварительное рецензирование.

Позиция Редакции не обязательно совпадает с мнением авторов.

Перепечатка материалов возможна только по согласованию с редакцией.

Журнал зарегистрирован 13 октября 2016 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

*Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Эл № ФС77-67362.*

ISSN 2409-2274

Контакты 109028 Россия, г. Москва, Большой Трехсвятительский пер., дом 3, офис 303

Телефон: 8-495-772-95-90*11864 / *11824

www.demreview.hse.ru

demreview@hse.ru

EDITORIAL OFFICE:

Editor-in-Chief
Sergei V. ZAKHAROV

Deputy Editor-in-Chief
Sergey A. TIMONIN

Deputy Editor-in-Chief
Nikita V. MKRTCHYAN

Managing Editor
Anastasia I. PYANKOVA

Proofreader
Natalia S. ZHULEVA

Design and Making-up
Kirill V. RESHETNIKOV

EDITORIAL BOARD:

Victor AGADJANIAN
Evgeny ANDREEV
Mikhail DENISSENKO
Olga GAGAUZ
Olga ISUPOVA
Sergey IVANOV
Alla IVANOVA
Irina KALABIKHINA
Mikhail KLUPT
Nikita MKRTCHYAN

Anna MIKHEEVA
Vladimir MUKOMEL
Lilia OVCHAROVA
Pavel POLIAN
Anastasia PYANKOVA
Maria SAVOSKUL
Sergey TIMONIN
Andrey TREIVISCH
Vasily VLASSOV
Sergey ZAKHAROV

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

Barbara ANDERSON
Nicholas EBERSTADT
Irina ELISEEVA
Pavel GRIGOREV
Michel GUILLOT
Vladimir IONTSEV
Kazuhiro KUMO
David LEON
Ella LIBANOVA
Massimo LIVI BACCI
Tamara MAKSIMOVA

Tatyana MALEVA
France MESLE
Boris MIRONOV
Svetlana NIKITINA
Tomas SOBOTKA
Sergei SCHERBOV
Vladimir SHKOLNIKOV
Vlada STANKUNIENE
Mark TOLTS
Natalia ZUBAREVICH

FOUNDED BY ANATOLY G. VISHNEVSKY (1935-2021) IN 2014.

Released quarterly. Published since 2014.

All manuscripts are obligatory peer-reviewed.

Editorial office position does not necessarily coincide with the views of the authors.

Reproduction of any materials is possible only by agreement with the editorial office.

*The journal is registered on October 13, 2016 in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.
Certificate of Mass Media Registration ЭЛ № ФС77-67362.
ISSN 2409-2274*

**Editorial
address**

Bolshoy Trekhsvyatitelskiy lane 3, office 303, Moscow, 109028, Russia
Phone: 8-495-772-95-90 * 11864 / *11824

www.demreview.hse.ru
demreview@hse.ru

Оригинальные статьи

Subjective perception of social inequality - the population opinion about social justice

Irina Korchagina, Lidia Prokofieva

4-21

Субъективное восприятие социального неравенства – мнение населения о социальной справедливости

Ирина Корчагина, Лидия Прокофьева

Mass relocations of the population in connection with the shift to the west of the territory of Poland after the World War II

Catherine Gousseff

22-60

Массовые передислокации населения в связи со сдвигом на запад территории Польши после Второй мировой войны

Катрин Гусефф

Assessment of reliability of results of the 2019 Belarus population census based on an analysis of changes in the ethnolinguistic composition of population

Aleksandr Sokolov

61-103

Оценка достоверности результатов переписи населения 2019 года в Белоруссии на основе анализа изменений в этнолингвистическом составе населения

Александр Соколов

The Zemsky Doctor program as a factor of the doctors' migration to the peripheral territories of the central Russian regions

Ekaterina Sharepina

104-125

Программа «Земский доктор» как фактор миграции врачей на периферию регионов Центрального федерального округа

Екатерина Шарепина

Gender differences in the feeling of the school safety among teenagers aged 14-17

Marina S. Vyrsкая

126-137

Гендерные отличия чувства безопасности в школе у подростков 14-17 лет

Марина Вырская

Reproductive intentions and fertility trends in different countries during the COVID-19 pandemic: an analytical review of studies

Elena Vakulenko, Maria Makarova, Dmitriy Gorskiy

138-159

Репродуктивные намерения и динамика рождаемости населения разных стран в период пандемии COVID-19: аналитический обзор исследований

Елена Вакуленко, Мария Макарова, Дмитрий Горский

Does demography need a unified theory?
Natalia Kalmykova

160-166

Нужна ли демографии единая теория?

Наталья Калмыкова

Рецензии

СПИСОК РЕЦЕНЗЕНТОВ ЗА 2022 Г.

СПИСОК СТАТЕЙ ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2022 Г.

Субъективное восприятие социального неравенства – мнение населения о социальной справедливости

Ирина Ивановна Корчагина
(ikorchagina@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Румашевской ФНИСЦ РАН, Россия.

Лидия Михайловна Прокофьева
(lprokofieva@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Румашевской ФНИСЦ РАН, Россия.

Subjective perception of social inequality - the population opinion about social justice

Irina I. Korchagina
(ikorchagina@hse.ru), HSE University, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Lidia M. Prokofieva
(lprokofieva@hse.ru), HSE University, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Резюме: Понятие социальной справедливости носит междисциплинарный характер. Одним из наиболее болезненных его аспектов является социальная справедливость в экономических отношениях, которая предполагает создание благоприятных условий для равного доступа ко всем благам и услугам, в том числе к рынку труда и равной оплате за равный труд.

В работе представлен анализ результатов национального репрезентативного опроса населения «Готовность к переменам» (2021 г.) об уровне социальной справедливости в современной России, программой которого были предусмотрены вопросы, отражающие мнение населения о назначении социального государства и социальной справедливости в нашем обществе.

Российское население признает объективность дифференциации доходов, однако считает, что в настоящее время сформировалось излишне высокое расслоение в обществе, прежде всего из-за несправедливости системы оплаты труда в стране. Болезненной для российского общества оказалась тема доступности качественных услуг здравоохранения. Респонденты считают, что медицинские услуги всему населению страны должны оказываться с одинаково высоким качеством, и очень негативно воспринимают возможность людей с высоким достатком получать более качественные услуги. Создание условий для обеспечения социальной справедливости население возлагает на власть. Большинство считает, что в обязанность государства входит регулирование распределительных отношений с целью сокращения дифференциации доходов.

В работе дается анализ мнений об уровне социальной справедливости в стране в зависимости от демографических характеристик и субъективной оценки уровня жизни опрашиваемого населения. Показано, что основными дифференцирующими признаками субъективного представления о социальной справедливости являются возраст и материальное положение. Пожилые и бедные люди в большей степени рассчитывают на государство и имеют более обостренное чувство справедливости.

Ключевые слова: социальная справедливость, социальная политика, общество, государство, распределительные отношения, неравенство.

Для цитирования: Корчагина И. И., & Прокофьева Л. М. (2022). Субъективное восприятие социального неравенства – мнение населения о социальной справедливости. Демографическое обозрение, 9(4), 4-21. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16742>

Abstract: The concept of social justice is interdisciplinary and it is considered within various disciplines: philosophy, political science, history, sociology, and etc. The world experience of creating legal states is based on the idea of social justice. Social justice in economic relations is one of the most important aspects, which involves the creation of favorable conditions for equal access to the labor market. Social justice implies equal pay for equal work. This article presents the results of the population survey about social justice in Russia, based on the sociological survey “Readiness for Change” in 2021. The survey program is included questions about the role of the state and social justice.

The analysis results show that the Russian population recognizes the objectivity of income differentiation, but believes that in society the differentiation is very high and the wage system is injustice. The access to quality health care services is the important problem. Respondents believe that high quality services should be provided to the entire population, and they perceive very negatively the possibility of people with high incomes to receive better services. Respondents believes that it is the responsibility of the state to regulate distribution relations and authority should reduce income differentiation.

It is shown that the main differentiating features of respondents' answers to questions about social justice are age and financial situation. The elderly and the poor rely more on the state and have a stronger sense of justice.

Keywords: *social justice, social policy, society, state, inequality.*

For citation: *Korchagina I., & Prokofieva L. (2022). Subjective perception of social inequality - the population opinion about social justice. Demographic Review, 9(4), 4-21. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16742>*

Введение

Устойчивый рост благосостояния граждан возможен только на фоне эффективного экономического развития. Однако в этом случае в рыночной экономике, как правило, происходит усиление социальной и экономической дифференциации, что приводит к необходимости государственного вмешательства в распределительные отношения. Кризисы последних лет, вызванные пандемией коронавируса и экономическими санкциями, еще сильнее обострили проблему неравного доступа населения к различным благам общества.

Сглаживание разрыва между богатыми и бедными является одной из основных функций социального государства, а обеспечение социально справедливого распределения доходов происходит, в частности, через систему налогов, разработку минимальных социальных гарантий и социальную защиту населения. При этом очень важно, чтобы население поддерживало социальную политику государства, а его действия по выравниванию доходов не противоречили понятию социальной справедливости. В то же время проблема социальной справедливости выходит за пределы обязанностей государства в сфере распределительных отношений. Неравенство априори формируется в результате объективной дифференциации населения по человеческому потенциалу (образованию, квалификации, состоянию здоровья и др.).

Таким образом, в основе современного мира объективно лежит принцип дифференциации, однако если неравенство слишком высоко, то это приводит к неустойчивости социально-экономического развития общества, поскольку показатели человеческого капитала отрицательно коррелируют с индексами неравенства доходов, а потери человеческого развития в связи с неравенством образования и здоровья положительно связаны с дифференциацией доходов (Кирута 2011: 71-73). В сознании людей потребность в социальной справедливости выражается в стремлении к снижению неравенства. Речь идет не о полном преодолении неравенства, а снижении чрезмерного неравенства (Лапин, Ильин, Морев 2020).

Весь мировой опыт формирования правовых государств базируется на идее социальной справедливости. Это понятие вписано в определенную форму жизни каждого сообщества, оно тесно связано с поиском модели сбалансированного развития, поиском такого общественного устройства, которое может обеспечить общественное согласие и прогресс (World Bank 2020: 18; Попова 2016). Социальная справедливость представляет собой одновременно концептуальную схему и практику регулирования отношений человека и общества (Пациорковский 2021: 5).

Концепция социальной справедливости имеет междисциплинарный характер и рассматривается с различных позиций и в различных областях знаний, существует множество теорий и определений этого явления. Наиболее универсальное определение связано с предоставлением равных возможностей, социальных гарантий всем членам общества, отсутствием всех типов дискриминации и с социальной поддержкой депривированных групп населения (Острая 2006).

Одним из наиболее болезненных аспектов понятия социальной справедливости является социальная справедливость в экономических отношениях. Это основной элемент любой социально-экономической системы, нормы социальной справедливости охватывают отношения между всеми типами экономических субъектов (Петросян 2007).

Теория справедливости Дж. С. Адамса рассматривает социальную справедливость с точки зрения равенства между вкладом, который люди вносят в свою работу, и результатами, которые они получают от неё, по сравнению с усилиями и результатами других (Adams 1965). Внутреннее ощущение справедливости соотношения затраченных усилий и полученного вознаграждения, по мнению автора, является важным мотивирующим фактором для работника и стимулом повышения производительности труда. В то же время два человека с одинаковым опытом и квалификацией на одной и той же должности могут иметь разное субъективное представление о справедливости, поэтому критики подвергают сомнению простоту этой модели. Одно из основных критических замечаний этой теории – идеализация, упрощение явления, поскольку в концепции не учтены индивидуальные особенности и личные ценности каждого работника и теория не объясняет разную степень активности и разные уровни усилий, предпринимаемые людьми для достижения одних и тех же целей. На восприятие людьми справедливости могут влиять разные факторы, в том числе и демографические (Huseman, Hatfield, Miles 1987).

Многочисленные исследования указывают на высокий запрос российского населения на социальную справедливость, которая рассматривается как один из важнейших элементов функционирования общества. Именно на этой базовой ценности государство должно строить целенаправленную социальную политику.

За последние несколько лет эта потребность еще больше актуализировалась и обострилась. На постсоветском пространстве социальная справедливость вошла в противоречие с корпоративными и групповыми интересами. Однако идея справедливости по-прежнему остается одной из ключевых в ценностной системе российского общества, она возглавляет список ценностей, на которых, по мнению россиян, должно строиться будущее страны (Петухов, Петухов 2019: 120). Как показывают исследования Института социологии РАН, по мнению граждан, необходимо активное участие государства в их жизни, расширение сферы социальной политики (Лежнина 2021). В последние годы запрос на справедливость растет не только в России – 20 февраля 2022 г. по инициативе ООН во всем мире отмечался Всемирный день социальной справедливости.

В целом картину справедливого общества формирует не столько фактический уровень жизни респондента, сколько его субъективное представление о достаточности доходов и справедливости их распределения. Насколько легитимно неравенство в доходах, в доступности материальных и нематериальных благ в глазах населения? Оценку эффективности российского социального государства в большей степени дают не данные статистики, а результаты социологических опросов, и именно они служат адекватным мерилем для диагностики процессов, происходящих в общественном сознании (Ильин, Морев, Поварова 2019).

Для оценки мнения населения об уровне социальной справедливости в России мы используем данные выборочного социологического исследования Аналитического Центра Юрия Левады¹ «Готовность к переменам» 2021 г.², программой которого были

---

¹ АНО Левада-Центр решением Минюста РФ в 2016 г. включён в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции «иностранный агент».

² Общероссийский опрос проведен в сентябре 2021 г. по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения объемом 6149 человек в возрасте 15-72 года.

предусмотрены вопросы, отражающие мнение населения о назначении социального государства и социальной справедливости в российском обществе.

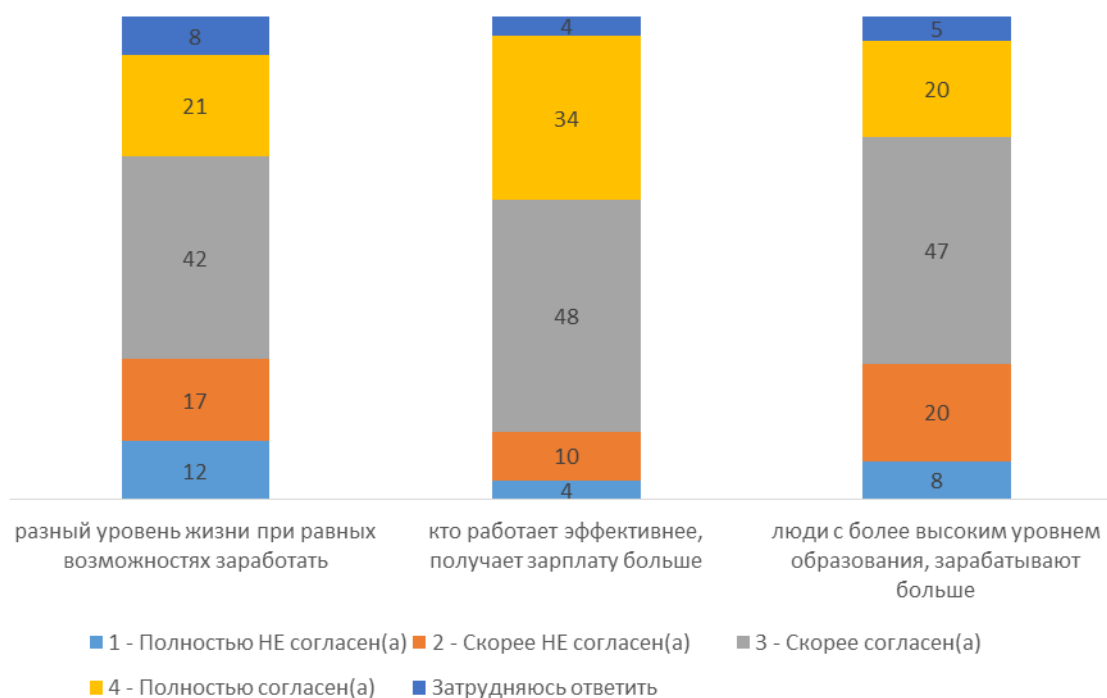
Результаты исследования

Исследование показывает, что в массовом сознании российского населения требование социальной справедливости занимает очень важное место. Современное понимание социальной справедливости содержит в себе требования к состоянию общества и характеру общественных отношений. Оно связано с предоставлением равных стартовых возможностей и социальных гарантий всем членам общества, обеспечением равной оплаты за равный труд. Респонденты допускают, что в обществе могут быть богатые люди, однако такая ситуация возможна только в том случае, если доходы они заработали своим более эффективным трудом. Так, 63% (ответы «*полностью согласен*» и «*скорее согласен*») респондентов считают, что это справедливо, когда у одних людей оказывается больше денег, чем у других, если они имели равные возможности их заработать. Однако более четверти опрошенных не согласны, что в основе понятия справедливости лежит принцип равенства шансов, таким образом склоняясь к концепции всеобщего равенства, при которой уровень благосостояния не зависит от вложенного труда (ответы «*полностью не согласен*» и «*скорее не согласен*») (рисунок 1).

Эффективность труда многих типов занятости напрямую определяет качество полученного образования, и при дополнительном вложении в эту составляющую человеческого капитала труд будет более производительным и эффективным, а значит, должен лучше оплачиваться. В российских условиях получение вузовского диплома способствует увеличению зарплаток примерно вдвое, а обучение в ссузах обеспечивает прибавку к заработной плате 15-25%. (Капелюшников 2021: 42). В справедливость того, что те, кто получил более высокий уровень образования, зарабатывают больше, верят 66% респондентов. В то же время не согласились с этим утверждением почти 30% респондентов, причем полностью не согласны только 8% (ответ «*полностью не согласен*»), а остальные не вполне уверены в отрицании данного постулата (ответ «*скорее не согласен*»).

В основе благополучия домохозяйства лежит трудовая активность его членов. Поэтому выше доля тех респондентов, которые считают, что справедливо, если тот, кто независимо от уровня образования работает быстрее и эффективнее, получает зарплату выше, чем люди, работающие менее эффективно (83%), а совсем не согласных с этим утверждением только 4%.

Рисунок 1. Субъективное восприятие справедливости неравенства в России, %³

Источник: Расчеты авторов на данных исследования «Готовность к переменам», 2021 г.

Институт социальной справедливости в экономических отношениях должен быть одним из наиболее важных в системе социально-экономических институтов (Петросян 2007: 61). Вместе с тем высокий спрос на социальную справедливость сопровождается уверенностью большинства граждан в том, что современное российское общество несправедливо. Признавая объективность дифференциации доходов, российское население считает, что в настоящее время сформировалось излишне высокое расслоение в обществе, которое базируется на несправедливой системе оплаты труда в стране. С тем, что нынешняя система оплаты труда в России является справедливой и различия в доходах сейчас в целом справедливы, не согласны большинство респондентов (87-88%) (рисунок 2).

В то же время не так однозначно респонденты отвечают на вопросы об оплате собственного труда и стимулирующем характере дифференциации в доходах. В условиях явных перекосов в системе оплаты труда в РФ люди не верят в то, что разница в доходах необходима для того, чтобы стимулировать людей лучше работать. Только немногим больше трети респондентов согласились с этим (ответы «полностью согласен» и «скорее

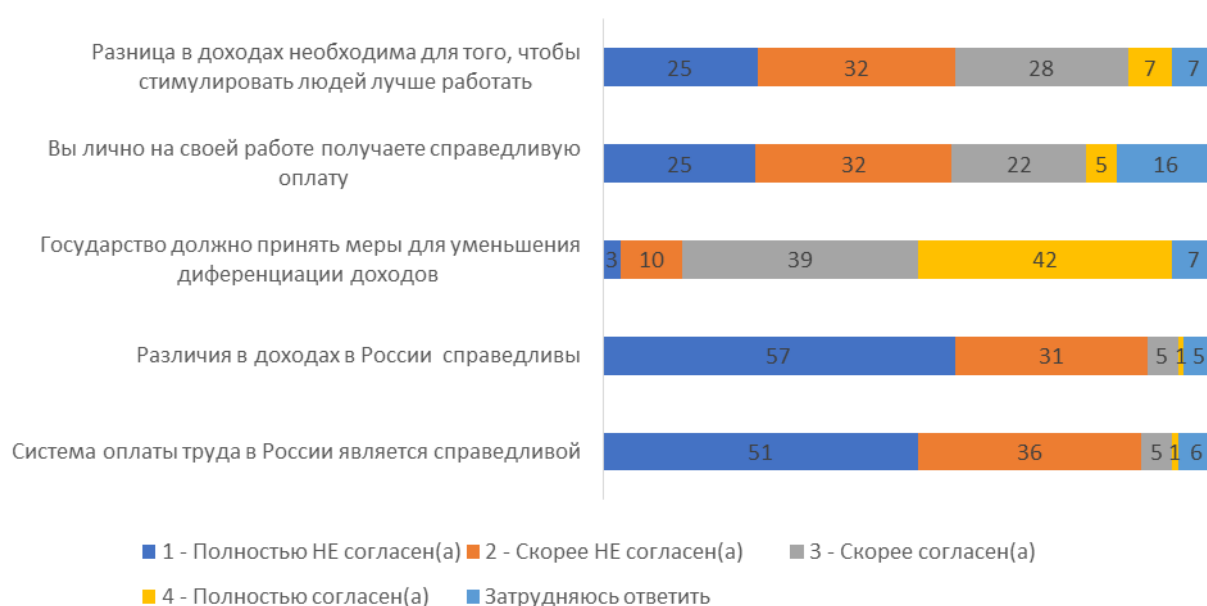
³ Субъективное восприятие справедливости неравенства в России оценивается по следующим вопросам: «Согласны ли Вы с утверждениями о том, что: а) Когда у одних людей оказывается больше денег, чем у других, это справедливо, если они имели равные возможности их заработать; б) Справедливо, что те, кто работают быстрее и эффективнее, получают зарплату больше, чем люди на той же должности, но работающие менее эффективно; в) Справедливо, что те, кто получил более высокий уровень образования, зарабатывают больше?».

Варианты ответов: 1 – Полностью НЕ согласен(а), 2 – Скорее НЕ согласен(а), 3 – Скорее согласен(а), 4 – Полностью согласен(а), Затрудняюсь ответить.

согласен»), причем полностью согласных с тем, что в настоящее время дифференциация доходов носит стимулирующий характер, только 7%.

С проявлением несправедливости население сталкивается на своем рабочем месте и прежде всего это касается оплаты труда. Больше половины респондентов, по их мнению, получают несправедливую оплату, учитывая квалификацию и тяжесть труда, и немногим более четверти опрошенных считают, что оплата справедливая. Обратим внимание, что только 5% респондентов абсолютно уверены в справедливости оплаты своего труда, а остальные «скорее согласны» с этим. Также по последнему вопросу относительно высока доля тех, кому сложно было оценить справедливость оплаты собственного труда, поэтому доля не определившихся с ответом составила 16%.

Рисунок 2. Субъективное восприятие справедливости оплаты труда и дифференциации доходов в России, %⁴

Источник: Расчеты авторов на данных исследования «Готовность к переменам», 2021 г.

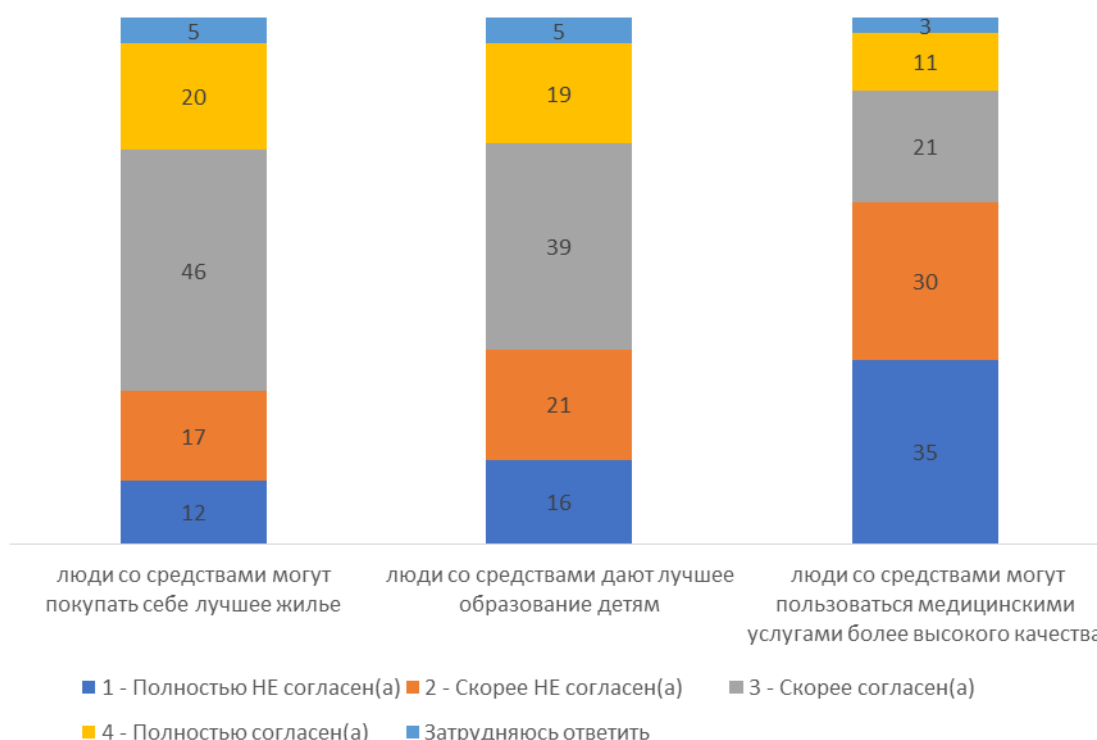
Концепция социальной справедливости предполагает создание благоприятных условий равного доступа граждан ко всем сферам жизни, в том числе к рынку труда и равной оплате за равный труд. Создание условий для обеспечения такой справедливости население возлагает на власть. Большинство считает, что в обязанность государства входит

⁴ Субъективное восприятие справедливости оплаты труда и дифференциации доходов в России оценивается по следующим вопросам: «Согласны ли Вы с утверждениями о том, что: а) Нынешняя система оплаты труда в России является справедливой; б) Различия в доходах в России сейчас в целом справедливы; в) Государство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми; г) Вы лично на своей работе получаете справедливую оплату, учитывая Вашу квалификацию и тяжесть труда; д) Разница в доходах необходима для того, чтобы стимулировать людей лучше работать?». Варианты ответов: 1 – Полностью НЕ согласен(а), 2 – Скорее НЕ согласен(а), 3 – Скорее согласен(а), 4 – Полностью согласен(а), 5 – Затрудняюсь ответить.

регулирование распределительных отношений: «государство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми» (81%).

С понятием социальной справедливости тесно связано отношение населения к более высокому уровню потребления богатых людей. В ходе опроса респонденты определяли свое отношение к возможности людей высокого материального достатка дать более качественное образование своим детям, пользоваться медицинскими услугами более высокого качества и покупать лучшее жилье, чем менее обеспеченные группы населения (рисунок 3).

Рисунок 3. Субъективное восприятие справедливости более качественного потребления семей с высоким достатком в России, %⁵

Источник: Расчеты авторов на данных исследования «Готовность к переменам», 2021 г.

Перечисленные блага современного общества имеют высокую дифференциацию в нашей стране. Наиболее проблемная тема – доступность и качество услуг здравоохранения. Респонденты считают, что медицинские услуги всему населению страны должны оказываться с одинаково высоким качеством, поэтому население очень болезненно воспринимает возможность богатых людей получать более качественное лечение:

⁵ Субъективное восприятие справедливости более качественного потребления семей с высоким достатком оценивается по следующим вопросам: «Согласны ли Вы с утверждениями о том, что: а) Справедливо, если люди со средствами могут покупать себе лучшее жилье, чем другие; б) Справедливо, когда те, кто может себе это позволить, дают лучшее образование детям; в) Справедливо, что люди со средствами могут пользоваться медицинскими услугами более высокого качества, чем другие?». Варианты ответов: 1 – Полностью НЕ согласен(а), 2 – Скорее НЕ согласен(а), 3 – Скорее согласен(а), 4 – Полностью согласен(а), Затрудняюсь ответить.

65% респондентов не согласны с этим, а среди них больше половины ответили категорическим несогласием.

Несмотря на то, что образование так же, как и медицинские услуги, для всего населения в РФ предоставляются бесплатно, оплата образования более высокого качества при наличии средств в глазах населения выглядит более справедливо, чем оплата медицинских услуг. С утверждением о том, что справедливо, если семьи, которые могут себе это позволить, дают лучшее образование детям, согласились 58% респондентов, а категорически не согласны 16% отвечающих.

Менее остро респонденты воспринимают дифференциацию в части жилищной обеспеченности: доля согласных при обсуждении возможностей людей с высокими доходами иметь лучшее жилье еще выше, чем при обсуждении образования: 66% респондентов считают справедливым, если семьи со средствами могут покупать себе лучшее жилье, а доля категорически не согласных с этим только 12%.

Поскольку категория «справедливость» носит оценочный характер, то и восприятие социального неравенства через понятие справедливости не гомогенно. Взгляд людей на социальные процессы, в которые они включены, и в том числе на понятие справедливость, главным образом зависит от возраста респондента и его уровня жизни. Поколенческие различия проявляются, прежде всего, в ответах на вопросы о несправедливости система оплаты труда и о различиях в доходах в России – об этом чаще говорят люди старших возрастов, так же, как и о том, что государство должно регулировать этот процесс. Так, например, о том, что государство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми говорят 86% респондентов старше 55 лет, а среди самой младшей возрастной группы (до 24 лет) так думает 73% (таблица).

Таблица. Возрастные различия в ответах на вопросы о справедливости оплаты труда и дифференциации доходов в России, %

	Возраст респондента, лет					
	15-24	25-34	35-44	45-54	55-64	65-72
Согласны с утверждением: Государство должно принять меры для уменьшения различий в доходах между людьми	73	78	77	84	86	86
Не согласны с утверждением: Система оплаты труда в России является справедливой	79	86	87	90	91	88
Не согласны с утверждением: Различия в доходах в России справедливы	79	86	87	93	92	93

Источник: Расчеты авторов на данных исследования «Готовность к переменам», 2021 г.

На несправедливость существующей высокой дифференциации доходов указывают почти все опрошенные граждане старше 45 лет (92-93%), этого мнения придерживаются немного меньше респондентов в возрасте 25-44 года (86-87%) и только совсем молодые люди (до 24 лет) реже всех остальных возрастных групп указывают на такую несправедливость (79%).

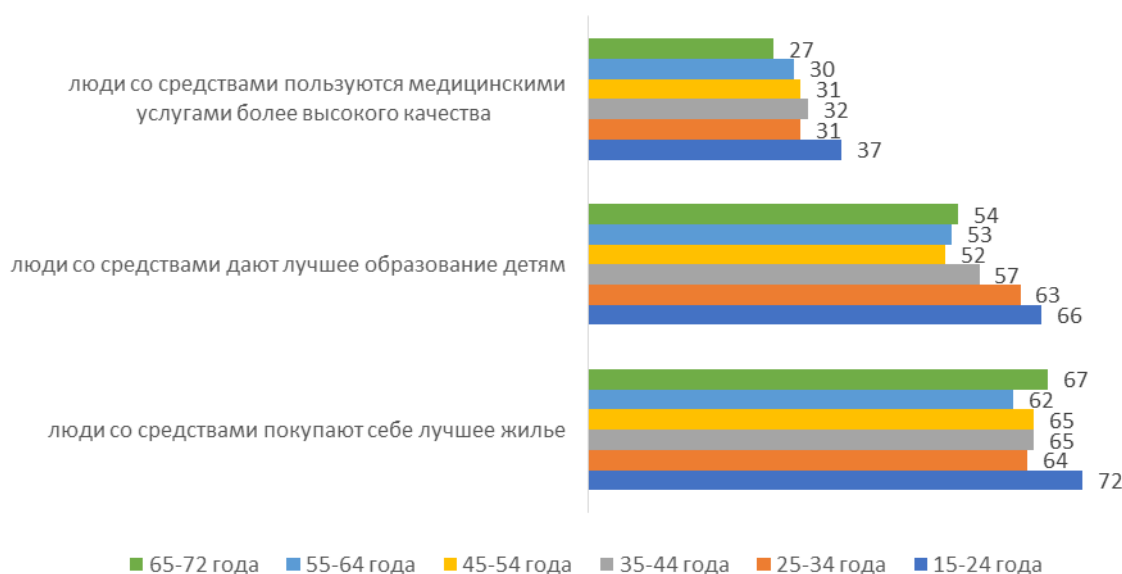
Аналогичная картина наблюдается, если речь идет о справедливости системы оплаты труда в России, с той лишь разницей, что доля граждан старше 45 лет, полагающих, что система несправедлива, несколько меньше по сравнению с негативными ответами о

несправедливости доходов (88-91%), что объясняется постепенным уходом людей старших возрастов с рынка труда.

Различия в отношении населения к более высокому уровню потребления людей со средствами также носят поколенческий характер. Распределение положительных ответов на высказывания о справедливости более высокого потребления семей с высоким достатком в зависимости от возраста респондента показывает, что чем моложе респондент, тем чаще он соглашается со справедливостью такой ситуации. Так, если с возможностью более обеспеченных родителей давать лучшее образование своим детям согласны 66% молодых людей в возрасте 15-24 года, то среди людей самой старшей возрастной группы (65-72 года) таких немногим более половины (рисунок 4).

По вопросу качества услуг здравоохранения выделяется группа наиболее активных потребителей этих услуг: люди самой старшей возрастной категории. С возможностью обеспеченных людей получать медицинские услуги более высокого качества согласны только 27% респондентов этой группы, а среди молодых людей в возрасте 15-24 года таких на 10 п.п. больше. При этом полностью согласных среди пожилых только 7% против 17% среди людей самой молодой возрастной группы.

Рисунок 4. Субъективное восприятие справедливости более качественного потребления семей с высоким достатком в зависимости от возраста респондента, распределение положительных ответов (полностью согласны или скорее согласны), %

Источник: Расчеты авторов на данных исследования «Готовность к переменам», 2021 г.

Мнение о справедливости устройства общества имеет высокую корреляцию с уровнем жизни респондента, измеренного через субъективную оценку ⁶.

⁶ Субъективная оценка уровня жизни определяется по вопросу: «К какой из следующих групп населения Вы могли бы отнести себя (свою семью)?» со следующими ответами:

- 1 Мы едва сводим концы с концами; денег не хватает даже на продукты
- 2 На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает серьезные затруднения

Так, о справедливости более высокой оплаты труда тем, кто работает быстрее и эффективнее, говорят 77% респондентов с самым низким, по их собственному мнению, уровнем жизни и 86% – с самым высоким (рисунок 5).

Рисунок 5. Субъективное восприятие справедливости неравенства в зависимости от уровня жизни респондента, распределение положительных ответов (полностью согласны или скорее согласны), %

Источник: Расчеты авторов на данных исследования «Готовность к переменам», 2021 г.

Еще большие различия в ответах наблюдаются, если речь идет о справедливости более высокой оплаты труда для людей с более высоким уровнем образования. С утверждением: «справедливо, что те, кто получил более высокий уровень образования, зарабатывают больше», согласны 60% респондентов с самым низким уровнем благосостояния и 74% – с самым высоким.

Люди с низким достатком в большей степени склонны к равному распределению ресурсов в обществе, они реже дают положительные ответы на вопрос о справедливости формирования материальной дифференциации при условии равных возможностей на рынке труда и равных условий для зарабатывания денег (56% против 67-68% для самых обеспеченных групп населения).

В зависимости от материального положения респондента формируется и его несогласие с системой оплаты труда. Например, 90% респондентов с самым низким, по их собственному мнению, уровнем жизни недовольны системой оплаты труда и дифференциацией доходов, а среди респондентов с самым высоким уровнем жизни таких на 10 п.п. меньше (рисунок 6). Не согласны с утверждениями о том, что разница в доходах

3 Денег хватает на продукты и одежду, но покупка вещей длительного пользования (телевизора, холодильника и т.п.) является для нас проблемой

4 Мы можем покупать без затруднений такие вещи, как холодильник или телевизор, но для нас затруднительно приобрести автомобиль

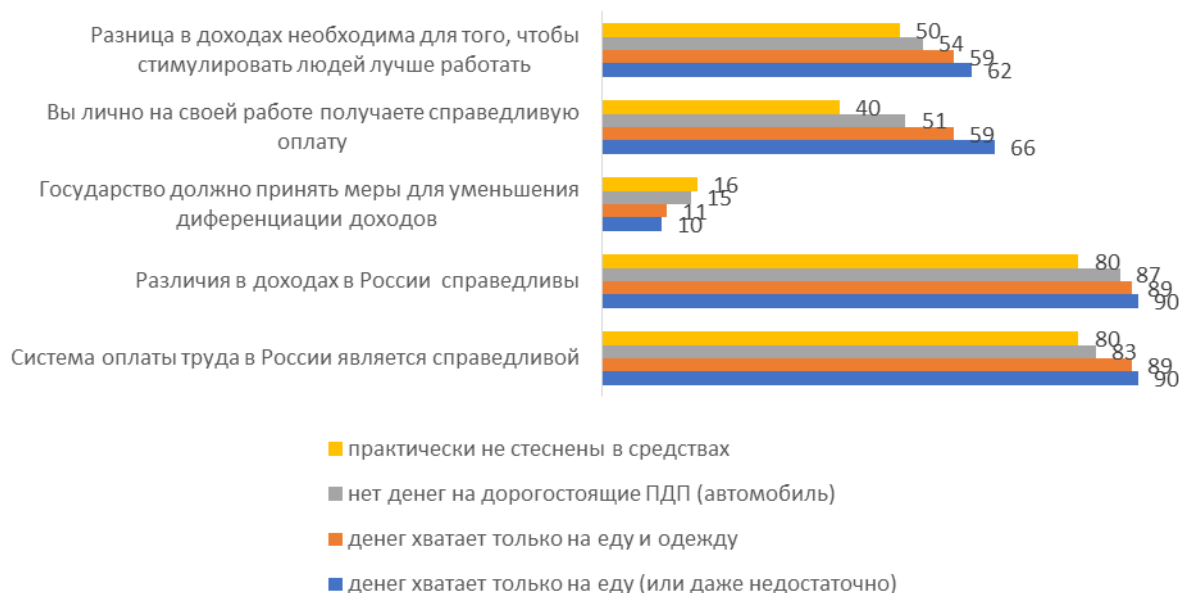
5 Мы можем купить автомобиль, но не можем сказать, что не стеснены в средствах

6 Мы можем покупать любые дорогие вещи, недвижимость и ни в чем себе не отказывать.

Для анализа объединены ответы 1 и 2, а также 5 и 6.

необходима для того, чтобы стимулировать людей лучше работать, 62% респондентов с самым низким уровнем жизни и 50% респондентов с самым высоким.

Рисунок 6. Субъективное восприятие справедливости оплаты труда и дифференциации доходов в зависимости от субъективной оценки уровня жизни, распределение отрицательных ответов (полностью не согласны или скорее не согласны), %

Источник: Расчеты авторов на данных исследования «Готовность к переменам», 2021 г.

Люди с низким достатком в большей степени склонны к патернализму со стороны государства. Отрицательных ответов о необходимости вмешательства государства в процесс распределительных отношений среди респондентов с самым низким уровнем жизни меньше, чем среди высокообеспеченных (10% против 16%).

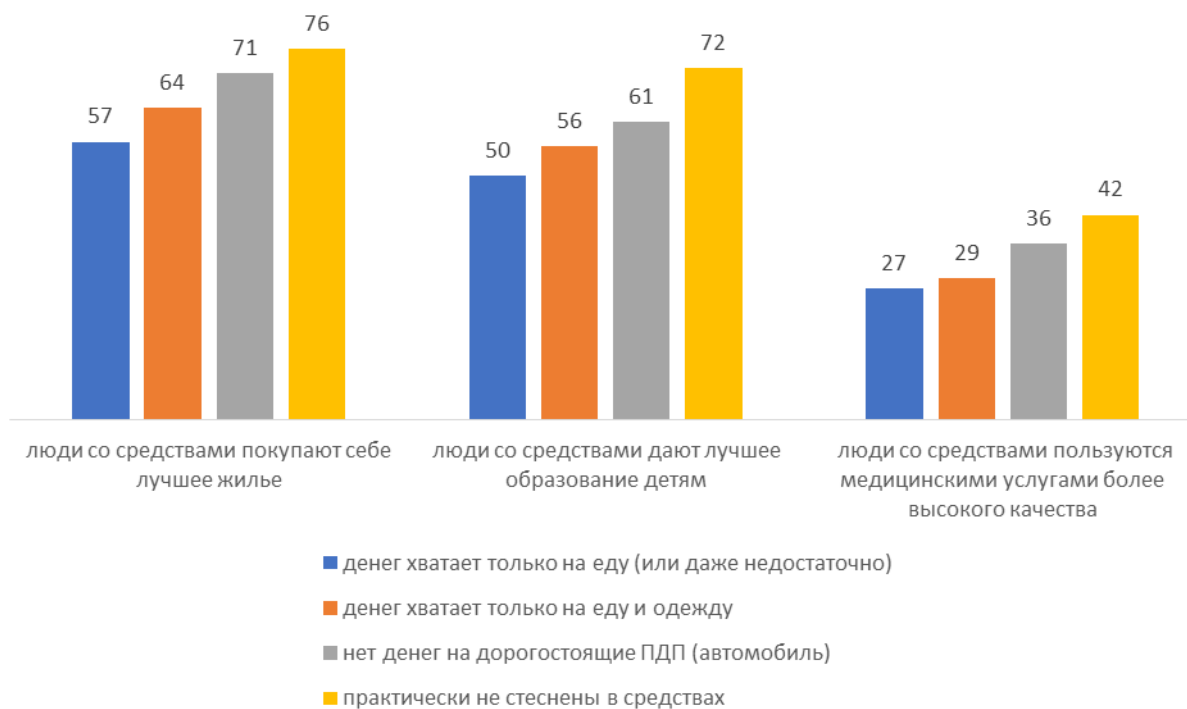
Обратим внимание, что, когда речь идет об оплате собственного труда с учетом полученной квалификации и тяжести труда, различия в ответах респондентов разного материального положения наиболее существенны. Респонденты, очень низко оценивающие свой уровень жизни, чаще говорят о недооценке своей работы и несправедливой оплате (66% против 40% респондентов с самым высоким уровнем жизни).

В этом вопросе проявились также гендерные различия: женщины реже соглашались со справедливостью оплаты собственного труда: только 24% из них считают, что получают адекватную заработную плату, а среди мужчин таких 30%. С необходимостью доходной дифференциации также легче соглашались мужчины, чем женщины (40% против 32%).

Что касается ответов на вопросы о справедливости более высокого потребления качественных услуг обеспеченными людьми в сфере образования, здравоохранения и жилищной обеспеченности, то очевидно, что чаще соглашались с этим респонденты, имеющие более высокий уровень жизни. Так, например, если говорить об услугах здравоохранения, то возможность получения обеспеченными людьми медицинских услуг более высокого качества считают справедливой 42% респондентов с самым высоким уровнем жизни, которые не стеснены в средствах, и 27% тех, кто практически весь бюджет

тратит на еду или им даже не всегда хватает на продукты питания. Для услуг образования и жилищной обеспеченности эти различия составляют 72% против 50% и 76% против 57% соответственно (рисунок 7).

Рисунок 7. Субъективное восприятие справедливости более качественного потребления семей с высоким достатком в зависимости от субъективной оценки уровня жизни, распределение положительных ответов (полностью согласны или скорее согласны), %

Источник: Расчеты авторов на данных исследования «Готовность к переменам», 2021 г.

Ожидая особую чувствительность к вопросам социальной справедливости респондентов, имеющих детей, тем не менее мы не обнаружили существенных различий во мнениях по этой проблеме в семьях с детьми и без детей. Также на мнение респондента о социальной справедливости не влияет число детей в семье, и даже по вопросу доступности качественного образования отсутствует дифференциация ответов для детских и бездетных домохозяйств.

Семьи с детьми имеют особые потребности и повышенные расходы и находятся в группе риска бедности из-за высокой иждивенческой нагрузки, однако они решают задачи государственной важности, особенно многодетные, поскольку способствуют решению демографических проблем государства. Это противоречие могло бы сформировать у них обостренное чувство социальной справедливости, однако обследование нам это не показало. Возможно, нахождение в мейнстриме по субъективному ощущению справедливости способствовало усилению социальной политики по отношению к семьям с детьми в последнее время (новые меры социальной поддержки, повышение размера выплат для уже существующих долгое время мер социальной поддержки, специальные выплаты семьям с детьми в период пандемии коронавируса и др.), что в определенной степени сгладило негативные последствия от экономического кризиса, вызванного эпидемией (неблагоприятные изменения на рынке труда и «схлопывание» целых отраслей

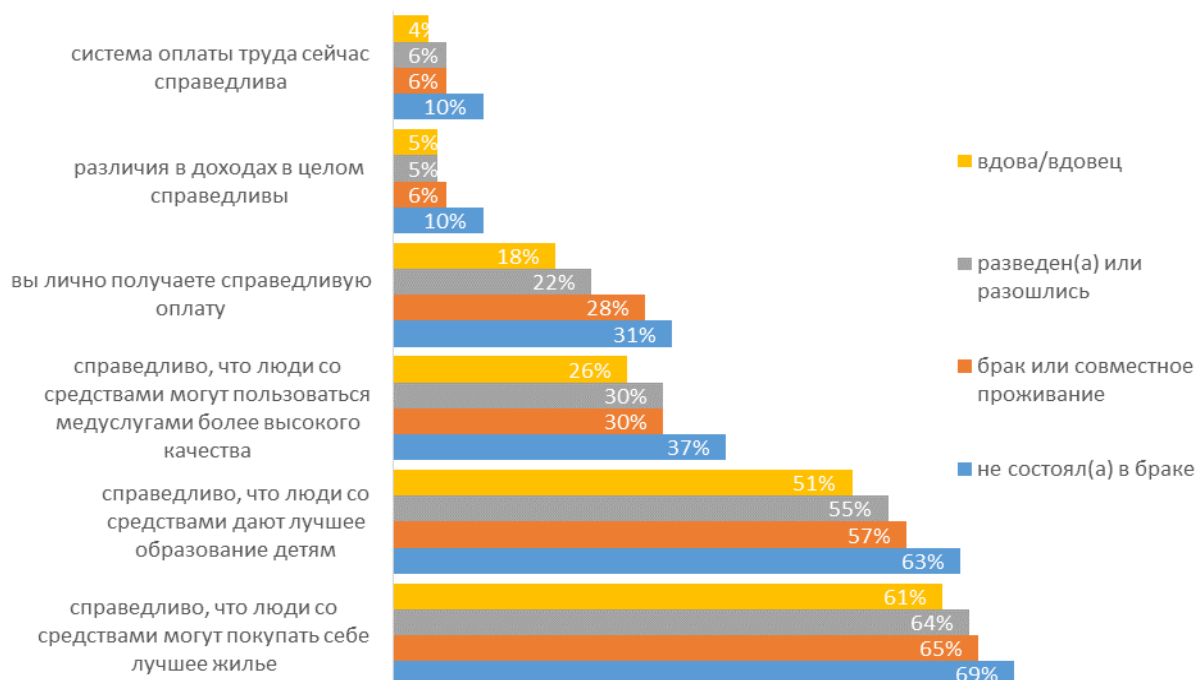
экономики в период пандемии). Однако значительные меры поддержки, предоставляемые в последнее время семьям с детьми, помогли лишь сократить темпы роста бедности, но существенно не улучшили материальное положение семей (Пишняк и др. 2021).

Субъективное представление о справедливости зависит от семейного статуса респондента, и здесь выделяются два полюса: с одной стороны находится группа респондентов, еще не создавших семью или партнерство, а с другой – люди, уже потерявшие супруга – вдовы или вдовцы. Первая группа более оптимистична и на все вопросы о справедливости дает самый большой процент положительных ответов, а вторая, наоборот, реже соглашается с наличием справедливости в российском обществе. Например, 63% респондентов, никогда не имевших партнерских отношений, считают справедливым, если более обеспеченные семьи дают лучшее образование детям, а среди вдов (вдовцов) таких на 12 п.п. меньше, по вопросу жилья это соотношение равно 69% против 61%, а по вопросу доступности медицинских услуг – 37% против 26% (рисунок 8).

По вопросам, касающимся распределительных отношений, также выделяются респонденты, никогда не имевшие партнерских отношений. Они в 2 раза чаще, чем респонденты других семейных статусов, отмечают справедливость системы оплаты труда и различий в доходах, вместе с тем доля положительных ответов и в этой группе довольно мала: только каждый десятый респондент из этой группы считает, что система оплаты труда и дифференциация доходов в России справедливы.

Однако эти межгрупповые различия в большей степени являются влиянием возраста, чем семейного статуса: 70% респондентов, еще не создавших семью или партнерство, относятся к возрастной категории 15-34 года, причем половина респондентов этого семейного статуса находятся в возрасте 15-24 года, а вдовы (вдовцы) в подавляющем большинстве – это люди в возрасте 55-72 года (85%), больше половины из которых относятся к самой старшей возрастной категории (65-72 года).

Рисунок 8. Субъективное восприятие справедливости более качественного потребления семей с высоким достатком, системы оплаты труда и дифференциации доходов в зависимости от семейного статуса респондента, распределение положительных ответов (полностью согласны или скорее согласны), %

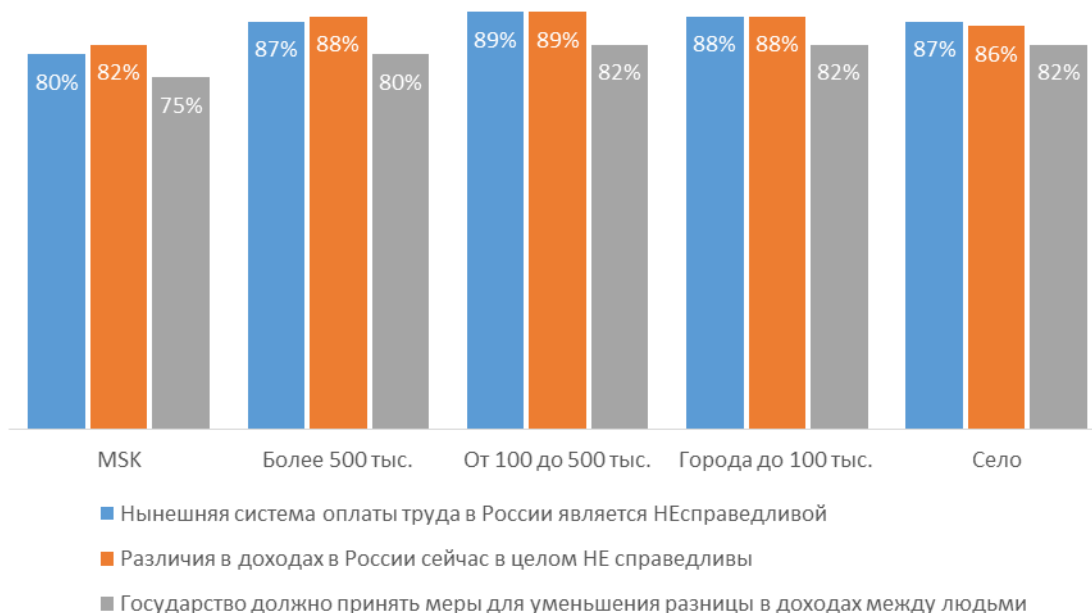

Источник: Расчеты авторов на данных исследования «Готовность к переменам», 2021 г.

Различия в ответах между разведенными (разошедшимися) и состоящими в браке (в партнёрских отношениях) незначимы, за исключением ответа на вопрос об оплате собственного труда. Респонденты, имеющие супруга или партнера, чаще выражают согласие со справедливостью собственной оплаты (28% против 22%), видимо здесь сказывается влияние мнения замужних женщин, которые отдают право на основное материальное обеспечение семьи супругу или партнеру, соглашаясь на менее оплачиваемую работу.

Дифференциация ответов о социальной справедливости по поселенческому признаку указывает на более благоприятное экономическое положение москвичей по сравнению с жителями других населенных пунктов. Жители столицы несколько реже отмечают несправедливость системы оплаты труда и распределения доходов (рисунок 9). Например, на то, что нынешняя система оплаты труда в России является несправедливой, указали 80% москвичей и почти 90% жителей крупных городов с населением до 500 тыс. жителей. Большинство респондентов считают, что государство должно более активно регулировать распределительные отношения и принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми, но среди жителей столицы таких несколько меньше (75% москвичей и 82% жителей менее крупных городов).

Рисунок 9. Субъективное восприятие справедливости оплаты труда и дифференциации доходов в зависимости от типа поселения, распределение положительных ответов (полностью согласны или скорее согласны), %

Источник: Расчеты авторов на данных исследования «Готовность к переменам», 2021 г.

Выделяются москвичи и в оценке оплаты собственного труда: 33% респондентов в Москве считают, что на своей работе получают справедливую оплату, учитывая квалификацию и тяжесть труда, в то время как, например, в сельской местности только 24% респондентов довольны своей зарплатой с точки зрения справедливости оплаты вложенного труда.

Заключение

В основе субъективного восприятия неравенства лежит принцип социальной справедливости – основополагающее, базовое понятие для любого современного общества. В глазах населения социальная справедливость характеризуется предоставлением равных стартовых возможностей и социальных гарантий всем членам общества. Российское население признает объективность дифференциации доходов и допускает существование неравенства, возникшего на справедливых основаниях, связанных с индивидуальными способностями работника, приводящими его к более эффективному труду, однако считает, что в настоящее время сформировалось излишне высокое расслоение в обществе, прежде всего из-за несправедливости системы оплаты труда в стране. Ответственность за это респонденты возлагают на власть и считают, что в обязанность государства входит регулирование распределительных отношений с целью сокращения дифференциации доходов.

Основными дифференцирующими признаками субъективного представления о социальной справедливости являются возраст и материальное положение респондента. Пожилые и бедные люди в большей степени рассчитывают на государство и имеют более обостренное чувство справедливости. Восприятие справедливости зависит и от семейного

статуса респондента, однако это скорее влияние возраста представителей разных типов семейного положения. Поселенческий фактор также не имеет самостоятельного влияния и связан в большей мере с уровнем жизни респондента – самыми «удовлетворенными» оказываются жители столицы в отличие от жителей других городов и сельской местности. Гендерные различия в ответах проявились только по вопросу справедливости оплаты собственного труда, когда женщины чаще говорят о его недооценке, и по вопросу необходимости доходной дифференциации, с которой легче соглашаются мужчины. Оценить влияние состава и структуры домохозяйства на мнение о социальной справедливости не позволяет индивидуальный характер обследования, не включающий вопроса о составе домохозяйства респондентов.

Довольно болезненной точкой социальной сферы в России является система здравоохранения. Большинство респондентов (и особенно старших возрастов) очень остро воспринимают возможность людей с высоким достатком получать более качественные медицинские услуги. При этом получение более качественного образования детьми из обеспеченных семей, так же, как и владение ими более качественным жильем, в глазах населения выглядит более справедливо, чем доступность медицинских услуг, причем нет существенных различий во мнениях о социальной справедливости в семьях с детьми и без детей даже по вопросу об образовании.

Таким образом, в сознании российских граждан требование социальной справедливости занимает важное место, спрос на справедливость очень высок и будет возрастать, если этот главный, основополагающий принцип существования государства будет нарушаться. Российское население нуждается в государстве, которое должно гарантировать соблюдение принципа социальной справедливости.

Литература

- Ильин В., Морев М., Поварова А. (2019). Является ли Россия социальным государством? *Общество и экономика*, 8, 5-36.
- Капелюшников Р.И. (2021). Отдача от образования в России: ниже некуда? *Вопросы экономики*, 8, 37-68. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-8-37-68>
- Кирута А.Я. (2011). Влияние неравенства на качество человеческого потенциала в России. *Вестник института социологии*, вып. 3, 67-87.
- Лапин Н.И., Ильин В.А., Морев М.В. (2020). Экстремальные неравенства и социальное государство (часть 1). *Социологические исследования*, 1, 4-17.
- Лежнина Ю.П. (2021). Представления россиян о необходимой социальной политике: между серединой 2000-х и коронавирусом 2020 года. *Социологические исследования*, 4, 50-60.
- Острая Т.Б. (2006). Социальное государство как инструмент достижения социальной справедливости. *Известия Томского политехнического университета*, 309(2), 238-241.
- Пациорковский В.В. (2021). Социальная справедливость—основа общественного согласия в современном обществе. *Народонаселение*, 24(1), 4-14. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.1.1>

- Петросян Д. (2007). Социальная справедливость в экономических отношениях: институциональные аспекты. *Вопросы экономики*, 2, 59-67.
- Петухов В.В., Петухов Р.В. (2019). Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители. *Полис. Политические исследования*, 5, 119-133. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.09>
- Пишняк А., Корчагина И., Горина Е., Тер-Акопов С. (2021). Материальное положение россиян в условиях пандемии: влияние государственной поддержки. *Экономическая политика*, 16(6), 70-93. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-6-70-93>
- Попова И.П. (2016). Социальная справедливость в научных дискуссиях 1990-2010-х годов. *Мир России*, 3, 57-75.
- Adams J.S. (1965). Inequality in social exchange. *Advanced Experimental Psychology*, 62, 335-343
- Huseman R.C., Hatfield J.D. Miles E.W. (1987). A new perspective on equity theory: the equity sensitivity construct. *The Academy of Management Review*, 12(2), 222-234.
- World Bank (2020). Poverty and Shared Prosperity 2020: Reversals of Fortune /World Bank. Washington, DC: World Bank. <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1602-4>

Массовые передислокации населения в связи со сдвигом на запад территории Польши после Второй мировой войны¹

Катрин Гусефф

(catherine.gousseff@ehess.fr), Центр по изучению России, Кавказа, Восточной Европы и Центральной Азии (Национальный центр научных исследований и Высшая школа социальных наук), Институт исследований интеграции и миграции (Колледж Франции), Франция.

Mass relocations of the population in connection with the shift to the west of the territory of Poland after the World War II

Catherine Gousseff

(catherine.gousseff@ehess.fr), Centre d'études russes, caucasiennes, est-européennes et centre-asiatiques (CERCEC, CNRS/EHESS), Institut Convergences-Migrations du Collège de France, France.

Резюме: В статье представлены результаты исследования массовых перемещений представителей этнических меньшинств (немцев, поляков, украинцев, евреев) в 1939-1947-х годах в контексте изменения границ Польского государства. Автор подробно рассматривает политические предпосылки, исторические этапы, организационные формы и специфические особенности серии обменов многочисленными представителями этнических и социальных групп населения между СССР, Польшей, Германией и Украиной. Этот процесс может быть охарактеризован как последовательная «демографическая хирургия», «трансплантация» живых социальных существ с испытанием их возможностей по приживанию в инородной среде. Исследование опирается на документированные свидетельства, доступные для исследователей в государственных архивах России, Украины, Польши, Германии. В нем также используются свидетельства, сохранившиеся в памяти непосредственных участников событий того времени, как лиц, принимавших решения, организаторов и пропагандистов репатриационных мероприятий, так и, главным образом, самих вынужденных переселенцев – жертв геополитики того времени, на долю которых выпало десятилетие тяжелейших испытаний как в местах принудительного выселения, так и в местах принудительного вселения.

Ключевые слова: Вторая мировая война, изменения границ Польши, принудительная миграция, репатриация, перемещенные лица.

Для цитирования: Гусефф К. (2022). Массовые передислокации населения в связи со сдвигом на запад территории Польши после Второй мировой войны. Демографическое обозрение, 9(4), 22-60. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16743>

Abstract: The article presents the results of a study of mass movements of ethnic minorities: Germans, Poles, Ukrainians, Jews in the 1939-1947s in the context of changing the borders of the Polish state. The author examines in detail the political prerequisites, historical stages, organizational forms, and specific features of a series of exchanges of numerous representatives of ethnic and social groups between Poland, Germany, Ukraine, and the USSR in general. This process can be characterized as a consistent "demographic surgery", "transplantation" of living social beings with a test of their ability to take root in a non-native, alien environment. The study is based on documented evidence available to researchers in the state archives of Russia, Ukraine, Poland, and Germany. It also uses testimonies preserved in the memory of directly involved participants in the events of that time: decision makers, organizers and propagandists of repatriation processes, and mainly the displaced persons - victims of the geopolitics of that time, who suffered a decade of hardships both in places of forced eviction, as well as in places of forced entry.

Keywords: World War II, changes in Poland's borders, forced migration, repatriation, displaced persons.

For citation: Gousseff C. (2022). Mass relocations of the population in connection with the shift to the west of the territory of Poland after the World War II. Demographic Review, 9(4), 22-60. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16743>

---

¹ Статья представляет собой переработанную и дополненную версию главы «Grands retours: déplacer le territoire national en déplaçant les hommes» в книге автора: Gousseff C. (2015). Échanger les peuples. Le déplacement des minorités aux confins polono-soviétiques (1944-1947). Paris: Fayard.

Авторизованный перевод с французского и научное редактирование Г.В. Рахманова и С.В. Захаров, 2022 ©.

«Для меня эти территории Нижней Силезии всегда были польскими. Меня воспитали в мысли, что они наши. И что мы вернемся. Но я не предполагал, что для этого нужно будет вернуть Вильно и Львов и весь восток. Цена была высокой».

*Анджей Урсын Шантыр
(Ян Клята, «Трансфер»).*

Введение

До лета 1945 г. Польша оставалась в очень неустойчивом положении из-за противоречивости различных международных проектов по урегулированию государственного и территориального устройства после ее освобождения и их влияния на внутреннюю ситуацию в стране. Принципы по реконфигурации территории были сформулированы союзниками без четкого соглашения о делимитации границ на западе. Политические решения первого просоветского Правительства национального единства в Варшаве оставались заложниками оспариваемой легитимности его власти как внутри страны, так и за рубежом. Новые западные регионы де-факто оказались в руках поляков, но немецкое население все еще оставалось там, и теперь нужно было обеспечить их уход как можно быстрее. Одновременно советские войска были массово сосредоточены на этих недавно завоеванных территориях, которые поляки хотели как можно быстрее заселить своими гражданами, особенно поляками с Западной Украины, ставшей частью советской Украины. Летом этот период неопределенности и вызревания сменился большей ясностью.

Провозглашение в конце июня 1945 г. правительства национального единства подтвердило итоги длительных межсоюзнических переговоров о политическом будущем страны. Двоевластие (противостояние находящихся в изгнании в Лондоне и властей, выдвинутых в Польшу под руководством Москвы) окончательно исчезло с прибытием С. Миколайчика – премьер-министра польского правительства в изгнании – в качестве одного из двух заместителей председателя Совета министров и некоторых его заместителей. Здесь доминировали коммунисты, принципы демократического государства не гарантировались, но до поры до времени господствовало стремление к диалогу и идеологические разногласия не препятствовали решению практических задач.

Как и Польский комитет национального освобождения (PKWN) годом ранее, так и новое правительство одним из первых актов одобрили соглашения, заключенные с советскими властями в 1944 г. Возобновление принципа эвакуации меньшинств (поляков с новых территорий в западной части Украины, Белоруссии, а также из Вильнюсского края в Литве) было зафиксировано в соглашении от 6 июля 1945 г.

Это соглашение включало поправку, долгожданную в Польше и приграничных регионах, касающуюся будущего бывших депортированных. Более 220 тыс. поляков, депортированных «вглубь СССР»², все еще надеялись на право переехать в свою страну, и вот, наконец, из Москвы был дан зеленый свет. Полякам, находившимся не только в прежних пределах Второй Польской республики, но и на всей советской территории, было предложено вернуться на родину. Для всех депортированных поляков, все еще находившихся в Средней Азии, Сибири и на Урале, бесконечное ожидание после

---

² «W głąb ZSRR» или «вглубь СССР», «в глубине СССР» – формулировка, получившая распространение в Польше для описания мест депортации.

освобождения польских территорий сопровождалось мукой неизвестности. Конец ожидания был не просто концом мучений для множества людей, он явился решающим вкладом в нормализацию польско-советских отношений.

Нормализация – новый лозунг послевоенного периода – могла быть применена, по крайней мере в намерениях, и к способу осуществления перемещений населения. Собравшись на Потсдамской конференции летом 1945 г., союзники подняли эти вопросы вокруг важнейшей проблемы о выезде германских меньшинств из Центральной Европы в Германию. Выселение немцев было признано необходимым злом для прочного умиротворения Европы, но должно, по рекомендациям великих держав, «проводиться гуманно и организовано». Ответственность государств в организации послевоенной этнической миграции была закреплена в этических обязательствах перед международным сообществом. Таков, во всяком случае, был смысл этих рекомендаций³.

Историки широко использовали медицинский язык операций над телом для описания процессов «демографической хирургии» в Европе, которая в Польше приняла впечатляющую форму: смещение всей территории более чем на 200 км к западу было, по существу, материализовано в миграциях людей: поляков с отошедших к СССР восточных территорий довоенной Польши и с Украины, а также немцев из новоприобретенных Польшей территорий на западе⁴. Какие же за этими образными понятиями «трансплантаций», «пересадок» масс людей скрываются межличностные взаимодействия в процессе выселения и вселения, какие пересечения между возвратными движениями: между мигрантами и местными, между новоприбывшими и немецким этническим меньшинством в процессе депортации?

История «репатриаций», как отныне будут обозначать власти в Варшаве массовые прибытия с востока, включала в себя после лета 1945 г. массовые возвращения поляков, которые до сих пор удерживались на восточных окраинах СССР. Для последних их одиссея, начавшаяся в 1940 г. депортацией, завершалась новыми потрясениями и осложнениями, ибо этим ранее репрессированным людям, попавшим под контроль центральной московской власти, предстояло пройти через волокиту деспотичной бюрократии. Но будь то возвращение депортированных или эвакуированных с Украины, новоприбывшие на родину в массовом порядке воспринимались соотечественниками как иностранцы: ожидавший их прием в Польше между унижением и антисемитским насилием слишком часто становился последней травмой.

Отъезд: каким был траур из-за потери восточных территорий?

В июле 1945 г. впервые темп выезда с Украины соответствовал запланированному на бумаге государственным управлением по репатриации (PUR). Великое переселение началось незадолго до официального объявления новой польско-советской границы, в августе. Комментируя это соглашение, председатель Национального собрания Болеслав Берут отметил относительное безразличие, с которым польское общественное мнение восприняло изменения границ страны и приветствовало их: такое отношение

---

³ См., например: (Zayas 1989).

⁴ Образцовым примером использования языка «хирургических» терминов является книга: (Schechtman 1962).

имело в его глазах значение молчаливого согласия⁵. Его вывод был, конечно, поспешным и преувеличенным, но это правда, что на Украине лето 1945 г. стало поворотным пунктом. С каждым днем становилась все более очевидной неотвратимость потери восточных территорий, а вместе с ней и неизбежная перспектива ухода. Как это чувствовалось и переживалось?

Траур по восточным территориям от границ Малопольши (*mala Polska*) принимал различные формы в зависимости от места и семейной истории. Западная Украина была частью Польши всего 20 лет. Но Польское государство осуществляло там свою опеку, представив ее как восстановление своей прежней власти, свергнутой в конце XVIII века аппетитами соседних империй. Габсбурги и Романовы делили территорию, однако не могли стереть там важное и доминирующее в социальном отношении польское присутствие. В межвоенный период еще было много семей, которые были свидетелями этой очень древней укорененности. Эльжбета Б., родом с Волыни, упомянула засвидетельствованное существование ее предков в этом районе с XVI века. Дом, основа рода, остался в руках семьи. Эльжбета и ее родители представляли собой лишь одну из бесчисленных ветвей первоначальной ветви, остальные со временем были рассредоточены между Санкт-Петербургом и Варшавой в соответствии с функциями, выполняемыми в Империи. Ее отец, управляющий поместьем, был «чудом» спасен во время советизации территорий в 1939-1941 годах. Однако, когда в 1944 г. вернулась Красная Армия, семья покинула свой дом и укрылась в окрестностях Луцка, в Пшебраче, где собралось много поляков и шла организация для отражения нападений со стороны Украинской повстанческой армии (УПА)⁶. Но наша собеседница не стала останавливаться на обстоятельствах этого слишком болезненного прощания с родовым домом⁷. На самом деле для многих польских волынян изгнание началось, как только они покинули свой дом, еще до отъезда из родной земли, и восприятие последовавшего отъезда было относительным.

Пути семей, давно обосновавшихся на этих территориях, обычно несут на себе отпечаток прежних вынужденных переселений. М. Кучинская вспоминает, что ее дедушка был сослан в Сибирь после польского восстания 1863 г.; г-н Мрозек прослеживает бурный путь своей семьи по отцовской линии, эвакуированной из региона во время Первой мировой войны⁸. Более 5 млн жителей западных губерний Российской империи действительно были выселены из своих деревень и городов, расположенных

---

⁵ Речь Б. Берута 27 августа 1945 г. воспроизведена в сборнике: (Basiński., Adalińskiej 1974: 391).

⁶ Украинская повстанческая армия (УПА) – подпольное боевое подразделение украинских националистов, сложное по составу и организации, действовавшее с 1942 до середины 1950-х годов, главным образом, в районах Галиции, Волыни, Северной Буковины и Транснистрии в первую очередь против Советской Армии, советской администрации и партизан, поддерживающих связь с Москвой, но также с различной степенью активности против поляков и германских нацистов. В отдельные периоды УПА насчитывала от нескольких десятков до несколько сотен тысяч человек, и под их контролем временами находились достаточно обширные территории. Действия подразделений УПА против польского населения в Волыни и Галиции носили крайне ожесточенный характер. В некоторых случаях польские села вынуждены были создавать отряды самообороны против боевиков УПА, в результате чего столкновения были особо кровавыми. Вплоть до начала 1945 г. УПА не отказывалась от своих планов деполонизации Украины.

⁷ Интервью с Elżbieta B., проведено автором в Варшаве, ноябрь 2008 г. Здесь и далее все интервью, проведенные автором, были организованы в рамках проекта «Les Archives sonores du Goulag en Europe (gulagmemories.eu)».

⁸ Интервью с М. Kuczyńska, Вроцлав, июнь 2008 г.; интервью М. Mrozek, Варшава, ноябрь 2008 г.

в прифронтовой полосе, и большинство из них было отправлено в тыл в глубь России (Gatrell 1999). От одной войны к другой периферийные территории империй и государств оказывались на передовой во время военных противостояний. Ощущение повторения истории сильное: «Для нас, жителей приграничья, войны всегда означают уход на восток», – прокомментировал г-н Мрожек, имея в виду депортацию 1940 г., затронувшую некоторых из его родственников. Контексты 1915 и 1940 г., впрочем, не имели ничего общего, но для этого уроженца окраины вынужденное переселение отца в Ростов в 1915 г. и высылка двоюродного брата в Казахстан в 1940 г. имели странное сходство: и того, и другого отправили на восток.

Все еще яркая семейная память о прошлом опыте не ограничивалась воспоминаниями о сильных и болезненных встряшках, вызванных войнами или восстаниями. Потому что в межвоенный период происходили интенсивные перемещения населения, связанные с реконфигурацией территорий, с новыми формами социальной мобильности, предложенными возрождающимся Польским государством, в частности, путем проведения политики колонизации земель в восточных областях, на Волыни, Галиции, что привело к значительной волне колонизационных переселений.

В дальних восточных уголках польских земель, олицетворявших менее развитую «Польшу Б»⁹, заселение территорий поляками было одним из первопроходческих проектов варшавского правительства. Наделение земель ветеранов Польского легиона, участвовавших в польско-русской войне 1920 г., составляло первую часть этого проекта. Приглашение бывших комбатантов поселиться в районах, которые тогда были польско-советскими приграничными районами, помогло сформировать в советском соседе определенное видение поселенца, осадника, по определению патриота и антибольшевика, даже если этих поселений было явное меньшинство, не превышавшее 7 тыс. дворов (Głowacki 1994a)¹⁰. Однако рядом с военными поселениями селились многие бедные семьи из центральной Польши, приехавшие на окраины из-за низкой цены на землю или предложений работы в местной администрации, на железных дорогах, в лесном управлении¹¹. На некоторых из этих должностей выделялись большие участки обрабатываемой земли, что помогло привлечь домохозяйства с перспективой дополнительного дохода или частичной самообеспеченности. Эти поселенцы, если не поощряемые, то, по крайней мере, обеспеченные стабильностью сельской жизни,

---

⁹ Польша «А» и «Б» (польск. Polska "A" i "B") – феномен исторического, политического, культурного и экономического разделения страны на 2 части: более развитую западную (Польша А) и уступающую ей в развитии восточную (Польша Б). Считается, что Польша Б более религиозна и традиционна, а Польша А более космополитична и европоориентированна. Подобное разделение страны является неофициальным и довольно поверхностным, но тем не менее широко признано в Польше. Исторические корни раздела Польши на зоны А и Б можно найти в различной политике, проводившейся в отношении польских земель государствами, осуществившими Разделы Речи Посполитой. В частности, Пруссия развивала индустрию, а Россия больше заботилась о развитии сельского хозяйства (прим. ред.: см. (Kozak, Pyszkowski, Szewczyk 2000)).

¹⁰ По мнению историка А. Głowacki, размещение военных поселенцев, имевшее место в основном до 1926 г., касалось территорий севера Польши, Волыни, Полесья, района Белостока и Новогрудка и затем только частично область Вильно.

¹¹ Следует помнить, что точно оценить влияние феномена колонизации на демографическую историю Западной Украины невозможно. Первая польская перепись 1921 г., не очень детальная, охватила лишь часть польских территорий в этом регионе. Только перепись 1931 г. является источником для этого периода, но не позволяет проводить сравнения с более ранним и более поздним периодом (до советской переписи 1959 г.).

образовывали большие семьи. Многие из детей, которые разрывались между школой и полем или огородом, рассказали свою историю¹². Ностальгия поколения, родившегося и/или выросшего на окраинах в межвоенный период, выражается в памяти о мирной сельской местности «в этих краях» (*tamtych terenach*), где в селах соседствовали поляки, евреи и украинцы. Мы не находим упоминаний о межобщинной напряженности до тех пор, пока в их свидетельствах не появится война, даже если она присутствует в романах, особенно еврейских писателей из этих регионов (Morgenstern 1998; 2000; 2001). Когда в 1939 г. пришла Красная Армия, поселенцев, несмотря на скромность их жилищных условий, очень часто уподобляли кулакам или вражеским военным поселенцам.

И наоборот, восстановление польского государства способствовало миграции в центральную Польшу. Эти мужчины и женщины из городов Галиции, обученные серьезным административным традициям Австро-Венгерской империи, приехали, чтобы привнести свои навыки в центральные учреждения столицы. В этих маршрутах социального продвижения родина стала местом отдыха. Ян Белина, например, представлял себя типичным ребенком с окраины, воспитанным бабушкой в деревне, вдали от шума и суеты Варшавы, куда его родители поселились после назначения отца в министерство иностранных дел (Belina 1990-1993: 27). В 1939 г. война, разразившаяся в середине летнего периода, застала врасплох многих из этих отдыхающих, находившихся в своих родовых владениях, тем самым направив их судьбу на восток.

В конечном счете то, что вытекает из всех этих историй, представляет собой довольно двойственную ситуацию на окраинах, характеризующуюся притязанием на историческую укорененность, частично подтвержденную, но также и живой памятью о большой мобильности, вынужденной или спонтанной. Несомненно, окраины являются местами расселения более мобильными, чем другие части государственных территорий. Кресы¹³ не являются исключением из правил, и в случае с Польшей это явление усугубляется эффектом мобильности (или даже исчезновения) самой государственной территории. Отсюда следует, что связь людей с их национальным пространством, идентичностью может быть детерриторизована.

Как воспринимались вынужденные переселения?

«Не поймите меня неправильно, меня эвакуировали, а не депортировали», – признавалась эта бывшая учительница, родившаяся в Ходорове¹⁴. Или еще: «Мне нечего сказать о моей истории, я репатрировался со всеми поляками, я не вернулся из Сибири»¹⁵. Рассказанные и пересказанные, каждое по-своему, в качестве преамбулы к историям об эвакуации, о которых мы просили рассказать, эти замечания так часто декларируются людьми,

---

¹² Мы ссылаемся здесь на разные коллекции свидетельств, собранные центром «Карта» (Варшава), объединением «Związek Sybiraków» (Związek Sybiraków 1990-1993), опубликовавшим в 1990 и 1993 г. 9 томов записанных историй, а также материалы, выпущенные в рамках проекта «Les archives sonores du Goulag en Europe», поддержанного l'Agence nationale de la recherche (ANR) – правительственного агентства во Франции, обеспечивающего финансовую поддержку научных исследований.

¹³ Кресы, Восточные Кресы (от польского «крес» – граница, конец, край) – польское название части земель в Галиции, Западной Украине, Западной Белоруссии и Литвы, некогда как «восточные окраины» входивших в состав Польши. Польские жители этих территорий, в том числе репатриировавшиеся в Польшу, могут называться кресовянами (прим. ред.).

¹⁴ Интервью с Mme Tuczynska, Варшава, ноябрь 2008 г.

¹⁵ Интервью с M. Mazur, Варшава, ноябрь 2008 г.

что в конечном итоге вызывают сомнение: нюансы, связанные с опытом переезда, отражают ли они влияние прошедшего времени и эффект расстояния, что сказывается на представлении путешествий, или они все еще выражают чувство тогдашнего меньшего зла по сравнению с другими, гораздо более трагичными переживаниями, такими как депортация? Вопрос остается нерешенным. Однако ясно одно: польское видение советской аннексии и возвращения Красной Армии запечатлено в свидетельствах уже разыгранного ранее исторического сценария, в котором русский сосед завоевывает Польшу и отправляет на дальние окраины самых влиятельных представителей поработанного народа. Аннексия и депортация идут рука об руку.

Действия по советизации территорий принимали различные формы, самой крайней из которых была ликвидация более 22 тыс. поляков, т. е. более 15 тыс. офицеров польской армии и 7 тыс. гражданских лиц, представителей из различных сфер бывшей законной власти¹⁶. Хотя это коллективное убийство было совершено в условиях строжайшей секретности и лишь впоследствии стало известно под символическим названием Катынь (одна из трех братских могил, обнаруженных немцами в 1943 г.), аресты и депортации производились у всех на виду. В 4 волны, 3 из которых были сконцентрированы проведены в первые 6 месяцев 1940 г.¹⁷, около 400 тыс. человек направились на восток товарными вагонами, следовавшими в основном на Север Европейской части, на Урал, в Среднюю Азию, Сибирь, включая Алтай. Хотя эта оценка, теперь хорошо задокументированная¹⁸, была намного ниже полутора миллионов депортированных¹⁹, о которых объявило польское посольство во время войны, тем не менее эта цифра остается значительной: она составляет треть численности польского населения, эвакуированного из Украины в конце войны (Gross 2002). Другие ограничения, введенные советской властью, были приравнены к формам депортации, таким как насильственное зачисление тысяч молодых людей в Красную Армию, которым приходилось покидать свои дома для обучения военной дисциплине. Кампания по паспортизации, это авторитарное наделение людей новыми документами, удостоверяющими личность, санкционирующими новое советское гражданство жителей, также привела к насильственному выселению на шахты Донбасса или в другие места на востоке Украины. Все те беженцы из центральной Польши, бежавшие от немцев и оказавшиеся на территории, оккупированной Советской Армией, и которые не могли подтвердить свое постоянное место жительства, теперь должны были покинуть регион и отправиться на восток (Gross 2002; Głowacki 1998).

---

¹⁶ Письмо Берии от 5 марта 1941 г. воспроизведено, в частности, в работе: (Instytut Studiów Politycznych... 1992).

¹⁷ Слухи о грядущих депортациях поляков ходили еще с ноября 1939 г. Однако операции по их массовому выселению начались только в 1940 г. и были продолжены в 1941 г. вплоть до нападения Гитлера на СССР. Как логично предполагает П. Полян, задержка могла возникнуть в связи с советско-финской войной (Полян 2001: 95-96).

¹⁸ Так, по оценке А. Гурьянова, основанной на детальных подсчетах по эшелонам, численность поляков, депортированных с февраля 1940 по июнь 1941 г., составила в общей сложности от 309 до 321 тыс. (Гурьянов 1997). По данным Земскова, всего было депортировано 380 тыс. польских «осадников» и беженцев (Земсков 1990).

¹⁹ П. Полян считает, что всего из довоенной Польши в СССР было вывезено 1,6-1,8 млн человек, не считая белорусов, литовцев и евреев (Полян 2001: 98). Нам представляется такая оценка завышенной. В любом случае она должна в себя включать не только насильственно депортированных в строго организованном порядке, но охватывать и прочие категории переселенцев, трудно поддающихся учету.

Крайняя чувствительность поляков к угрозе депортации дала о себе знать, как только Красная Армия вернулась в 1944 г. Руководство прекрасно понимало это и уже весной 1944 г. призвало краевые власти подготовить контингенты поляков с Волыни для отправки их в Донбасс. Осенью Н. Хрущев в письме к Сталину изложил свою технику подстрекательства к добровольной эвакуации меньшинства, состоявшую как раз в размахивании угрозой массовой отправки поляков на предприятия в Восточной Украине. Лучше идти на запад, чем подвергаться риску пойти в противоположном направлении, – такова была массовая и бросающаяся в глаза реакция на волну репрессий, обрушившихся на Западную Украину в первые месяцы 1945 г. Решение принято, но ожидание отъезда часто казалось долгим.

Организация переселений: польский корпоративный подход

Украинские власти неоднократно обвиняли своих польских коллег в том, что они не смогли спланировать отъезд. Но после первых попыток польские сотрудники, напротив, покажут обостренное чувство организованности, что могло вызывать по другим причинам критику и подозрение²⁰. Общий принцип, который преобладал в польской концепции переселения с Украины на родину, был принципом «трансплантации». Сохранение по возможности уже сложившихся объединений и общин, будь то деревенские общины, профессиональные группы, церковно-приходские ячейки, стало одним из основных направлений плана переселения и заселения поляков в новых западных областях Польши, отвоеванных у Германии. Именно путем сохранения сетей солидарности, интересов, навыков при организации отъездов и планировании конкретных направлений переезда польские власти намеревались оптимизировать перераспределение экономических и социальных сил на запад, ограничивая, по возможности, отрицательные последствия массового перемещения населения. В своих рассказах участники событий в значительной степени повторяют эту озабоченность:

«Мы приехали в Ходоровский район в 1930 г., потому что у моего отца там был дальний родственник с большой семьей, а земля в то время стоила недорого. Это была идея моего отца поехать туда, поселиться рядом с этими знакомыми, и действительно, это была хорошая идея. Они нам очень помогли [...]. В конце концов мы вместе уехали в Ополе [Нижняя Силезия] вместе с другими семьями из деревни. Потом [...] мы разъехались, я поехал учиться в Варшаву, а мой брат [...] в конце концов женился на дочери двоюродного брата знакомого [...]. Мы по-прежнему большая семья, мы никогда потом не были там,

---

²⁰ Здесь уместно напомнить, кем были польские руководители, занятые переселениями. Главные администраторы, даже будучи лояльными служащими нового польского руководства, в большинстве являлись бывшими репрессированными в Советском Союзе. В Люблине главным руководителем переселения (как из восточных регионов СССР, так и из новых западных, ранее польских, территорий) был Владислав Вольский, коммунист с большим партийным стажем. Пережив заключение в польских тюрьмах, в середине 1930-х годов он уехал в Москву, где вновь подвергся аресту и был в лагере вплоть до 1941 г. Это не помешало ему в конце войны приехать в Люблин и предложить свои услуги Болеславу Беруту, одному из руководителей Польского комитета народного освобождения. Главой польского представительства на Украине был капитан Пизло, инженер-агроном, депортированный в 1940 г. и вернувшийся на родину уже в чине капитана созданной в Советском Союзе польской армии. Большинство польских уполномоченных тогда прибыло с востока СССР (Клейн-Гусефф 2013: 81).

но мы разговариваем друг с другом [...], наш Ходоров – это кусочек земли, который свел нас вместе в то время и который объединяет нас всегда в памяти»²¹.

Г-жа Волинска, в то время подросток, дочь учителей из лицея во Львове, вспоминает встречи, организованные в квартире ее семьи. Сотрудники учреждения собирались там, чтобы обменяться информацией об условиях отъезда, решить, какое школьное имущество взять с собой для восстановления школы на новом месте в Польше. Состоялись дебаты, в частности, о том, следует ли требовать, чтобы парты и другая классная мебель были частью транспортировавшегося груза²².

Инициативы отдельных лиц и польских должностных лиц по эвакуации приумножались, становились планами последовательных мероприятий, и из Польши администрация по репатриации обеспечивала максимально скоординированную подготовку к отъезду. Это видно, например, из длинных писем, которыми обменивались в конце мая – начале июня 1945 г. по поводу организации перемещения Львовской филармонии. Переезд касался более 500 человек, потому что, помимо музыкантов оркестра, в состав музыкального коллектива входили большой хор, а со всеми этими артистами и члены их семей. Поэтому было необходимо спланировать целый поезд, чтобы перевозить этих людей, их инструменты (в том числе 40 роялей и столько же пианино), не говоря уже о прочей мебели и личных вещах. Десятки объемных частных библиотек были частью инвентаризации среди прочего. Оставалось решить, куда направить филармонию, и в этом вопросе собеседники колебались между Катовице в Силезии и Лодзью, недалеко от Варшавы²³. В то время в Лодзи жили тысячи жителей Варшавы, чьи дома были разрушены. Ставился вопрос о том, чтобы сделать Лодзь новой столицей Польши и окончательно оставить Варшаву в руинах. И новое место размещения филармонии считалось важным вопросом «на службе демократической пропаганды новой Польши». С одной стороны, музыкальный коллектив был активом для повторной полонизации Катовице, города, на который немцы и поляки претендовали после Первой мировой войны, который поляки наконец завоевали и который немцы стремились повторно германизировать во время Второй мировой войны. С другой стороны, Лодзь навязывала себя в качестве замещающей столицы, ожидающей признания этого статуса.

Отъезд филармонии был одной из первых крупных операций по переводу национальных учреждений, за которой вскоре последовали многие другие, в первую очередь Львовский университет. Университет Яна Казимира с момента своего основания в XVII веке был одним из крупных интеллектуальных центров Польши, чье влияние было почти непрерывным во времена правления Габсбургов и который вместе с Виленским университетом составлял главный полюс высшего образования на окраинах. Как Политехнический институт и другие учреждения галицкой столицы, университет был реорганизован во время первой советизации, его управленческий и преподавательский состав изменились в пользу новоприбывших украинцев. Свидетельница этих изменений Каролина Ланцкоронска отметила напряженность, возникшую между Москвой и Киевом вокруг символического вопроса о переименовании учреждения. Если киевское

---

²¹ Интервью с Mme Tuczynska, Варшава, ноябрь 2008 г.

²² Интервью с M. Wolinska, Варшава, ноябрь 2008 г.

²³ AAN. Ф. 524. Д. 10: 107-111. «Переписка между Вольским, Szczesniowski и Пизло по поводу переезда Львовской филармонии».

руководство настаивало на названии «Украинский университет имени Ивана Франко»²⁴, то в Москве упоминание «украинского» университета, вызвав недовольство, было удалено, но лишь временно, благодаря давлению ходатайств украинской интеллигенции (Lanckorońska 2002: 40-41). Кампания советизации, осуществлявшаяся во имя права народов на самоопределение, показала определенное расхождение целей между центром и периферией: Москва опасалась поощрения украинского национализма, киевляне поддерживали, очевидно, политику «воссоединения». Захват университета и процесс украинизации учреждения не помешали некоторым кафедрам продолжать свою деятельность, как будто ничего не изменилось. В частности, это касалось кафедры польской литературы, которой руководил Юлиуш Кляйнер и которая была единственной во всей оккупированной Польше, сохранявшей активную и блестящую деятельность²⁵. С приходом немцев гуманитарные факультеты исчезли, а медицина и техническое образование, напротив, приобрели определенный динамизм, отныне функционируя как отдельные институты (Hryciuk 2000). Когда советская власть вернулась, университет был собран заново и окончательно украинизирован. К концу войны бывший профессорский корпус потерял не менее 50 членов. За некоторыми исключениями, преподаватели покидали Львов, чтобы начиная с 1946 г. дать жизнь новому польскому университету во Вроцлаве (бывший Бреслау). Полонизация старых немецких городов частично происходила через эти сохранившиеся коллективы, перед которыми была поставлена задача внести свой вклад в восстановление страны, предоставив свои компетенции и умения. В этом заключался смысл политики, проводившейся с самого начала репатриационной администрацией, которая состояла в том, чтобы отличать городское население от сельского и отдавать предпочтение первому из-за его ожидаемой роли в восстановлении нации.

Каким бы эффективным ни был корпоративистский подход к организации перемещений, возглавляемый или поощряемый польскими официальными лицами, украинские власти отнеслись к этому с подозрением. Они видели в стимулировании объединения сообществ благодатную почву для заговора, для нарушений правил. Организовавшись, поляки вырывались из-под контроля местных властей. Для борьбы с этой тенденцией к автономии и корпоративизму органы советской безопасности произвели несколько арестов «агитаторов», а также назначили людей, отвечающих за определенные логистические задачи по подготовке отъезда. Бывшего железнодорожника из Львова обвинили в том, что он руководил организацией колонны из 1000 польских железнодорожников с их семьями. На том основании, что последний получил деньги от железнодорожников за этот выезд, он был обвинен в злоупотреблениях и арестован в августе 1945 г.²⁶ Союз польских патриотов (ZPP) регулярно клеймили в отчетах органов безопасности за их инициативы по объединению людей по профессии, но ничего не помогало. В январе 1946 г. сотрудник НКГБ, руководивший эвакуацией, вновь вернулся к вопросу о «незаконной» деятельности ZPP, который организовал пункты помощи для эвакуированных из Львова, регистрируя их в списках по профессиям.

---

²⁴ Иван Франко – украинский поэт и писатель второй половины XIX века, участвовавший в социалистическом движении, впоследствии ставший одним из эталонов украинской культуры, выдвинутым на роль певца нации в Советской Украине.

²⁵ Согласно дневнику Яна Роговского, в то время профессора университета, цитируемому в работе: (Hryciuk 2000: 133-134).

²⁶ ААН. Ф. 524. Д. 10:4. «Донесение ответственного за эвакуацию из Львова от 24 августа 1945 г.»; ЦДАВОУ.Ф. 4959. Оп. 6. Д. 116: 94-95. «Отчет Коноваленко от 29 августа 1945 г.»

Он писал: «необходимо иметь в виду, что, возможно, под предлогом помощи этим группам она [ZPP] стремится скорее обмануть людей». После чего агент указал, что ZPP организовал сбор средств среди учителей Львова и что собранные деньги в конечном итоге были конфискованы НКВД²⁷. Практика сбора средств, материализация организованной солидарности была одним из основных фокусов внимания советских органов, которые не переставали ее осуждать и использовать как аргумент для изгнания «агитаторов». В то же время, однако, широко распространенная коррупция в службах регистрации и выезда не пострадала от бдительности тех же органов. Зачем же тогда сообщества объединялись в финансовом плане, если не для удовлетворения денежных требований всемогущих местных администраторов, которые лишь давали бумаги или сажали в поезд за непомерные взятки? Круг был порочным, но «порок» разоблачался в основном среди жертв.

Незавершенная нормализация переселений

Несмотря на многочисленные инциденты, эвакуация Львова летом 1945 г. шла с крейсерской скоростью. «Город опустел, центр занят русскими. Вечером улицы пустеют, и люди уже не чувствуют себя в безопасности в своих домах». «Остается вопрос: с чем уйти и почему остаться. Везде безнадежно и положение ужасное. Очевидно, что мы будем уезжать». «Поляки массово уходят». Все эти перехваченные письма жителей Львова говорили об одном и том же: польский бастион Украины неумолимо рушился к большому удовольствию местных властей, которые читали и проверяли отчаянные слова непокорных²⁸. Но этого нельзя было сказать обо всех областях Украины и, в частности, о Дрогобыче, где после больших регистрационных кампаний в начале 1945 г. накопились проблемы. Основной причиной была политика местных властей, которые под разными предложениями препятствовали эвакуации поляков. Этот промышленный район, развившийся вокруг Дрогобыч-Бориславского нефтеносного бассейна, был едва ли не самой динамичной экономической зоной Западной Украины. Развитие его требовало значительной рабочей силы, а также квалифицированного персонала, и многие поляки работали рабочими или инженерами. Когда в марте 1945 г. регион посетил заместитель полномочного представителя Польши Кравинский, он уже указывал на трудности, с которыми столкнулся Дрогобыч. Польское меньшинство в городе, по его словам, включало в себя многих инженеров, техников, мастеров, учителей, которых местные власти отказались уволить, потому что у них не было специалистов для их замены. Этот регион, продолжал Кравински, также был специфическим, поскольку многие поляки были грекокатоликами. Украинские сотрудники указывали на принадлежность к этой конфессии, чтобы лишить решивших уехать статуса поляков²⁹. В то время центральное польское агентство в Луцке получило несколько жалоб от своих региональных чиновников, например, в Злочеве, к востоку от Львова, в которых подробно описывалась партийная пропаганда против эвакуации. Областные власти утверждали, «что и здесь, и там [в Польше] царит одна и та же советская власть, и что здесь нужны люди для работы»³⁰. Нежелание и препятствия к выезду можно было наблюдать в разных местах, но чаще всего

²⁷ ЦДАВОУ. Ф. 4959. Оп. 1.1. Д. 112: 168-173. «Отчет НКГБ от 1 января 1946 г.»

²⁸ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1630: 6-28. «Отчеты Грушецкого из Львовского обкома от 30 июля и 25 августа 1945 г.».

²⁹ ААН. Ф. 524. Д. 10: 141. «Отчет миссии Кравинского, состоявшейся 14-20 марта 1945 г.».

³⁰ ААН. Ф. 524. Д. 9: 37. «Письмо ответственного в Злочеве от 31 марта 1945 г.».

они оказывались преходящими. С другой стороны, из Дрогобыча и его окрестностей, как и из Бориславля, поступали постоянные сигналы об удержании поляков. Чтобы удержать работников, компании не выплачивали им зарплату или банки блокировали личные счета под разными предлогами³¹. НКВД также заявил о нарушениях в эвакуации из этого региона. Группы уезжающих поляков, которые уже прибыли на станцию, в последний момент «не успевали» на поезд. Украинский чиновник конфисковал все эвакуационные карточки и приказал им вернуться к работе. Когда люди начали протестовать и бунтовать, он пригрозил отправить их в Сибирь³². Несмотря на неоднократные вмешательства центральных эвакуационных органов, препятствия для миграции польских меньшинств в Дрогобычском районе были устранены очень поздно³³. Из примерно 50 тыс. зарегистрированных поляков большинство (40 тыс.) смогли выехать только в 1946 г., что является рекордной долей очень поздних эвакуаций (86%) по сравнению с выездами из других областей Украины за этот последний год репатриационной кампании (Czerniakiewicz, Czerniakiewicz 2007: 117)³⁴.

Случай с Дрогобычем – хорошее доказательство того, что невозможно вывести какое-то одно общее представление о порядке переселения поляков с Украины. Интересы местных акторов постоянно оказывались препятствием. В других местах, как в Тернопольском районе, в течение последнего года отъездов возобновились нападения банд украинских националистов. Тем не менее двусторонние переговоры и новые процедуры позволили улучшить условия перемещения людей. Визит в конце августа Станислава Грабского во Львов, в котором он когда-то преподавал, сыграл определяющую роль с этой точки зрения. Вице-спикер Польского Национального собрания, имевший опыт участия в переговорах о границах после советско-польской войны, зарекомендовал себя на Украине как ключевой собеседник в польско-украинских отношениях. Ценность его голоса для польского меньшинства была еще выше благодаря тому, что Грабский вряд ли мог сойти за коммуниста. Напротив, он был, скорее, патриотом-консерватором с некоторым налетом русофильства, но и в то же время реалистом, который призывал поляков покинуть окраины, чтобы начать новую жизнь на «возвращенных землях» – так уже начали называть новые польские территории на Западе.

После его первого визита польской стороной был подготовлен проект протокола о перемещениях, целью которого было получение новых гарантий проведения эвакуации. Этот текст был лишь частично принят украинской стороной, и исправления, внесенные в Киеве, наглядно подтвердили нежелание, которое проявлялось в отношении любой польской инициативы по этому вопросу. Так, пункты II и III, предлагающие создать комитеты граждан для усиления организации эвакуации во Львове и для подготовки заранее приема эвакуированных в районах назначения, были исключены. С другой стороны, польская сторона получила некоторые гарантии, касающиеся материальных условий перемещений. Требование, ранее сформулированное Генеральным уполномоченным Польского правительства по репатриации в Любине В. Вольским, о том,

---

³¹ ААН. Ф. 524. Д. 22: 112. «Письмо Пизло от 9 июня 1945 г.».

³² ЦДАВОУ. Ф. 4959. Оп. 1.1. Д. 112: 132-135. «Донесение НКВД в Луцк от 10 августа 1945 г.».

³³ Одна из причин, которая может способствовать объяснению длительного удержания поляков, могла быть связана с тем, что район Дрогобыча как новый приграничный регион, по-видимому, усиленно наполнялся кадрами, прибывшими с востока Украины, относительно равнодушными к необходимости этнической гомогенизации населения (Воескh 2007: 155-164).

³⁴ В Самборском районе также был очень высокий процент отъездов, превышавший 50% (55%) в 1946 г.

чтобы семьи перевозились в закрытых вагонах, а не в так называемых вагонах «под открытым небом», как это часто бывало до того времени, наконец было принято. Украинцы также обязались предоставить здание возле вокзала Львова для укрытия людей, ожидавших транспортировки, во избежание скопления семей на станциях и чтобы львовские семьи, зарегистрированные до конца декабря, не выезжали до весны 1946 г.³⁵. Эти немногочисленные достижения скромно отражали «дух Потсдама», где уважение к «человеческим условиям» переселений ограничивалось здесь желанием уберечь мигрантов от непогоды и от суровой зимы. С другой стороны, проект протокола еще раз перенес срок регистрации отъезжающих до 31 декабря 1945 г.

С момента подписания двустороннего соглашения в сентябре 1944 г. сроки регистрации лиц и окончания эвакуации не переставали изменяться. Крайний срок отъезда был сначала установлен на 1 февраля 1945 г., затем на 1 мая, затем на 31 июля... И так отсрочки продолжались до середины 1946 г. История этих сменявших друг друга deadlines свидетельствовала не столько о нереалистичном оптимизме, сколько о средстве давления Киева на своих польских союзников. Последние, по сути, опасались риска внезапной остановки процесса эвакуации и буквально воспринимали установленные коллегами сроки. В феврале 1945 г. В. Вольский напомнил, что продление срока отбытия до 1 мая должно быть обязательно соблюдено³⁶. В мае Пизло в беседе с региональными властями сообщил им, что из неофициального источника он узнал, что сроки будут продлены до 31 июля, но, вероятно, это будет последнее продление³⁷. Однако за несколько дней до отправки этого послания заместитель полномочного представителя Украины в Люблине Ромащенко распорядился со своей стороны заказать 100 тонн дров для отопления здания для своей делегации, предвидя зиму 1945-1946 гг.³⁸ Другими словами, украинская делегация в Люблине не заботилась о сроках, прекрасно понимая, что они будут отодвигаться столько, сколько потребует. Однако в декабре 1945 г. императив скорейшего завершения перемещений населения был сигнализирован из Москвы и касался миграции как из СССР в зарубежные страны, так и из зарубежных стран в СССР (Gousseff 2007). С этого момента приказ будет распространяться на всех. Сталинское руководство считало, что пора положить конец смутному периоду окончания войны и восстановить советский дух, начав с закрытия внешних границ страны.

Последняя уступка, включенная в двустороннее протокольное соглашение, касалась предметов религиозного назначения, перевозку которых украинские власти обязались разрешить и которые, как вспоминал Станислав Грабский во время своего второго визита во Львов, опять-таки представляли собой важную гарантию в глазах поляков. Вернувшись в галицкую столицу для доработки текста, Грабский вновь выступил несколько раз перед соотечественниками³⁹. Он сообщил о согласованных с украинской стороной новых сроках

---

³⁵ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1464: 19-21. «Проект протокола об эвакуации, составленный Я. Берманом и С. Грабским, 20 сентября 1945 г.». Аналогичным образом был исключен пункт VII, касающийся возможности для эвакуированных как из Польши, так и с Украины, совершить несколько поездок туда и обратно, чтобы перевезти все свое имущество (последний пункт касается сельского населения).

³⁶ Протоколы Совета министров от 13 февраля 1945 г., воспроизведено в работе (Ciesielski 1999: 91).

³⁷ ААН. Ф. 524. Д. 10: 48. «Письмо Пизло своим агентам от 19 мая 1945 г.».

³⁸ ААН. Ф. 526. Д. 160-А: 105. «Письмо Ромащенко от 13 мая 1945 г.».

³⁹ Эти дополнительные протоколы к польско-украинскому соглашению не были подписаны до декабря 1945 г. См. польскую версию текста: (Ciesielski 1999: 325-326); украинскую версию в: (Сливка 1996-1999, 1: 646-647).

выезда, заявив по этому поводу, что дружба с СССР является для Польши единственной гарантией против разрушительных национализмов⁴⁰. Новый польский режим нашел в Грабском своего идеального посла.

Прибытие на «возвращенные земли»: пересечения грандиозных по масштабам потоков

Первые эвакуированные с Украины были направлены в основном в Силезию, в районы Катовице, Ополе и Вроцлава и в меньшей степени в Зелену Гуру. С весны 1945 г. Государственное управление репатриации (PUR) организовывало пункты размещения и приема для эвакуированных. Но ситуация была, мягко говоря, хаотичной. Советская армия оккупировала большую часть территории и по стратегическим соображениям регулярно отклоняла прохождение конвоев, отправляла их обратно в другие пункты, в то время как сотрудникам репатриационной администрации, призванным организовывать прием, планировать переезды, не удавалось наладить координацию, не хватало информации, личного состава и оборудования. Во многих официальных отчетах и во многих письмах эвакуированных рассказывается о реальных одиссеях, прожитых в поездах, мчащихся из одного места в другое, заблокированных на несколько дней на заброшенной или разрушенной станции. Только после нескольких недель таких путешествий находилось пристанище. Репатриант из Львова писал в мае 1945 г., что колонна, в которой он ехал, проехала половину Польши, проехала через Краков, чтобы в конце концов оказаться в Люблине! Мужчина подал жалобу на администрацию по репатриации, на которую он возложил вину в гибели его ребенка во время поездки, на отсутствие организации и медицинской помощи (Ciesielski 1999: 164-165). Среди прочего в отчете местного агентства PUR в Ополе сообщалось о прибытии конвоя из Тернополя, в котором вспыхнула эпидемия сыпного тифа. Пять человек погибли при транспортировке, многих пациентов в конце концов удалось госпитализировать в военный госпиталь города (Ciesielski 1999: 147).

Уже в то время эвакуированные были не единственными, кто стекался в новую польскую Силезию. Многие семьи из центральной Польши устремились на запад или потому, что их город был разрушен, или потому, что они были перемещены немцами или слышали о новом Эльдорадо, которое нужно было завоевать. Эти пионеры значительно пополнили контингенты прибывших весной 1945 г. К середине мая в район Познани ежедневно прибывало в среднем 5 тыс. человек. В Катовицах было принято более 25 тыс. человек, и это было только начало большой волны миграции на «возвращенные земли»⁴¹. Вскоре к этим движениям добавится возвращение поляков, отправленных немецкими оккупантами на принудительные работы на промышленных предприятиях Рейха, которые будут прибывать из Германии сотнями тысяч. Западные территории стали настоящим перекрестком, где смешались чрезвычайно разные потоки людей, следовавшие траекториям войны и со своим опытом переселений. В итоге польские меньшинства, эвакуированные с востока, составили менее четверти (24%) перемещенного населения.

---

⁴⁰ ЦДАВОУ. Ф. 4959. Оп. 1.2. Д. 112: 149-56. «Информация от Гребченко от 20 октября 1945 г.».

⁴¹ О ситуации на середину мая 1945 г. см., например, доклад о совещании руководителей органов PUR 11-12 мая 1945 г. (Ciesielski 1999: 165-178).

«Европа в движении» – так называлось исследование Евгения Кулишера о войне и ее демографических последствиях⁴². Часть старого континента была в дороге, все и вся пересекалось на этих путях, в полной какофонии – люди скитались в силу абсолютно разных причин: возвращались подневольные рабочие, военнопленные, беженцы, бежавшие от бомбардировок, перемещенные лица, жертвы нацистских этнических чисток; освобождались узники концлагерей, некоторые из которых двигались вместе без какого-либо пункта назначения, в частности пережившие Холокост... Но к катастрофе войны, которую подчеркивали все эти передвижения, мир также добавил свою долю новых лишений с перемещением польских меньшинств, создав сильное сходство переживаний и опыта. Анджей Зак, назначенный секретарем компартии во Вроцлаве летом 1945 г., вспоминал внезапное появление агентов PUR в своем кабинете:

«Спаси нас, товарищ, – сказали они, входя. – Несколько тысяч человек живут под открытым небом между железнодорожными путями. Пойдемте с нами, они никому не интересны.»

«В тот же вечер я отправился на станцию Брохов. В данном случае это был темный день, шел дождь. Я шел по направлению к грузовой станции, и действительно, между путями был огромный лагерь, над которым плыл дым от нескольких сотен костров.

– Почему всех этих репатриантов высадили именно здесь? – спросил я представителя PUR.

– Эшелон репатриантов вместо того, чтобы посадить в Катовице, был отправлен во Вроцлав, после чего нам были отправлены два незарегистрированных эшелона репатриантов. Один должен был отправиться в Щецин, а другой в Познань. Но так как армии нужны были вагоны, мы выгрузили [людей] здесь»⁴³.

Стиг Дагерман, молодой шведский репортер, посланный в разрушенную Германию, год спустя писал:

«Под проливным ледяным дождем, в серости Эссена один из этих поездов остановился на станции: так девятнадцать вагонов стояли под дождем неделю [...]. Товарные поезда формируются на разных станциях Баварии, высылаемых загоняют в эти негерметичные вагоны, у которых нет ничего, кроме пола, крыши и стен, и как только путь освобождается, их отправляют в сторону северо-запада. Через две недели один из этих поездов прибывает в пункт назначения, в котором, во-первых, не знают о его прибытии, а во-вторых, не хотят об этом знать. В течение четырнадцати дней пути власти ни разу не обеспечили пассажиров питанием» (Dagerman 1980: 73-74).

Если бы не указания мест, дат и имен заинтересованных лиц, иногда репатриированных, иногда высланных, эти показания можно было бы перепутать. Фактически установление новых границ Польши как на востоке, так и на западе, характеризовалось вынужденной миграцией «новых меньшинств», будь то поляки на территориях, аннексированных СССР, украинцы на востоке Польши, или немцы на западе.

---

⁴² См.: (Kulischer E. 1948). Именно Е. Кулишеру принадлежит выражение «перемещенные лица» – displaced persons (Тольц 2015).

⁴³ Andrzej Żak, «Pierwsze dni Partii», цитируется по (Thum 2006: 108)

Выезд немцев с новых польских территорий

Перемещение фронта зимой 1944-1945 гг. привело к первой большой «стихийной» волне массового бегства немецких семей, которые, спасаясь от прихода Красной Армии, образовывали огромные конвои на дорогах из Польши в Германию. Массовая паника охватила гражданское население. Ее подогревала нацистская пропаганда, приводившая пример, в частности, массовых убийств, совершенных Красной Армией в октябре 1944 г. среди жителей деревни Немменсдорф в Восточной Пруссии (Ther 1998: 54). Когда Советская армия начала оккупировать территорию, в восточной части Германии находилось от 2 до 3 млн беженцев. Это позволило Сталину подтвердить в Потсдаме, что большая часть немцев уже покинула Польшу. В то время как западные союзники проявляли растущую озабоченность по поводу масштабов миграции, советский лидер придерживался своей риторики о «свершившихся фактах». По мнению Сталина, установление польской границы по линии Одера-Нейсе имело бы лишь незначительные демографические последствия, связанные с прибытием немцев в различные оккупационные зоны страны (Zayas 1989: 81-101). В действительности, однако, большинство немцев все еще находилось в границах современной Польши.

За массовыми перемещениями зимы 1944-1945 гг. весной последовала волна жестоких изгнаний немцев в крайне запутанной обстановке. После первых массовых и панических отъездов зимы многие немецкие семьи стали возвращаться на свои земли, другие прибыли в поисках убежища из Чехословакии. Польские власти, завладев территориями, отмечали, что присутствие немцев не только не уменьшилось, а наоборот, не переставало увеличиваться, при этом речь шла, согласно постановлению ЦК партии, принятому в конце мая 1945 г., о том, чтобы к концу года осуществить их полное выселение (Nitschke 2004: 134). Этот этап диких изгнаний, возглавляемых в первую очередь армией, был вызван как этими возвратными движениями, так и близостью победы и грубым чувством мести, которое высказывалось поляками. Командование 2-й польской армии призывало войска «вести себя по отношению к немцам так, как они вели себя по отношению к полякам во время войны»⁴⁴. На Западе процесс присоединения Познани к рейху и создания в 1939 г. Варшавы стал, с точки зрения насильственных перемещений и применения насилия, первым памятным и долгоживущим эпизодом почти 5 лет спустя. Теперь ненависть могла развернуться в той мере, в какой она была вытерплена. Вновь сформированная милиция вместе с армией сыграла важную роль в экспроприации

---

⁴⁴ См. работы (Nitschke 2004; Ther 1998). Исторические сведения, относящиеся к истории бегства и изгнания немцев из Центральной Европы, уже составляли в ФРГ важный корпус информации в конце 1950-х годов, хотя тогда эта тема считалась одной из тех, что были монополизированными самыми консервативными силами на периферии немецкой политической сцены и как таковой ей уделяли мало внимания в академических кругах. Очень впечатляющее историографическое обновление началось после воссоединения Германии и официального признания границы по Одере-Нейсе, что помогло снять крайнюю деликатность темы. Столь заметное с 1990-х годов продвижение в поле исторической науки вопросов добровольных и вынужденных миграций населения, этнических чисток, принудительных перемещений несет на себе отпечаток впечатляющего возобновления работ, посвященных перемещению немцев. Монографии, с одной стороны, и многочисленные вклады отдельных авторов в коллективные работы, с другой, подчеркивают это обновление, динамизм которого проявляется до сих пор. Подробнее об этом явлении см. коллективную работу под редакцией Стивена Б. Варди и Т. Ханта Тули (Vardy, Tooley 2003). Как по разнообразию подходов, так и по месту, отведенному немецкой теме, эту публикацию можно рассматривать как характерный пример. О том, что эта тема остается до сих пор актуальной, см. работу (Douglas 2012).

домохозяйств, совершая многочисленные злоупотребления в отношении населения, виновного в том, что оно было немцами. Оценки волны изгнания весной 1945 г. и сегодня остаются весьма противоречивыми и варьируются, по данным авторов, от 200 тыс. человек до более 1 млн (Nitschke 2004: 147).

Переход от этой фазы большого произвола к этапу организованных отъездов произошел только со временем. Рекомендации Потсдама о порядке и гуманности, которые должны регулировать эвакуацию населения, не были услышаны, по крайней мере, до середины 1946 г., в течение которого более 1,5 млн немцев покинули Польшу.

В какой степени жизненный опыт перемещений на восточной границе Польши может сравниться с опытом на западной границе? Сроки, условия и организация выездов различались. Немцы не уезжали по принципу добровольности, не имели права забирать свое имущество, кроме нескольких десятков килограммов вещей, не могли воспользоваться помощью, по крайней мере до 1946 г., соответствующей национальной администрации, которой вменялся контроль за их миграцией⁴⁵. Тем не менее, как мы видели, гарантии эвакуации поляков во многих случаях носили чисто формальный характер. Что касается выезжающих из Польши украинцев, то условия эвакуации в 1946 г. сводились к формам жестокого изгнания. Что же касается немцев, то они несли в себе ни с чем не сравнимую особенность, которая должна была олицетворять проклятую, даже преступную нацию, и их история не ограничивается историей изгнаний, она включает в себя массовый опыт интернирования, арестов, депортации в СССР, не говоря уже о многих унижениях, которые они пережили только из-за того, что они немцы (Hirsch 1998). Тем не менее, если мы наблюдаем государственную практику, а точнее разрыв между провозглашаемыми принципами и их применением, то различия значительно сокращаются. Новые польские власти, воспитанные на примере советского союзника, воспроизвели крайнюю уверенность в своем праве на несправедливость и насилие по отношению к немецкому населению на новых западных территориях.

Цепи насилия на этих новых территориях способствовали различные факторы, и в первую очередь давление, оказываемое самой миграцией стихийной (как массовый приезд первых волн переселенцев из центральной Польши) или организованной (в случае эвакуации с Украины). Начало варварского изгнания немцев совпало с первыми большими волнами прибытия на «возвращенные земли». В этот ключевой период компенсационная политика, отстаиваемая в Москве, начала обретать полное значение. То, что поляки потеряли на востоке, они нашли на западе, не только пашню, но и животных, жилища, мебель и даже продовольственные запасы немецких семей, изгнанных из своих домов или находящихся на грани смерти. Изгнание одних и поселение других происходило почти одновременно, однако нам не удалось оценить роль новоприбывших. Помогали ли новые поселенцы, собиравшиеся захватить территорию, солдатам, милиционерам? Нет свидетельств этого явления.

---

⁴⁵ В пределах советской оккупационной зоны была создана администрация для перемещенных немцев, но эта организация, ZVU (Zentralverwaltung für deutsche Umsiedler), фактически не функционировала до середины 1946 г. (The 1998: 58).

Эвакуированные с востока: поляки «второго сорта»

Атмосфера хищничества, сопровождавшая изгнание немцев, оправдывалась чувством мести попранной нации, обескровленной оккупантами. Но национальным аргументом размахивали и в отношении эвакуированных с востока, с которыми очень часто обращались как с иностранцами. «*Ci Ukraińcy*», «эти украинцы», – вспоминает госпожа Тучинская, – как называли репатриантов из ее конвоя, когда они прибыли в район Ополе:

«Наши представили свои бумаги [опись их имущества, оставшегося на Украине], но им сказали: «Земля для поляков, раз их обслуживают, то и вам будет ваша земля»⁴⁶. Там [в Силезии] нас видели другими людьми, не совсем поляками, мы говорили не так, как они, у нас не было высокомерия других, ну, тех, кто приехал из ..., как наши будущие соседи, например, из Кельце»⁴⁷.

Это правда, что у поляков окраин была особая манера говорить, что они произносили не «*ł*» (эу), а «л», что они использовали местные выражения, неизвестные центральной Польше, и что они часто казались разочарованными, сильно нуждающимися. Но когда они возвращались на родину, их считали иностранцами или поляками второго сорта. Горькое чувство было сильным, как выразился некто Юзеф Малиновский, только что репатриированный во Вроцлав, указав, что таких, как он, здесь называют уничижительно «партизанами». В его письме, адресованном Министерству труда, осуждался фаворитизм новых государственных служащих по отношению к местным полякам в ущерб любому уважению к эвакуированным с востока:

«Они с радостью облегчают [положение] своего народа, из Познани или Померании, но презирают этих несчастных братьев, пришедших с другой стороны Буга, потому что у них нет ни крыши над головой, ни опоры, и они спят во дворах [...] потому что им нет места в казарме»⁴⁸.

Нищие с востока, бездомные, они внушали презрение и вызывали неприязнь, потому что соперничали со всеми, кто спонтанно прибыл, требуя приюта и помощи. Первыми обслуживали тех, кто первым приехал. Конкуренция иногда была жесткой, но чаще всего вакансии, о которых сообщалось при выезде с Украины, уже были заняты, когда колонны эвакуированных прибывали в пункт назначения после нескольких недель пути (Thum 2006: 109-111; Ther 1998)⁴⁹. А великое бегство поляков с Украины только начиналось весной-летом 1945 г., сотни тысяч людей собирались еще прибыть до середины 1946 г. Если неприятие эвакуированных с востока имело особые причины, в частности, сильную открытую конкуренцию за присвоение немецкой собственности, то оно также отражало (через сомнение в их законной принадлежности к национальному сообществу) глубокую болезнь идентичности, которая пронизывала польское общество в конце конфликта. Этот послевоенный период, в котором многие историки видели обострение национального чувства, заслуживает пересмотра в свете множественных форм

---

⁴⁶ Интервью с Mme Tuczynska, Варшава, ноябрь 2008 г.

⁴⁷ Интервью с Maria Kowalska, Отвоцк, ноябрь 2008 г.

⁴⁸ Письмо Ю. Малиновского от 9 июня 1945 г., воспроизведено в работе: (Ciesielski 1999: 208-209).

⁴⁹ Как указывает Ф. Тер, в отношении приема эвакуированных с востока ситуация была различной в зависимости от регионов и более благоприятной в тех, где осталось мало коренных жителей, как, например, в Нижней Силезии.

субнациональной эксклюзии, одним из выражений которой было отношение к полякам с востока. Можно ли было квалифицировать нетерпимость как националистическую реакцию, когда она начала проявляться среди поляков?

О брошенных, а не о принятых эвакуированных с востока быстро и регулярно докладывали в министерства, в основном возлагая ответственность за это на новые местные власти. В сентябре воевода Познанского края обратился ко всем главам округов с упреком в преступном поведении администраторов и их предрассудках в отношении соотечественников, прибывших с бывших восточных границ:

«Еще раз подчеркиваю, что вопрос о репатриации является одной из важнейших проблем в настоящее время и что от бесперебойного проведения совместной акции репатриации и акции заселения западных земель зависит будущая судьба Польского государства»⁵⁰.

Польские власти не собирались сильно улучшать участь эвакуированных, прибывших к месту назначения. Запад долгое время казался диким, неукротимым убежищем для всех, кто имел основания опасаться коммунистической власти, будь то бывшие коллаборанты немцев или негибимые антисоветчики. Даже разоренный последними очень жестокими боями зимы и весны 1945 года, Запад воспринимался как «Дальний Запад», полный редких продуктов, навстречу которым устремлялись все торговцы, не говоря уже обо всех тех, кто, не имея ничего, отправился туда попытаться счастья⁵¹. В этом плавильном котле перемещенным лицам с Украины придется постоять за себя. С другой стороны, вопрос о репатриации бывших депортированных оставался для властей одной из главных забот того времени.

Полонизация отвоеванных у немцев территорий означала прежде всего проведение демографической политики, обеспечивавшей через заселение людей национализацию этих новых земель. Однако проблема была не только внутренней, но и международной. Потому что союзники, и прежде всего британцы, по-прежнему скептически относились к способности поляков вновь заселить территории, на которые претендовали до Одера и Нейсе: они в любом случае должны были доказать это до подписания мирных договоров 1947 г.⁵² Вклад меньшинств с востока в полонизацию запада был по всем этим причинам ожидаемым. Любая группа, независимо от того, насколько она мала, которая раздувала статистику, была хороша. Однако в плане репатриации с востока внимание польского правительства и военных властей привлекла специфическая группа: бывшие депортированные, получившие окончательное разрешение покинуть восточные окраины СССР в июле 1945 г. В середине 1944 г. судьба этих общин вызвала сильную мобилизацию в кругах новой власти для получения этого согласия из Москвы. Некоторые из новой правительственной команды разделили часть их одиссеи, не считая десятков тысяч военных, сформировавших Армию Беринга, которые вернулись с этого далекого востока и с тех пор не переставших беспокоить свое начальство о судьбе, которая была уготована их семьям, оставшимся там. Отношение поляков к будущему бывших депортированных

---

⁵⁰ Письмо воеводы Познани от 8 сентября 1945 г. воспроизведено в работе (Ciesielski 1999: 286).

⁵¹ См., например, важное свидетельство Г. Гринберга, описывающего приезды и отъезды людей, переживших Холокост, между Лодзью и «возвращенными территориями» сразу после войны (Grynberg 1994).

⁵² На эту тему см., в частности (Frank 2007).

определялось тем, что они были политически чувствительным населением, чье положение в СССР колебалось в зависимости от капризов польско-советских отношений во время войны. Что же они прожили и пережили?

Эпос о «Сибиряках»

В сегодняшней Польше их до сих пор называют сибиряками (Sybiracy) по названию основной ассоциации, которая представляла их с 1989 г. и определяла себя как воссозданная организация, существовавшая между двумя мировыми войнами и объединившая бывших депортированных царского периода⁵³. Однако поляков, репрессированных в 1940 и 1941 г., было больше в Средней Азии, чем в Сибири, и их скитания по восточным окраинам СССР отличались от того, что могли испытать заклейменные самодержавием старшие поколения, даже если и те, и другие утверждали, что являются жертвами своего русского соседа.

История депортаций на территориях, аннексированных СССР в 1939-1940 гг., по-разному помещается в более широкую историю советских репрессий: некоторые историки делают акцент скорее на национальном аспекте, причем весьма антипольском, другие больше настаивают на социально-политическом характере репрессий⁵⁴. Среди депортированных с бывших восточных территорий Польши «этнические» поляки составляли большинство (70%), что неудивительно, поскольку они представляли доминирующую социальную группу⁵⁵. Первая крупная волна депортаций (и самая крупная по численности) планировалась в Москве в последние месяцы 1939 г. Она была направлена против поселенцев (осадников), представителей местной администрации и лесничеств. В разгар зимы, в феврале 1940 г. почти 140 тыс. человек были бесчеловечно изгнаны из своих домов, большинство из них отправлены в Архангельскую область⁵⁶. Это была самая смертоносная волна из-за погодных условий как при транспортировке, так и по прибытии на место ссылки.

Выбор людей, ставших жертвами апрельской волны депортаций, был весьма своеобразен, поскольку, помимо различных категорий врагов, четко определенных советским режимом, таких как бывшие представители общественного порядка (в частности, полицейские, жандармы) или имущих классов (домовладельцы, ремесленники), в нее вошли, в частности, семьи офицеров и гражданских лиц, которые были вскоре тайно расстреляны. Наряду с принятым в Москве решением о ликвидации

---

⁵³ Речь идет об ассоциации Związek Sybiraków (Союз сибиряков). Он представлен во всех регионах Польши и распределяет скромную пенсию из государственных средств бывшим депортированным, а также заботится о сборе их историй (около десятка опубликованных томов, уже цитируемых, каждый из которых содержит около 20 свидетельств, в том числе мы цитируем несколько выдержек в этой статье). Я хотела бы с большой благодарностью вспомнить здесь ее бывшего президента г-на Пржевлодского, который с большой методичностью помогал мне в моих исследованиях.

⁵⁴ Что касается первого аспекта, см. работы: (Ther 1998; Snyder 2003; Głowacki 1998). О социально-политическом характере см. работу (Земсков 2005).

⁵⁵ Работа по истории депортаций с присоединенных территорий заметно развернулась с момента открытия архивов (см. библиографию, составленную авторами работы: (Ciesielski, Materski, Paczkowski 2000)).

Однако новаторская работа Яна Гросса, сделанная на основе свидетельств, собранных у бывших депортированных, уехавших с армией Андерса (коллекция хранится в Гуверовском институте), очень мало пересматривалась в последующих работах, за исключением общей оценки числа депортированных, и она остается одним из наиболее важных источников для анализа этого периода (Gross 2002).

⁵⁶ О географии мест депортации см. работу: (Kowalska 1998).

15 тыс. военнослужащих польской армии, находившихся в плену (хотя СССР не объявлял войну Польше в сентябре 1939 г.), Берия отдал приказ о депортации их семей⁵⁷.

Как и вторая волна депортаций, третья также была нацелена на конкретное население – беженцев. Большинство репрессированных составляли беженцы из центральной Польши, бежавшие на восток во время немецкого вторжения. Многие из них были польскими евреями, которые сначала были уверены, что находятся под опекой Советов, а не немцев, и которые были обеспокоены кампанией паспортизации. Поскольку эти беженцы имели лишь ветхое жилье и считались тунеядцами, заполонившими города Западной Украины, советская власть запретила им проживание на этой части территории. С другой стороны, многие беженцы оставили часть своей семьи и все свое имущество в Польше. Теперь они опасались, что, приняв советское гражданство, они навсегда будут отрезаны от своих домов. Угроза вынужденного отъезда на восток Украины и на шахты Донбасса, а также страх никогда не вернуться в свою страну заставили десятки тысяч евреев попытаться любой ценой вернуться в Польшу, несмотря на то, что она была под немецкой оккупацией. Однако в то время германо-советские договоры о переселении населения содержали специальный пункт, разрешавший бывшим польским гражданам вернуться к месту жительства, если они оказались далеко от него и находились в зоне советской оккупации на момент установления германо-советской демаркационной линии. Этот пункт особенно применялся в отношении солдат, польских военнопленных. Так, например, Ян Карский смог покинуть СССР, прежде чем стать одним из главных эмигрантов польского правительства в изгнании (Karski 2010). Немецкая комиссия, ответственная за рассмотрение заявлений по существу, должна была собраться в последний раз в июне 1940 г. и получила не менее 60 тыс. заявлений от еврейских беженцев. В своем отчете о ситуации во Львове в мае 1940 г. немецкий представитель комиссии подчеркнул, что евреи очень рассчитывают на немцев в плане своего спасения.

«Евреи [...] неоднократно высказывают мнение, что с ними действительно особенно плохо обращаются их советские братья [...]. Среди бесчисленного множества людей, которые на каждом шагу останавливали нас и умоляли перевести их в Германию, было много евреев, из которых некоторые, многие, объясняли, что они предпочли бы жить в немецком концлагере, чем в Советском Союзе. Особый интерес представляет высказывание одного из евреев: «Я думаю, что для нас, евреев, нам было бы выгоднее находиться в Германии, чем здесь, потому что фюрер сказал, что собирается решить проблему евреев, а мы верим фюреру»⁵⁸.

По иронии судьбы запросы, адресованные евреями в немецкую комиссию по перемещениям, были отклонены, а список отказов передан советским властям, которые, в частности, на этом основании планировали депортацию беженцев⁵⁹. Своим спасением они обязаны депортации подальше от сурового места их беженства, куда год спустя вторгнутся немецкие войска...

---

⁵⁷ Директива Берии от 7 марта 1940 г. о депортации семей офицеров Войска Польского, полицейских и других лиц, содержащихся в лагерях и тюрьмах, воспроизведена в работе (Instytut Pamięci Narodowej 2003: 354-360).

⁵⁸ Доклад члена Немецкой комиссии по переселениям (неподписанный документ) от 11 мая 1940 г., воспроизведенный Чеславом Мадайчиком (Madajczyk 1991: 64).

⁵⁹ Директива Берии от 10 июня 1940 г. о депортации беженцев с Украины и из Западной Белоруссии, воспроизведено в (Instytut Pamięci Narodowej 2003: 566-568).

За тремя волнами депортаций в первой половине 1940 г. последовала в мае-июне 1941 г. четвертая, резко прервавшаяся с началом операции «Барбаросса». Перевозку депортированных частично совмещали с первыми крупными организованными эвакуациями гражданского населения на восток. Всего с бывших польских территорий было депортировано около 400 тыс. человек, большинство из них с Западной Украины⁶⁰.

«Бывшие польские граждане», как впредь именуется они советскими административными сводками, направлялись большей частью в спецпоселения на советский Европейский Север, в Среднюю Азию, Сибирь, где они были приписаны к месту жительства, работали в совхозах, лесном хозяйстве, реже в шахтах. Тяжесть условий их жизни сильно различалась в зависимости от места и контекста прибытия. Если априори положение этих депортированных было намного лучше, чем в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа, то повседневная жизнь тех, кто был направлен на рубку деревьев, принципиально от нее не отличалась, принимая во внимание тяжесть работы и окружающей среды. Очень часто семьи лишались своих мужчин, депортированных без них, находившихся в плену, задержанных или отправленных в лагерь. Женщинам приходилось брать на себя работу и обеспечивать нужды дома и детей на фоне крайней материальной и продовольственной необеспеченности, доходящей до голода (Jolluck 2002: 100-127; Вохменцева: 65).

В то время, когда Польше было еще далеко до демографического перехода, женщины часто оказывались с большим количеством детей-иждивенцев, некоторые из которых были очень маленькими, и смертность самых маленьких была высокой по прибытию и тем более в разгар войны и лишений.

Для первых депортированных жизнь в ссылке в этих неблагоприятных местах уже казалась очень долгой, а для прибывших в конце весны 1941 г. – лишь эпизодом. Вступление СССР в войну против Германии действительно имело прямые последствия для положения поляков в СССР. Присоединившись к лагерю союзников, Сталин теперь должен был иметь дело со своими новыми собеседниками. Под давлением и при посредничестве Великобритании Москва установила дипломатические отношения с польским правительством в изгнании и в августе 1941 г. объявила всеобщую амнистию всем репрессированным польским гражданам в стране.

В двусторонних отношениях начался уникальный период. За амнистией последовало несколько решений, важнейшим из которых было создание на советской территории польской армии, объединившей бывших репрессированных и предназначенной для усиления вооруженных сил союзников на западе. Для выполнения этой задачи было разрешено открыть посольство Польши в СССР. Ему удалось создать около 20 консульских представительств, создать обширную сеть агентов, так называемых доверенных лиц (*męża zaufania*), которым было поручено обеспечивать связи между разрозненными общинами ранее репрессированных людей, способствовать объединению людей и оказывать помощь беднейшим семьям (Sword 1996).

---

⁶⁰ Вышинский сообщил польскому послу С. Коту цифру в 387 932 депортированных гражданина Польши (Kersten 1974: 34); Берия в общей оценке четырех волн депортаций, составленной для центрального советского руководства, упоминает 389 382 человека. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 64: 383-384.

Этот период сотрудничества был относительно коротким, поскольку официально длился всего 18 месяцев, но это было необычно. Фактически никогда ни одно иностранное государство не обладало такими широкими прерогативами на советской территории. При том поле действия, отведенное польским представителям, характеризовалось все увеличивающимся разрывом между принципиальными договоренностями и реальностью их деятельности. Этому постоянно препятствовали контрольные меры и ограничения, вводимые центральной советской властью.

Осуществление амнистии было процессом, который занял время. Некоторым об этом объявили местные власти, но большинство польских граждан узнали об этом из уст в уста, во время импровизированного визита одного из этих «доверенных лиц»: в церкви, при записи ребенка, во время проповеди; в единственном экземпляре рецепта польских голубцов, как указывают другие (Gross, Grudzińska-Gross 1990: 64, 88, 167).

После перенесенных лишений амнистия, очевидно, была воспринята как обещание радикального изменения положения. Вчера депортированные как поляки, сегодня освобожденные только за то, что они поляки... Гражданская идентичность теперь стала ресурсом, которому завидовали многие репрессированные люди: и русские, и ингерманландцы с финнами, и прибалты и другие, с которыми поляки до этого делили повседневную жизнь. Конкретно амнистия давала право покидать спецпоселения и переселяться в тыловые территории. Реакцией многих домохозяйств было попытаться присоединиться к сборным пунктам, организованным для создания будущей польской армии. Первый центр был создан в Поволжье, но именно в Средней Азии, близ штаба Янги-Юль, близ Ташкента, сконцентрировалось больше всего амнистированных. Для польского генштаба задача была более чем трудной, потому что прибывали измученные, полуголодные мужчины, зачастую непригодные к военной службе, а также тысячи семей, просивших о помощи. Эти центры были не только заняты формированием армии, но и напоминали лагеря беженцев, ожидающих настоящего освобождения, которое для них было равносильно выезду из СССР. Армия Андерса, названная в честь основавшего ее генерала, насчитывала около 75 тыс. человек, не считая мирных жителей, солдатских и других семей. Весной 1942 г. она покинула СССР и переправилась в Иран двумя волнами. Таким образом, около 120 тыс. польских граждан были эвакуированы в разгар войны из Советского Союза и приняты в Иране британцами.

Ощущение упущенной возможности возникло у многих бывших депортированных, оставшихся в тылу и испытавших прямые последствия ухудшения польско-советских отношений. В СССР оставалось еще более 260 тыс. польских граждан, которые не смогли добраться до центров армии Андерса, не были уведомлены об их существовании или им было отказано. Это особенно касалось польских евреев, поскольку советские власти осуществляли контроль над отъездом, ограничивая его «польскими гражданами польской этнической национальности»⁶¹. Для многих домохозяйств самое трудное было еще впереди. По крайней мере, так говорят многие свидетельства.

Польские граждане по большей части были амнистированы и, как правило, покидали спецпоселения, но депортация происходила в мирное время, по крайней мере

---

⁶¹ Эти ограничения появлялись постепенно в период с августа 1941 г. по весну 1942 г. (Gousseff 2003).

Тем не менее среди эвакуированных армией Андерса было около 3% евреев, 3% белорусов и 1% украинцев.

в СССР, а освобождение произошло в период вступления страны в войну. Мобилизация мужчин на фронт привела к полной мобилизации гражданского населения в тылу, вносящего свой вклад в войну. Дефициты, лишения и тяжелая работа были обычным уделом, стиравшим грань между положением депортированного и свободного человека. Нужно было жить и, следовательно, работать. Многие поляки были наняты в бедные совхозы Казахстана или присоединились к перенаселенным городам, плохо снабжаемым, в качестве рабочей силы. Горизонт снова потемнел.

С января 1943 г. была предпринята новая кампания по паспортизации. Так как депортированные были амнистированы как польские граждане, они думали, что восстановили свое право быть поляками, но эта операция означала для них, что, наоборот, они окончательно станут советскими гражданами. Согласно действующему законодательству, кампания по паспортизации может выглядеть как тривиальное административное действие. Когда жители присоединенных территорий получили свои первые паспорта в 1940 г., они выдавались всего на 3 года. Эта практика временного подтверждения документов применительно к полякам была одинаковой для всех советских граждан и позволяла обеспечить регулярный контроль над населением. Но зимняя кампания 1943 г. в данном случае проходила в атмосфере крайней напряженности в двусторонних отношениях из-за споров о будущем территорий, завоеванных СССР в 1939 г. Польское посольство все еще находилось в СССР, но его способность взаимодействовать с оставшимися общинами стала почти нулевой. Где бы они ни находились, поляков стали вызывать в отделения милиции, допрашивать, принуждать к отказу от признания своей этнической польской национальности. Конфискация справок об амнистии и других документов, удостоверяющих личность, задержание на несколько суток непокорных, угрозы осуждения, все методы запугивания применялись в течение нескольких месяцев, пока длилась операция. Александр Ват, известный левый интеллектуал в Польше, у которого Чеслав Милош брал подробное интервью о его опыте войны в СССР, во многих случаях и значительно различает эпоху до и после паспортизации, при этом даже не предпринимает попытки описать, что это такое было, настолько это было травмирующим опытом (Wat 1989). Бессильные противостоять происходящему, польские дипломаты восприняли эту операцию как нетерпимую провокацию.

Официально СССР разорвал все отношения с правительством в изгнании во время катынского дела. Обнаружение немцами братской могилы в первые месяцы 1943 г. и запрос правительства в изгнании о предоставлении экспертного отчета Международного Красного Креста о датировке массовых убийств польских офицеров были предлогом, использованным советской стороной, чтобы официально разорвать дипломатические отношения в апреле. Но на самом деле разрыв уже состоялся ранее. Большой политический сигнал о неприятии возможности пересмотра в отношении аннексированных территорий в 1939 г. был подан началом кампании паспортизации. Редко когда население было столь явным свидетелем и инструментом международной политики в ее поворотах, как польские депортированные. Зима 1942-1943 гг. была одним из самых тяжелых периодов, пережитых на Большом Советском Востоке, когда слились воедино ощущение окончательного плена, крайняя суровость в том году климатических условий и лишения, достигшие своего пика из-за нужд фронта.

Тем не менее этот период может показаться весьма парадоксальным. В то время как поляки теперь считались в глубине СССР советскими гражданами, основание в Москве

Союза польских патриотов внезапно сделало польское присутствие в стране по-новому видимым. Его создание соответствовало новой московской стратегии использования иностранных общин, расположенных в СССР, будь то немецкие, чешские или польские, для формирования политических союзов послевоенной Европы. Кредо Союза польских патриотов (ZPP), сформулированное в марте 1943 г., ясно отражало данный себе Союзом титул учредителя антифашистского фронта, объединяющего польские силы на советской территории, чтобы вместе с СССР внести свой вклад в боевые действия против немцев. Созданная незадолго до того, как представители правительства в изгнании покинули территорию, эта организация постепенно взяла на себя деятельность, развернутую посольством с общинами в тылу. Управление несколькими десятками школ и детскими приютами, скромная помощь беднейшим семьям, деятельность ZPP была организована путем создания новой агентурной сети по образцу сети доверенных лиц 1941-1942 гг. При этом, называя себя альтернативой «лондонским» реакционерам, Союз польских патриотов представлял свою работу как непосредственное продолжение их деятельности, и это, несомненно, было одной из причин успеха, которого он добился среди советских польских домохозяйств (Głowacki 1994b). Его главной задачей с весны 1943 г. было создание новой польской армии. Здесь снова сценарий повторился, но в совершенно другой конфигурации. 36,5 тыс. человек в армии Берлинга в июне 1944 г. предназначались для помощи Красной Армии в освобождении Польши. В основном ими руководили советские офицеры, часто польского происхождения, но прошедшие обучение в СССР. Было несколько исключений, начиная с генерала Берлинга, репрессированного Советами в 1939 г., а также Владислава Андерса, освобожденного, как и он, для выполнения возложенной на него миссии по командованию армией. Именно благодаря сбору мужчин ZPP удалось идентифицировать различные общины и сыграть роль представителя «политических эмигрантов», как Союз называл бывших депортированных перед советскими властями.

Первым крупным успехом, достигнутым из Москвы Союзом польских патриотов в своей посреднической роли, было разрешение, выданное весной 1944 г., на перевод части поляков, проживавших в районах советского Крайнего Севера, Урала и Сибири, в районы юга. Официально выданное по просьбе ZPP постановление Совета Министров СССР в марте 1944 г. обосновывало перевод людей «тяжелыми климатическими условиями»⁶². Отъезды на юг затронули около 25 тыс. человек, проживавших в республиках Коми, Якутии, Архангельской, 12,3 тыс. человек из Читинской области, Красноярского края, Кемеровской, Омской, Молотовской и Свердловской областей, большинство из них были размещены в колхозах и совхозах центральной и южной Украины⁶³. Эта операция, контролируемая центральным НКВД и проведенная агентами ZPP, сильно раздосадовала украинских руководителей, явно мало или совсем не подготовленных к этому наплыву поляков, о которых они быстро вынесли отрицательные суждения, считая их реакционными и неспособными к работе⁶⁴. Вероятно, именно этот первый перевод стал причиной

⁶² ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 46А. Д. 26: 2-3. «Декрет Совнаркома СССР от 18 марта 1944 года».

⁶³ Цифры реально перевезенных лиц указать трудно, так как, с одной стороны, Берия пересмотрел предложение ZPP в сторону понижения (доклад Сталину, май 1944 г., ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 64: 384), а с другой стороны, местные власти как при отбытии, так и при прибытии часто сообщали о большем количестве поляков, чем было заявлено – ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 46А. Д. 261: 21-22, Д. 232: 7, Д. 205: 2. В то же время по некоторым территориям, например, по Свердловской и ряду сибирских областей детальная статистика переселений известна (Жаронь 2002; Чевардин 2013).

⁶⁴ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 789: 21-32. «Доклад Савченко от 5 августа 1944 г.».

враждебного отношения украинских властей к Союзу польских патриотов. Впоследствии ZPP выступил за дальнейшее переселение в западные районы СССР, в частности поляков из Казахстана. Но руководство республики выступило против отъезда этой рабочей силы⁶⁵. Несмотря на скромные результаты, полученные для улучшения участи своих соотечественников, ZPP через организацию этих внутренних переводов продемонстрировал свои оперативные возможности. Таким образом, был усилен его авторитет у центральной советской власти. Впоследствии именно ему предоставили важную роль в осуществлении массовых репатриаций поляков из СССР в Польшу. Однако летом 1944 г. эта перспектива даже не упоминалась, как и во время первых соглашений в сентябре 1944 г. о перемещении приграничного населения⁶⁶. Для новых польских лидеров, обосновавшихся в Люблине, как и для польских жителей Западной Украины, приход обученного на востоке Войска Польского был очевидной прелюдией к массовому возвращению «из глубин СССР». В июне 1944 г. указ Президиума Верховного Совета СССР обозначил поворот к нормализации правового положения поляков, советизированных в 1943 г. Этот текст, правда, касался только солдат армии Берлинга, получивших право на получение польского гражданства, а также их семей и отдельных лиц, внесших свой вклад в борьбу за освобождение Польши⁶⁷. Но это, по крайней мере, указывало на путь к ожидаемому исправлению ненормальности в ситуации бывших депортированных. Однако эти первые признаки начала изменений лишь на мгновение подогрели надежду на скорую репатриацию с Дальнего Востока, потому что потом в Москве почти год в отношении этого дела будет гнетущая тишина.

Молчание Кремля было оглушительным для всех, ожидавших возвращения, и тех, кто был близко, и кто далеко. С ноября 1944 г. администрация полпредства в Луцке обращала внимание на многочисленные письма, направленные поляками на Украине с просьбами о разрешении выехать в Польшу и их депортированным родственникам⁶⁸. Пизло, сам бывший ссыльный, пересылал письма, полученные Союзом польских патриотов в Москве, отвечал этим полякам из далеких регионов, из Архангельска, Караганды и других мест⁶⁹. Полпред вышел на прямой контакт с руководством Республики Башкирия для ускорения возвращения, но получил лишь лаконичный ответ, уточняющий, что только приказ из Москвы позволит разблокировать ситуацию присутствующих на территории поляков⁷⁰. Ячейки ZPP, организованные на западе Украины, также пытались посредничать. Так, из Дрогобыча заместитель наркома НКВД на Украине был проинформирован о том, что в регионе Союз польских патриотов выступил с инициативой сбора информации от поляков об их депортированных или арестованных родственниках и что затем Союз обратился непосредственно к власти указанных мест с требованием возвращения этих людей⁷¹. Все эти шаги, исходили ли они от ZPP или от польской администрации на Украине, лишь раздували раздражение советских руководителей, и Вольский косвенно вторил

---

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 229: 135-142. «Переписка с руководством республики Казахстан».

⁶⁶ В архивах, опубликованных за этот период, в документе от августа 1944 г. упоминается о своевременности этих репатриаций, но это, очевидно, ошибка датировки (Basiński, Adalińskie 1974: 216-217).

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 10. Д. 69а: 3-4. «Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1944 г.»

⁶⁸ ААН. Ф. 524. Д. 28: 47. «Корреспонденция в Луцк от 27/11/1944».

⁶⁹ На всех этих письмах запросы о репатриациях. ААН. Ф. 524. Д. 76. «Корреспонденция администрации в Луцке с репатриантами и ZPP».

⁷⁰ ААН. Ф. 524. Д. 10: 35. «Почта администрации Башкирии в Луцк от 24 мая 1945 г.».

⁷¹ Донесение ответственного по Дрогобычу для Савченко от 29 июня 1945 г., воспроизведено в работе (Archiwum Ministerstwa Spraw Wewnętrznych i Administracji RP 2000: 418).

этому, формально запрещая полномочному представителю вмешиваться в репатриацию поляков из советской глубинки. Будущие резолюции, писал он в июне 1945 г., будут приняты и повлекут за собой специальные приказы⁷². Решение о начале репатриации, наконец, было принято в начале июля 1945 г., когда было возобновлено двустороннее соглашение о перемещении населения, в котором, как и прежде, упоминались поляки приграничных районов, но также, очень мимолетно, «польские граждане до 17 сентября 1939 г., жители других регионов СССР»⁷³. Ситуация наконец-то прояснилась, по крайней мере, на бумаге.

В действительности выезды из Средней Азии, Сибири и других районов советской периферии, которые касались около 220 тыс. человек, растянулись почти на год. Фактически для общин бывших депортированных административные процедуры, гарантирующие отъезд, стали еще одним неожиданным испытанием.

Под давлением Советского Центра

Группы депортированных, амнистированных, советизированных польских граждан всегда составляли, судя по перипетиям их правового и административного положения, ту категорию населения, которая относилась к политически чувствительным вопросам. Судьба этого населения была решена при официальном возобновлении польско-советских двусторонних отношений, и это не было случайностью. Она находилась под прицелом Москвы с 1940 г. и оставалась таковой до конца процесса репатриации. Перемещения людей с востока фактически были предметом особых процедур, в которых почти не участвовали эвакуационные администрации, занимавшиеся только выездом жителей приграничных районов. Процедуры регистрации меньшинства на Украине представлялись простой формальностью по сравнению со сложностью мероприятий по организации выездов с восточных окраин СССР. Они были определены в Москве Наркоматом иностранных дел и специальной польско-советской комиссией, созданной при Президиуме Верховного Совета, для проведения в жизнь закона о «выходе из советского гражданства»⁷⁴.

После кампании по паспортизации 1943 г. встал вопрос о начале процесса лишения паспортов, и эта процедура могла быть реализована только центральной советской администрацией. Местные органы НКВД отвечали за составление личных дел заявителей и передачу их в Москву для рассмотрения отделом ОВИРа (отдел виз и регистрации иностранных граждан), который принимал решение по существу дела. Только тогда по подтвержденному заключению ОВИРа «новые» польские граждане получали разрешение покинуть советскую территорию. Эта процедура не была легкой, так как предполагала взаимодействие между Москвой и окраиной и поездки людей туда-обратно при решении конкретных вопросов, но она априори была функциональной. На деле возникали серьезные препятствия, поскольку формы индивидуальных запросов требовали, чтобы

---

⁷² ААН. Ф. 524. Д.10: 31. «Письмо Вольского Пизло от 12 июня 1945 г.».

⁷³ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1400: 59-64. «Польско-советский договор от 6 июля 1945 г.» Накануне указом Президиума Верховного Совета СССР был уточнен порядок изменения гражданства – ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 10. Д. 69а: 8-9.

⁷⁴ После принятия новой конституции СССР 1936 г. законом от 3 августа 1938 г. были уточнены условия получения советского гражданства и изменения гражданства (выход из гражданства). См. работу (Gousseff 2003: 523, 547-548, 552-554) о бюрократическом тупике, связанном с вопросом о тех, кто был «без документов».

информация, предоставленная заинтересованными лицами, была подтверждена документами. В частности, местным органам НКВД должны были быть предъявлены документы, удостоверяющие прежнее польское гражданство до 17 сентября 1939 г. Однако во время скитаний людей с 1940 г., будь то в спецколониях, куда они были приписаны, или во время паспортной кампании 1943 г., у поляков очень часто конфисковывали те немногие документы, которые у них были. И дела «безбумажных» тут же были отвергнуты Москвой. Пережив тиранию навязанного гражданства, которое сделало из их прошлого чистый лист, поляки теперь столкнулись с требованием документальных доказательств, которые были у них конфискованы... Чтобы исправить этот бюрократический тупик, процедуры были в конце концов изменены, но без особого результата: были созданы местные комиссии, которые, на этот раз с помощью архивов милиции и НКВД, должны были попытаться собрать все документы и заполнить досье. Тем не менее проблема «недокументированных» людей оставалась нерешаемой из-за отсутствия архивов или лени местных администраторов, не спешащих проводить необходимые расследования. В любом случае ситуация была блокирована. Счастливицков, у которых еще были при себе польские дипломы или военные документы, было не так много, и они смогли уехать довольно быстро, пока большинство «бывших польских граждан» продолжали ждать.

Административная разблокировка наступила внезапно в декабре 1945 г., когда с самого верха поступило указание как можно быстрее приступить к завершению послевоенных репатриаций. Этот императив не был адресован специально полякам на окраинах СССР, но упомянутое на заседании смешанной комиссии «изменение мнения» сразу сказалось на принятых тогда решениях. Отныне местные комиссии имели полную свободу действий в отношении положения людей без документов. Присутствовавшие на месте члены ZPP имели право удостоверить правдивость показаний заявителей об их личности. Таким образом, центральная администрация отказалась от контроля над всеми делами и Союзу польских патриотов было предложено сыграть решающую роль в исходе разбирательства. Именно в этот период ZPP зарегистрировал наибольшее число членов – около 70% взрослого польского населения, проживавшего в СССР (Głowacki 1994b: 59). Люди массово записывались в Союз, тем самым обеспечивая себе поддержку местных представителей Союза патриотов в решении своего дела, и на этот раз результаты не заставили себя ждать. К середине января 1946 г. было положительно рассмотрено 66 тыс. дел, и к этому сроку смешанная комиссия в Москве готовила план отъездов ⁷⁵. Большие репатриационные колонны растянулись до лета.

Для большинства поляков, живших на восточной окраине СССР, окончание войны и их возвращение в свою страну были синонимами, даже если это возвращение произошло почти через год после окончания войны, даже если понятие «возвращение» казалось весьма относительным, потому что речь шла не о том, чтобы найти оставленный дом, определенно находящийся на советской территории, а о том, чтобы отправиться на родину, за Буг и Сан, эту новую черту водораздела, которую некоторые из них никогда не пересекали. Только бывшие беженцы, бежавшие от немецкого вторжения, могли надеяться вернуться в свои дома в центральной Польше. Однако эта перспектива была совершенно теоретической, потому что большинство этих беженцев были евреями и не знали, что из их общин никого не осталось, что их дома будут заняты посторонними.

---

⁷⁵ О планировании и очередности выездов см. в архиве – ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1400.

Самое жестокое для них будет впереди. Как вспоминала Стелла Ковач в смятении неудержимого волнения более 50 лет спустя: «Мы жили в архаике, но не знали оккупации, лагерей»⁷⁶.

Для тех, кто был в Средней Азии, Сибири или на Урале, война действительно приобретала иной смысл. Ее развязывание было синонимом освобождения, переломный момент Сталинграда проявился в форме новой кабалы с восстановлением советского гражданства. Однако суть этого нового административного ограничения быстро размылась. Бывшие депортированные оказались волей-неволей включенными в состав СССР, потому что им во всеуслышание твердили, что Польши больше нет и не будет, а в это время начинает подниматься польская армия для содействия освобождению родины. Вместо того, чтобы пытаться объяснить такие противоречивые потрясения, Союз польских патриотов уловил направление ветра и с 1944 г. взял на себя обязательство объединять сообщества вокруг патриотических ценностей нации и польско-советского союза. В представляемом как неминуемое освобождении Польши от нацистского господства постоянно подчеркивалась провиденциальная роль СССР. В Балхаше (Казахстан) 19 января 1945 г. была организована демонстрация в честь победы Красной Армии при освобождении Варшавы⁷⁷. Мобилизация ZPP для пропаганды просоветской версии войны явно соответствовала идеологической задаче организации. Если это так, то это также было частью реальности, которая своим разнообразием требовала выработки определенного консенсуса. Например, в Караганде в 1944 г. официальные лица ZPP отмечали, что там проживало около 1 тыс. поляков. Среди них была 101 семья, из которых по крайней мере один член семьи участвовал в польской армии Берлинга, 74 семьи, в которой кто-то ушел с армией Андерса, и 55 семей, которые имели своего родственника в Красной Армии⁷⁸. Другими словами, три четверти домохозяйств, находившихся в городе, были так или иначе связаны с освободительной армией, которая, однако, выступала под тремя разными знаменами. Каждая сражалась за одну и ту же цель: восстановление демократии в Европе, как провозглашал Союз польских патриотов; и его агитация *pro domo* (за свой дом) затем могла быть развернута вокруг основания Польского комитета национального освобождения в Люблине, мобилизованного для «укрепления демократического фронта» в Польше. В отчете о своей «политической деятельности и агитации» ZPP указывал наряду с конференциями, посвященными продвижению нового правительства, и другие различные мероприятия, такие как празднование Грюнвальдской битвы (где поляки победили тевтонов в 1410 г.), а также другие инициативы, в том числе сборы в пользу варшавян, чей город был сильно разрушен, или на сооружение памятника, посвященного жертвам Катыни, убитым, как было написано, «немецко-фашистами»⁷⁹.

В конце войны ZPP возродил национальный праздник, которым польские левые межвоенного периода, в частности коммунисты, в значительной степени пренебрегали. Этот национальный праздник, учрежденный во время восстановления Польского государства после 1918 г., был назначен на 3 мая в ознаменование Конституции 1791 г., последнего свободного акта польского сейма перед окончательным демонтажем

---

⁷⁶ Интервью автора, Вроцлав, июнь 2008 г.

⁷⁷ AAN. Ф. ZPP. Д. 112. «Отчет отделения ZPP в Балхаше от 22 января 1945 г.».

⁷⁸ AAN. Ф. ZPP. Д. 112. «Отчет отделения ZPP в Караганде, январь 1945 г.».

⁷⁹ AAN. Ф. ZPP. Д. 112. «Отчет отделения ZPP в Караганде».

государственности в 1795 г.⁸⁰ Близость празднования 3 мая к 1 мая, к еще одной ключевой дате в истории рабочего движения, подпитывала взаимное неприятие, особенно потому, что консервативные правые объединялись вокруг национального праздника 3 мая, пытаясь с относительным успехом захватить его символический ресурс. Помимо этого конъюнктурного эффекта, 3 мая глубоко вписалось в польское политическое сознание еще со времен разделов, заняв видное место в представлениях и стремлениях к независимости в XIX веке. Использование этого сильного ориентира в политической и культурной деятельности ZPP в конце войны способствовало переформулировке условий патриотического консенсуса, обращенного к возрождению и независимости страны. В день 3 мая в Караганде состоялись важные торжества, организованные советскими властями перед публикой, собравшей много русских и поляков. Карагандинский театр по этому случаю был украшен большими портретами Сталина и Берлинга, польский хор пел по очереди польский и советский гимны, мероприятие сопровождалось докладом об историческом значении этого дня, концертом, речами и зачитыванием официальных обращений к товарищу Сталину, генералу Берлингу, Ванде Василевской, закончилось все большим публичным балом. Отчет этого дня не скрывал, что мероприятие было очень успешным⁸¹.

Поляки Средней Азии и Сибири неравномерно курировались ZPP, и части людей достигали лишь отдаленные отголоски агитации, которая была организована в таких городах, как Караганда. Но, тем не менее, распространяя скромную прессу, как например, бюллетень *Głos patrioty polskiego* («Голос польского патриота»), и создавая многочисленные кружки (*kolo*) на низовом местном уровне, ZPP смог охватить наибольшее число людей. Не имея доступа к другим источникам информации, бывшие депортированные практически ничего не знали о противостоянии политических лагерей, о значении, которое Армия Крайова имела во время войны, и об охоте на бойцов сопротивления, ознаменовавшей освобождение страны. С другой стороны, они знали, что означает аббревиатура PKWN (Польский комитет национального освобождения), и кто такие Берут, Гомулка или Осубка-Моравский. Если бы они не знали, они узнали бы об этом, увидев знамена, украшавшие отходящие поезда, во славу вождей новой Польши. Все эти семьи, которые собирались покинуть восточные окраины СССР, уже не считались советскими, но, проведя в СССР всю войну, были посвящены во множественные стратегии выживания: неоднократно сталкиваясь с административным произволом государства и грубой тиранией его представителей, они везли с собой знание системы, частичку истории Великой Отечественной войны, далеко отстоящей от истории их соотечественников.

Длинные конвои, отправлявшиеся с востока, начиная с конца 1945 г. и наиболее интенсивно с марта по июль 1946 г., перевозили настоящих энтузиастов не столько нового режима, сколько долгожданного возвращения, которое начиналось с посадки в поезд. Транспорт шел через Украину, через Львов, где при вокзале были устроены специальные столовые.

К этому моменту пересечение границы значительно усложнилось. После того, как большие потоки репатриированных советских граждан, бывших подневольных рабочих Рейха и военнопленных иссякли, центральный НКГБ начинает все больше вмешиваться,

---

⁸⁰ Эта Конституция разрушила структуры дворянской республики, чтобы заложить основы парламентской монархии. Об историческом соперничестве 1 и 3 мая в Польше см. работу (Zawadzki 1990).

⁸¹ AAN. Ф. ZPP. Д. 112.

требуя лучшего контроля за пересечением границ. Таможня была последним испытанием, потому что у репатриантов с востока очень часто не были документы «в порядке». Давление, оказываемое в Москве с декабря 1945 г. на местные комиссии по оперативному рассмотрению дел, привело к тому, что они отступили от всех указаний о порядке оформления документов для выезда с территории. Требуемые при пересечении границ фотографии на документах отсутствовали, как и печати органов, выдавших бумаги. В феврале 1946 г. НКГБ в Москве связался со своими агентами в различных республиках, чтобы сообщить им, что у ряда бывших польских граждан имеются «фальшивые документы», что не исключено, что среди них пытались проскользнуть и другие лица, не затронутые соглашением⁸². Последствия этого призыва к бдительности не заставили себя долго ждать. В марте польский контролер контрольно-пропускного пункта в Рава Русской сообщил, что колонны репатриантов с востока более 10 дней блокируются на границе. Никакой продовольственной помощи им не оказывали, даже хлеба не давали⁸³. Вновь людей охватила тоска, просыпался кошмар возвращения не на запад, а на восток⁸⁴. Ужесточение погранпереходов затронуло весь транспорт, будь то с репатрированными с востока или эвакуированными с Украины. Людей арестовывали и задерживали без объяснения причин⁸⁵. Польский заместитель полпреда жаловался на чрезмерные обыски, проводимые среди эвакуированных, он осудил, в частности, практические гинекологические осмотры женщин⁸⁶.

Возвращение под высоким напряжением

Трудности и препятствия, возникшие на границе весной 1946 г., отражали неизбежность закрытия советских границ на фоне острой напряженности в Польше, особенно в восточных районах страны. Массовое изгнание украинцев, организованное польской армией, происходило в атмосфере беспрецедентного насилия. Кроме того, объявление национального референдума, касающегося, в частности, реформы польской парламентской системы, стало серьезной проблемой в раскладе сил. Надежда жила в лагере сторонников Миколайчика, сгруппированных внутри PSL (Polskie Stronnictwo Ludowe – Польская крестьянская партия), которые, объединяя тех, кто сопротивлялся режиму, все еще искренне думали, что смогут продемонстрировать ориентацию общественного мнения в их пользу во время голосования. Еще до проведения референдума, назначенного на 30 июня, весна в Польше была жаркой, сопровождавшейся многочисленными противостояниями. Большая демонстрация в Кракове, организованная по случаю праздника 3 мая, была настоящим вызовом: под крики «Долой коммунизм, да здравствует Миколайчик» или даже «Долой иудо-коммуну» краковцы маршировали массами и противостояли силам порядка, которые произвели почти тысячу арестов (после этой демонстрации 3 мая как праздничную дату перестали официально отмечать до 1981 г.!) (Mazowiecki 1989)⁸⁷. В этот период бурления, несмотря на армейские подкрепления,

---

⁸² Обращение НКГБ СССР ко всем его территориальным органам от 9 февраля 1946 г. по поводу выезда бывших польских граждан, воспроизведенное в работе (Archiwum Ministerstwa Spraw Wewnętrznych i Administracji RP 2000: 710-712). НКГБ прямо поставил под сомнение работу местных комиссий и Союза польских патриотов.

⁸³ ААН. Ф. 524. Д. 22: 305. «Донесение пункта Рава Русская от 18 марта 1946 г.».

⁸⁴ Воспоминания Anna Klingerowa, воспроизведенные в работе (Związek sybiraków 1990-1993, t. 8:134-135).

⁸⁵ ААН. Ф. 524. Д. 22: 336. «Отчет администрации Луцка от 11 июля 1946 г.»

⁸⁶ ААН. Ф. 524. Д. 22: 353. «Жалоба г-на Бика на имя Коколь от 11 июня 1946 г.»

⁸⁷ Цитируется по работе (Zawadzki 1990).

ширились бандитизм и нападения групп сопротивления. С этой точки зрения поезда и станции представляли собой предпочитаемые цели, будь то грабеж пассажиров, охота на агентов службы безопасности или нападение на евреев. Ибо антисемитизм далеко не исчез в послевоенной Польше, напротив, это бедствие продолжалось и находило выражение не только в общественном мнении, но и во время регулярно засвидетельствованных вспышек кровавого насилия. Евреев было не более 6 тыс. в Кракове, где до войны они составляли общину, насчитывавшую не менее 70 тыс. человек, и тем не менее в августе 1945 г. пережившие Холокост стали жертвами погрома. Его разворачивание (слухи о ритуальных убийствах детей, сбор толпы у синагоги в день шаббата, которая ворвалась в святилище и начала зверское избиение евреев) возобновило многократно проверенный сценарий. Антисемитское варварство вновь разразилось в период референдума. Украинская администрация в Польше сообщила в июне 1946 г., что поезд, следовавший из Лукова в Люблин 13-го числа, подвергся нападению со стороны около 40 вооруженных людей, одетых либо в форму польской армии, либо в форму Красной Армии. Они высадили всех пассажиров, убили нескольких присутствовавших советских солдат и офицеров, приступили к доскональной проверке всех пассажиров, отводя в сторону «работников службы безопасности» и евреев, которых они казнили на перроне, прежде чем ограбить трупы⁸⁸.

Станция была одним из театров печально известного Кельцкого погрома. Там тоже 4 июля евреи были высажены из поезда, убиты металлическими молотками, в то время как в городе уже ходил слух об убийстве ребенка, что повлечет за собой страшную охоту на евреев, принесшую более 40 жертв, не говоря уже о многочисленных раненых. Давний тезис о том, что погром был спровоцирован агентами безопасности, чтобы отвлечь международное внимание от фальсифицированных результатов референдума, не выдерживает тщательного анализа фактов (Gross 2010). Он как раз подчеркивает сильное соучастие армии и местной милиции в зверствах на улицах, а также холодную жестокость местных акторов, которая наблюдалась даже среди медсестер, отвечающих за последующую помощь раненым в госпитале.

Среди многих факторов, лежащих в основе этого антисемитского всплеска, Ян Гросс исследует традиционно приводимые аргументы, такие как живучесть фигуры «иудео-большевизма» или «иудео-коммуны», осужденной демонстрантами в Кракове в мае. Однако центральная, но не исключительная гипотеза, защищаемая историком, касается, скорее, страха, который был вызван присутствием, пусть даже в очень небольших количествах, евреев, страха в отношении будущего собственности, присвоенной местными жителями во время Холокоста, и риска быть вынужденными вернуть имущество выжившим. В поддержку этого тезиса возникает вопрос, какую роль могли сыграть репатрианты с советского востока в разжигании этого коллективного страха. Согласно отчетам центрального НКВД, с начала марта по конец июня 1946 г. с восточных окраин СССР в Польшу было перевезено 190 тыс. человек, из которых не менее 50% были польскими евреями⁸⁹. Подавляющее большинство конвоев через несколько недель после пересечения границ СССР направлялись в Силезию через юго-восточную Польшу. Прохождение поездов с репатриантами, в которых ехало много евреев, возвращавшихся

---

⁸⁸ ЦДАВОУ. Ф. 4959. Оп. 1.1. Д. 33: 70. «Донесение Ромашенко от 15 июня 1946 г.».

⁸⁹ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1400: 118-136. «Донесения начальника центрального отдела милиции НКВД СССР Галкина о порядке очередности репатриаций поляков из СССР».

из Советского Союза, должно было подпитывать ужасающие фантазии одновременно и об иудо-коммуне, и о возвращении бесчисленных еврейских беженцев из СССР, которые отныне будут претендовать на свои дома, предприятия и движимое имущество. Были ли среди еврейских жертв штурмов поездов бывшие депортированные? Подтвердить это нечем, но совпадение невероятной волны антисемитского насилия и великих возвращений из «глубинки СССР» точно не было случайным. На это же указывает и анализ, сделанный через 2 месяца после погрома в Кельце представителем посольства СССР в Польше. Автор Тупицын вспоминал, что в середине 1945 г. после освобождения концентрационных лагерей в Польше находилось от 50 до 60 тыс. евреев. Позже их стало около 200 тыс. в основном за счет репатриации из Советского Союза. По данным Еврейского центрального комитета Польши, из СССР действительно вернулось 150 тыс. евреев. Не упоминая явно причинно-следственной связи, Тупицын лишь уточнил, что погром в Кельце вызвал настоящую панику среди евреев, которые теперь хотели во что бы то ни стало уехать на запад, чтобы вообще покинуть страну⁹⁰.

Относительная синхронность между прибытием в Польшу бывших депортированных и вспышкой антисемитского насилия действительно привела к тому, что многие репатриированные евреи рассматривали свою родину только как место транзита. Как сказал Анри Вельх: «Когда мы увидели все, что происходит в Польше и как обращаются с евреями, мы сразу же решили уехать в Германию»⁹¹. Отъезд в Германию в 1946 г., чтобы спастись от антисемитизма, мог бы показаться очень абсурдным или удивительным, если бы этот рефлекс не транслировал огромный шок, испытанный перед лицом вечной ненависти, проявленной к евреям в родной для них стране. Репатриации с востока не всегда отмечались в Польше как «возвращения евреев», и не случайно: их присутствие в стране часто было лишь временным. Тупицын, ссылаясь на информацию, предоставленную Еврейским центральным комитетом, указал, что от 70 до 80 тыс. евреев уже покинули Польшу через 2 месяца после погрома в Кельце. Они собирались присоединиться к лагерям для перемещенных лиц в американской зоне, в Штутгарте или Мюнхене, покинуть Силезию через Чехословакию или Австрию или даже добраться до Щецина в Померании, чтобы оттуда отправиться в Берлин⁹². С возвращением из депортации великие миграции поляков с востока подходили к концу на трагической ноте.

Как завершились великие переселения?

В середине 1946 г. обозначенное Сталиным требование закрыть внешние границы СССР взяло верх над всеми другими соображениями и официально положило конец пограничным миграциям, и соответственно прекратилась деятельность польских национальных органов, занимавшихся эвакуацией. В сентябре 1946 г. Вольского, великого проводника репатриации поляков, пригласили на заслуженный отдых на Крымскую Ривьеру⁹³. Он разделил эту честь с Болеславом Берутом и Якобом Берманом, но, в отличие от двух партийных лидеров, был всего лишь человеком-винтиком. Символическое место, отведенное для него в Ливадии, еще больше подчеркивало важность миссии, которую он

---

⁹⁰ Нота Посольства СССР в Польше о состоянии еврейского вопроса в стране от 24 сентября 1946 г., воспроизведенная в работе (Волокитина 1999: 340–343).

⁹¹ Интервью с Henri Welch, 2008.

⁹² Нота Посольства СССР в Польше от 24 сентября 1946 г., воспроизведенная в работе (Волокитина 1999: 343).

⁹³ Донесение Круглова Сталину от 10 сентября 1946 г., воспроизведенное в работе (Волокитина 1999: 337).

выполнял и успех которой советские власти теперь приписывали ему. Но какой успех, и с какой целью?

На Украине тысячи поляков все еще находились в движении, и некоторые, запоздало осознав последствия своего упрямого неверия в неизбежное, начали атаковать власти с требованием их перевезти. Теперь им пришлось столкнуться с лабиринтом советской бюрократии от областных администраций Западной Украины до московских, призванных проверить их требования и согласовать их с польским посольством в СССР. На этом длинном пути к нужным документам успехи были разными, но возвращения небольшими группами продолжались по крайней мере до конца 1947 г.⁹⁴

Выезд людей закрыл не все переговоры по возвратам. Культурные ценности по-прежнему были предметом острой напряженности между польскими и украинскими специалистами, будь то сокровища библиотеки «Оссолинеум», одного из самых престижных фондов польской культуры, статуя поэта Адама Мицкевича во Львове, которую поляки требовали напрасно, или имущество католической церкви (Amar 2006).

Как писал Осубка-Моравский в своих «Воспоминаниях»: «С Хрущевым у нас был только один настоящий спор. А именно, что он не хотел отдать нам часть коллекции Оссолинеума и Рацлавицкую панораму⁹⁵. Он считал, что эти негативные картины, иллюстрирующие плохие времена польско-русских отношений, следует скорее уничтожить» (Osóbka-Morawski 1961: 117)⁹⁶. Бывший глава Люблинского правительства и премьер-министр правительства национального единства старался не возвращаться к болезненному генезису двусторонних отношений и репрессиям, перенесенным польской командой на Украине в конце 1944 – начале 1945 г. Но его замечание, каким бы безобидным оно ни казалось, выявляет осадок, оставленный историей деполонизации границ. Среди поляков было стойкое чувство, что у них украли их законное имущество, и это негодование осталось ярким в памяти простых граждан, которые 50 лет спустя всегда и прежде всего вспоминали, что они прибыли голыми, как и в воспоминаниях лидеров, например, Осубка-Моравского, описывающего через 15 лет после событий наиболее важные элементы национального наследия, частично утраченные.

Конечная точка в истории переездов продолжает отодвигаться очередными потрясениями. Прежде всего, это было приведение в порядок пограничного режима и модификация пути между Польшей и СССР, заново актуализировавшие машину перемещений населения и учет электрических столбов и железных дорог, которые иногда приписывались полякам, иногда украинцам⁹⁷. Советский союз потребовал часть приграничной территории, прилегающей к районам Дрогобыча и Львова, где были залежи

---

⁹⁴ См., в частности, сводки о выездах с советской территории за 1947 г. в архивах и работах: ГАРФ. Ф. 9401. ОП. 2. Д. 169: 145; (Schechtman 1962; Ciesielski 1999). В 1947 г. вернулось от 7 до 10 тыс. поляков.

⁹⁵ Рацлавицкая панорама изображает одно из сражений во время восстания Костюшко против русского владычества в 1794 г. Сейчас эта картина находится во Вроцлаве.

⁹⁶ Осубка-Моравский впоследствии писал, что для победы в его деле потребовалось вмешательство Сталина. Рацлавицкая панорама была успешно репатрирована во Вроцлав.

⁹⁷ Установление пограничного режима вызвало частичное обезлюдение периметра границы и привело к перемещению нескольких тысяч украинских и польских дворов, см.: ЦДАВОУУ. Ф. 4959. Оп. 5: 1-2. Соглашения 1951 г. также привели к перемещению примерно 5 тыс. дворов. О деталях этой операции см.: ЦДАВОУУ. Ф. 4959. Оп. 5: 9-13; РГАСПИ. Фонд Молотова. Оп. 82. Д. 1293: 68-134.

нефти, и уступил взамен скромную территорию Карпат, которая впоследствии стала туристической зоной для поляков⁹⁸.

После смерти Сталина и наступления оттепели между двумя сторонами снова стал обсуждаться вопрос о поляках, проживавших в СССР. С 1956 г. в канцеляриях западных республик СССР скопилось несколько сотен тысяч заявлений на выезд. Польско-советское соглашение о поздней репатриации, подписанное в марте 1957 г., привело к отъезду почти 100 тыс. поляков в том же году, более чем через 10 лет после официального прекращения репатриации! (Ruchniewicz 2000)⁹⁹. Большинство этих репатриантов прибыли из Литвы и Белоруссии.

Взаимообмен меньшинствами между Польшей и Украиной считался успешным, но прежде всего в отношении хода операций на новых прилегающих советских территориях. В ноябре 1946 г. посол СССР в Варшаве принял Якоба Бермана за несколько дней до подписания двустороннего акта, санкционирующего прекращение перемещения меньшинств по обе стороны новой границы. Он предложил польскому правительству придать этому событию широкую огласку. Берман, утверждая, что он проникся этой идеей, ответил, что ему кажется невозможным предать гласности успех польско-советского предприятия, пока не будет завершена эвакуация поляков из Литвы и Белоруссии¹⁰⁰. На этих двух территориях, входивших между войнами в состав Польши, в конце войны не было никакого обмена населением. Очень мало белорусов присоединились к своей титульной республике, и ни один литовец не присоединился к своей. С другой стороны, многие поляки хотели уехать, но по окончании эвакуации более 300 тыс. из них все еще удерживались под предлогом, в частности, что они не представили достаточных доказательств своей этнической принадлежности¹⁰¹. Москва открыто не вмешивалась, чтобы разблокировать споры, несмотря на неоднократные и настойчивые просьбы Варшавы. В 1944-1945 гг. приходилось использовать угрозы и насилие, чтобы убедить поляков покинуть Украину. В самом конце операции насилие над меньшинством в Литве и в Белоруссии заключалось в том, чтобы сообщить им об их возможном пленении на советской территории. В истории великих отъездов поляков с окраин, таким образом, вырисовываются 2 противоположных памятных образа: вынужденного выселения, с одной стороны, и с другой – предписания жить на родной земле, ставшей советской. Эти противоречивые образы, несомненно, объясняют очень слабое значение следов истории перемещений поляков с востока в мемориальном дискурсе современной Польши.

---

⁹⁸ Польско-советское соглашение об изменении линии границы от 15 февраля 1951 г., воспроизведенное в сборнике (МИД 1957: 152-157).

⁹⁹ Подробнее о более широком контексте этой волны возвращения см. работу (Weiner 2006).

¹⁰⁰ Протокол беседы Яковлева с Берманом от 13 ноября 1946 г., воспроизведенный в работе (Волокитина 1999: 371-372).

¹⁰¹ См. отчет о репатриации из Литвы, подготовленный польской делегацией в декабре 1946 г., опубликованный Э. Колодзей (Kołodziej 1997), а также работу (Ciesielski 1999).

Архивные источники

ГАРФ - Государственный архив Российской Федерации

РГАСПИ - Российский государственный архив социально-политической истории.

ЦДАГОУ - Центральний державний архів громадських об'єднань України (Центральный государственный архив общественных объединений Украины)

ЦДАВОУУ - Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины)

AAN Archiwum Akt Nowych (Архив новых актов, Польша).

HIA Hoover Institution Library & Archives (Библиотека и архив Гуверовского института).

Archiwum Ministerstwa Spraw Wewnętrznych i Administracji RP (Архив Министерства внутренних дел и администрации Республики Польша)

Państwowe Archiwum Służby Bezpieczeństwa Ukrainy (Государственный архив Службы безопасности Украины).

Литература

Волокитина Т.В. (Ред.) (1999). Советский фактор в Восточной Европе: 1944–1953 гг.: документы, т.1: 1944–1948 гг. Москва: РОССПЭН.

Вохменцева Н.В. (2015). Поляки в Горном Алтае в 30-50-е годы XX века в документах и фактах. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*, 3(9), 62-67.

Гурьянов А.Э. (1997). Польские спецпереселенцы в СССР в 1940-1941 гг. В *Репрессии против поляков и польских граждан. Вып. 1* (с.с. 114–136). М.: Звенья.

Жаронь П. (2002). Депортация польского населения в Сибирь (1940–1941) и репатриация на родину (1945–1949). В А. Кучиньски, П. Романов (Ред), *Сибирь в истории и культуре польского народа. Конгресс поляков в России* (с.с. 376-384). Вроцлавский университет, центр восточных исследований; пер. с пол. Москва: НИЦ "Ладомир".

Земсков В.Н. (1990). К вопросу о репатриации советских граждан 1944–1951 гг. *История СССР*, 4, 26-41.

Земсков В.Н. (2005). *Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960*. Москва: Наука.

Клейн-Гусефф К. (2013). Возвращение на родину: переселение польского меньшинства из Западной Украины и «репатриация» бывших польских граждан из Центральной Азии (1944-1946). В Н.Н. Аблажей, А. Блюм (Ред.). *Миграционные последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы: сборник научных статей. Вып. 2* (с.с. 79-85). Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. Новосибирск: Наука.

МИД (1957). Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Выпуск XIV. Москва.

Полян П.М. (2001) Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ.

- Сливка Ю. (Ред.). (1996-1999). *Депортації. Західні землі України: кінець 30-х-початок 50-х рр. Документи, матеріали, спогади*. У 3 т., т. 1 (1939-1945 рр.), т. 2 (1946-1947 рр.). Львів: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України.
- Тольц М.С. (2015). Автор термина «перемещенные лица»: Евгений Михайлович Кулишер (1881-1956). *ДемоскопWeekly*, 655-656.
<http://demoscope.ru/weekly/2015/0655/nauka05.php>
- Чевардин А. (2013). Репатриация польских граждан из Свердловской области в 1944–1946 гг. *Europa Orientalis. (Studia z dziejów Europy Wschodniej i Państw Bałtyckich)*, 4, 71-80.
<http://dx.doi.org/10.12775/EO.2013.005>
- Amar T. (2006). *The making of Soviet Lviv, 1939-1963*. (PhD Dissertation). Princeton University.
- Archiwum Ministerstwa Spraw Wewnętrznych i Administracji RP, Państwowe Archiwum Służby Bezpieczeństwa Ukrainy (2000). *Polska i Ukraina w latach Tysiących-c zterdziestych XX Wieku*, T. II. Przesiedlenia Polaków i Ukraińców 1944-1946. Warszawa-Kijów.
- Basiński E., Adalińskiej H. (Eds.) (1974). *Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich*. T. VIII, styczeń 1944 grudzień 1945. Warszawa: Książka i Wiedza.
- Belina Y. (1992). Ucieczka z kopalni. In *Związek Sybiraków, Zarząd Główny komisja historyczna* (p. 27). *Wspomnienia Sybiraków*, 6. Warszawa: Pomost.
- Boeckh K. (2007). *Stalinismus in der Ukraine. Die Rekonstruktion des sowjetischen Systems nach dem Zweiten Weltkrieg*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Ciesielski S. (1999). *Przesiedlenie ludności polskiej z kresów wschodnich do Polski 1944-1947*. Warszawa: Neriton Pan.
- Ciesielski S., Materski W., Paczkowski A. (2000). *Represje sowieckie wobec Polaków i Obywateli polskich*. Warszawa: Karta.
- Czerniakiewicz J., Czerniakiewicz M. (2007). *Przesiedlenia z Wchodu, 1944-1959*. Warszawa: TWP.
- Dagerman S. (1980). *Automne allemand*. Arles: Actes Sud.
- Douglas R.M. (2012). *Les expulsés*. Paris: Flammarion.
- Frank M. (2007). *Expelling the Germans: British Public Opinion and Post-1945 Population Transfer in Context*. Oxford: Oxford University Press.
- Gatrell P. (1999). *A Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I*. Bloomington: Indiana University Press.
- Głowacki A. (1994a). O deportacji osadników wojskowych w głąb ZSSR (w świetle materiałów NKWD). *Studia*, 2, 111-143.
- Głowacki A. (1994b). Ocalić i repatriować. Opieka nad ludnością polską w głębi terytorium ZSRR (1943-1946). Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego.
- Głowacki A. (1998). *Sowieci wobec Polaków na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej 1939-1941*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego.
- Gousseff C. (2003). «Kto náš, kto ne náš» Théorie et pratiques de la citoyenneté à l'égard des populations conquises. Le cas des Polonais en URSS, 1939-1946. *Cahiers du monde russe*, 44(2-3), 519-558. <https://doi.org/10.4000/monderusse.8621>

- Gousseff C. (2007). Des migrations de sortie de guerre qui reconfigurent la frontière: ouverture et refermeture de l'URSS avant la Guerre froide. In S. Coeuré, S. Dullin (Ed.), *Frontières du communisme. Mythologies et réalités et de la division de l'Europe de la Révolution d'Octobre au mur de Berlin* (pp. 428-442). Paris: La Découverte.
- Gross J.T. (2002). *Revolution from Abroad. The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia*. Princeton-Oxford: Princeton University Press.
- Gross J.T. (2010). *La peur. L'antisémitisme en Pologne après Auschwitz*. Paris: Calmann-Lévy.
- Gross J.T., Grudzińska-Gross (1990). *W czterdziestym nas matko na Sybir zesłali. Polska a Rosja 1939-1942*. Warszawa: Res Publica.
- Grynberg H. (1994). *La guerre des Juifs*. Paris: Balland.
- Hirsch H. (1998). *Die Rache der Opfer. Deutsche in polnischen Lagern 1944-1950*. Berlin: Rowohlt Berlin.
- Hryciuk G. (2000). *Polacy w Lwowie 1939-1944. Życie codzienne*. Warszawa: Książka i Wiedza.
- Instytut Pamięci Narodowej, Ministerstwo Spraw Wewnętrznych i Administracji RP, Federalna Służba Bezpieczeństwa Federacji Rosyjskiej (2003). *Deportacje obywateli polskich z Zachodniej Ukrainy i Zachodniej Białorusi w 1940 roku*. Warszawa - Moskwa.
- Instytut Studiów Politycznych PAN. (1992). *Katyń. Dokumenty ludobójstwa: dokumenty i materiały archiwalne przekazane Polsce 14 października 1992 r.* Warszawa.
- Jolluck K.R. (2002). *Exile and Identity. Polish Women in the Soviet Union during World War II*. Pittsburgh: Pittsburgh University Press.
- Karski J. (2010). *Mon témoignage devant le monde. Histoire d'un État clan- destin*. Paris: Robert Laffont.
- Kersten K. (1974). *Repatriacja ludności polskiej po II wojnie światowej*. Wrocław: Studium historyczne.
- Kołodziej E. (1997). Sprawozdania Głównego Pełnomocnika Rządu RP do spraw Ewakuacji Ludności Polskiej z Litewskiej SSR w Wilnie z przebiegu zbiorowej repatriacji w latach 1945-1947. *Teki Archiwalne (seria nowa)*, 2(24),167-172.
- Kowalska E. (1998). *Przeżyć aby wrócić. Polscy zesłancy lat 1940-1941 w ZSRR i ich losy do roku 1946*. Warszawa: Neriton, Instytut historii PAN.
- Kozak M., Pyszkowski A., Szewczyk R. (2000). *Słownik Rozwoju Regionalnego*. Warszawa: Agencja Wydaw. MakPrint.
- Kulischer E. (1948). *Europe on the move. War and population changes, 1917-1947*. New York: Columbia University Press.
- Lanckorońska K. (2002). *Wspomnienia wojenne*. Cracovie: Znak.
- Madajczyk Cz. (1991). Niemieckie dokumenty o sytuacji Polaków pod okupacją radziecką w roku 1940. *Dzieje najnowsze*, XXIII (3).
- Mazowiecki W. (1989). *Wydarzenia 3 Maja 1946*. Paris.
- Morgenstern S. (1998). *Le fils prodigue*. Paris: Liana Levi.
- Morgenstern S. (2000). *Idylle en exil*. Paris: Liana Levi.

- Morgenstern S. (2001). *Le testament du fils prodigue*. Paris: Liana Levi.
- Nitschke B. (2004). Wyszalenie czy wypędzenie? Ludność niemiecka w Polsce w latach 1945-1949. Toruń: Adam Marszałek.
- Osóbka-Morawski E. (1961). Papers. In *Hoover Institution Library & Archives. E. Osóbka-Morawski papers, box 1. Materiały do historii Polski Ludowej (wspomnienia, uwagi, cytaty i materiał przyczynkowy)*. Warszawa.
- Ruchniewicz M. (2000). *Repatriacja ludności polskiej z ZSRR w latach 1955-1959*. Warszawa: Oficyna Wydawnictwo Volumen.
- Schechtman J. (1962). *Postwar Population Transfers in Europe 1945-1955*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Snyder T. (2003). *The Reconstruction of Nations. Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus 1569-1999*. New Haven-London: Yale University Press.
- Sword K. (1996). *Deportation and Exile. Poles in the Soviet Union, 1939-1948*. London: Macmillan.
- Ther Ph. (1998). Deutsche und polnische Vertriebene. Gesellschaft und Vertriebenenpolitik in der SBZ/DDR und in Polen, 1945-1956. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Thum G. (2006). *Obce miasto Wrocław 1945 i potem*. Wrocław: Via nova.
- Vardy S.B., Tooley T.H. (Eds.) (2003). *Ethnic Cleansing in Twentieth-Century Europe*. New York: Columbia University Press.
- Wat A. (1989). *Mon siècle. Confession d'un intellectuel européen*. Paris: L'Âge d'Homme.
- Weiner A. (2006). The Empires Pay a Visit: Gulag Returnees, East European Rebellions, and Soviet Frontier Politics. *The Journal of Modern History*, 78 (June), 333-376.
- Zawadzki P. (1990). Le 1er ou le 3 mai? Un chassé-croisé commémoratif. In A. Brossat, S. Combe, J.-Y. Potel, J.-C. Szurek (Dir.), *À l'Est, la mémoire retrouvée* (pp. 342-364). Paris: La Découverte.
- Zayas (de) A.M. (1989). *Nemesis at Potsdam. The Expulsion of the Germans from the East*. Lincoln-London: University of Nebraska Press.
- Związek Sybiraków, Zarząd Główny komisja historyczna (1990-1993). *Wspomnienia Sybiraków*, t. 1-9. Warszawa: Pomost.

**Оценка достоверности
результатов переписи населения
2019 года в Белоруссии на
основе анализа изменений в
этнолингвистическом составе
населения**

Александр Сергеевич Соколов
(alsokol@tut.by), Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины, Белоруссия.

**Assessment of reliability of
results of the 2019 Belarus
population census based on
an analysis of changes in the
ethnolinguistic composition
of population**

Aleksandr S. Sokolov
(alsokol@tut.by), F. Skorina Gomel State
University, Belarus.

Резюме: В статье рассматривается динамика этнолингвистического состава населения Белоруссии в период между переписями 2009 и 2019 г. Показано, что для ряда показателей (численность населения отдельных национальностей по регионам, доля белорусского, русского и этнических языков как родных и языков домашнего общения) наблюдается аномальная динамика, выражающаяся, в первую очередь, в разнонаправленных и разномасштабных изменениях данных показателей в различных регионах, чего не наблюдалось при предыдущих переписях, аномально резком росте доли белорусского языка и некоторых других характеристик в отдельных регионах, проявлении ряда особенностей почти исключительно в пределах административных границ отдельных областей. Анализ комплекса аномальных результатов переписи населения 2019 г. позволяет предположить, что данные результаты являются следствием искажений, осуществлённых с целью получения политически желаемых результатов: несмотря на очень резкую и противоположную по регионам динамику различных показателей, изменения в масштабе всей страны оказались очень незначительными по сравнению с 2009 г. и соответствующими идеологическим установкам – на небольшую величину повысились доли населения, назвавшего как родным, так и домашним языком и русский, и белорусский, как среди всего населения в целом, так среди населения основных национальностей. Таким образом, официальные результаты переписи позволили сохранить символический статус белорусского языка как элемента этноконсолидации и национальной идентификации, хотя фактически показатели использования белорусского языка продолжают выраженную с 1999 г. тенденцию к снижению, и большинство населения считает родным и домашним русский язык.

Ключевые слова: Белоруссия, русский язык, белорусский язык, родной язык, язык домашнего общения, русские, белорусы, поляки, украинцы, татары, евреи, литовцы, перепись населения 2019 г.

Для цитирования: Соколов А. С. (2022). Оценка достоверности результатов переписи населения 2019 года в Белоруссии на основе анализа изменений в этнолингвистическом составе населения. Демографическое обозрение, 9(4), 61-103. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16744>

Abstract: The article examines the dynamics of the ethnolinguistic composition of the population of Belarus in the period between the 2009 and 2019 censuses. It is shown that for a number of indicators (the population of certain nationalities by region, the share of Belarusian, Russian and ethnic languages as mother and home languages) there is an anomalous dynamics, which is expressed, first of all, in multidirectional and non-uniformly scaled changes in these indicators in different regions, which was not observed in previous censuses, an abnormally sharp increase in the share of the Belarusian language and some other characteristics in certain regions, the manifestation of a number of features almost exclusively within the administrative boundaries of certain regions. As a result, analysis of the complex of anomalous results of 2019 population census suggests that these results are the result of distortion carried out in order to obtain politically desired results: despite the very sharp and opposite dynamics of various indicators across the regions, changes on a national scale turned out to be very insignificant compared to 2009 and corresponding to ideological attitudes - the shares of both Russian and Belarusian languages, both native and home languages, increased by a small amount general population and major nationalities. Thus, the official results of the census made it possible to preserve the symbolic status of the Belarusian language as an element of ethno-consolidation and national identification, although in fact the indicators of the use of the Belarusian language continue the downward trend expressed since 1999, and the majority of the population considers Russian as their native and home language.

Keywords: *Belarus, Russian language, Belarusian language, mother tongue, home language, Russians, Belarusians, Poles, Ukrainians, Tatars, Jews, Lithuanians, 2019 population census.*

For citation: Sokolov A. (2022). *Assessment of reliability of results of the 2019 Belarus population census based on an analysis of changes in the ethnolinguistic composition of population.* Demographic Review, 9(4), 61-103. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16744>

Введение

Значение переписей населения и их результатов всегда, особенно на советском и постсоветском пространстве, выходило далеко за рамки простого отображения демографической реальности и инструмента сугубо научного анализа демографических процессов и их прогнозирования. Как указывают В.Н. Ракачев, А.А. Халафян (2012: 150), «проблема полноты и достоверности статистических данных существовала всегда, безотносительно к историческому периоду, политическому режиму... Уникальность нашей страны проявляется в том, что на протяжении нескольких десятилетий демографическая статистика рассматривалась как важный идеологический инструмент, способный оказать влияние на сознание масс... Различного рода статистические приписки имели место на самых различных уровнях: от рядового бухгалтера и счетовода до таких масштабных акций, как Всесоюзные переписи населения».

Данные об этнической и лингвистической структуре населения привлекают к себе повышенный общественно-политический интерес в новых постсоветских независимых государствах, так как они призваны в том числе отражать успехи в укреплении «национального самосознания» и максимальном дистанцировании от «российского влияния», главным маркером чего считается сокращение распространения русского языка.

Опубликование итоговых данных переписи населения Белоруссии 2019 г. дало нам основание высказать предположения о намеренном искажении ряда её результатов (Соколов 2021; Манаков, Соколов, Суворков 2022), в частности, о завышении доли белорусского языка как родного и домашнего и, соответственно, занижении доли русского языка.

Таблица 1. Доля отдельных национальностей в общей численности населения Белоруссии и регионов (по данным переписи 2019 г.), %

Национальность	Белоруссия	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	г. Минск	Минская область	Могилёвская область
Белорусы	84,89	86,92	82,32	87,23	68,29	86,86	88,55	89,35
Русские	7,51	7,26	12,16	7,83	6,38	7,34	5,87	6,07
Поляки	3,06	1,10	0,86	0,19	21,73	0,96	1,07	0,21
Украинцы	1,70	2,79	1,58	1,81	1,05	1,72	1,45	1,19
Евреи	0,15	0,07	0,14	0,14	0,09	0,28	0,10	0,12
Татары	0,09	0,06	0,09	0,07	0,13	0,11	0,08	0,08
Литовцы	0,06	0,03	0,08	0,03	0,21	0,03	0,03	0,02

Источник: (Белстат 2020).

Настоящая статья призвана продолжить исследования в данном направлении, выявить и систематизировать показатели, которые могли стать результатом намеренных искажений. В статье рассматриваются данные об этнолингвистической структуре населения. Объектом исследования являются 5 крупнейших национальностей (белорусы, русские, поляки, украинцы, евреи), а также 2 национальности, исторически длительно проживающие на территории Белоруссии (татары, литовцы). Доля указанных

национальностей в общей численности населения Белоруссии и её регионов приведена в таблице 1.

В соответствии с Конституцией и Законом «О языках в Республике Беларусь» государственными языками в стране являются белорусский и русский, которым обеспечивается всестороннее развитие и функционирование во всех сферах общественной жизни. Кроме того, гражданам гарантируется право пользоваться их национальными языками.

Постановка проблемы

Всего в независимой Белоруссии было проведено 3 переписи – в 1999, 2009 и 2019 г. Результаты последней переписи 2019 г. оказались весьма парадоксальными:

- впервые за всё время проведения переписей для большого количества показателей, характеризующих этническую и лингвистическую структуру, в различных регионах наблюдалась противоположная динамика;
- ряд явлений проявлялся почти исключительно в пределах административных границ отдельных областей;
- очень резкие изменения в одну сторону отдельных показателей в одном или двух регионах обеспечивали изменение в ту же сторону этих показателей в целом по республике, несмотря на то, что во всех других регионах эти изменения были направлены в противоположную сторону;
- существенные различия в направлении и величине изменений языковых показателей по отдельным регионам и национальностям сопровождаются незначительным изменением этих показателей в разрезе всей республики в целом;
- некоторые показатели демонстрировали огромный рост (на сотни и тысячи процентов) при отсутствии предпосылок и факторов, способных обеспечить столь значительные изменения и др.

В итоге все перечисленные особенности переписи 2019 г., отсутствовавшие при предыдущих переписях, обеспечили для Белоруссии в целом такие результаты по вопросам, имеющим повышенный общественный интерес, которые можно назвать идеальными с политической точки зрения:

- для обоих государственных языков (русского и белорусского) зафиксирован рост доли населения, указавшего их как родными, так и языками домашнего общения;
- увеличение доли и русского, и белорусского языков как родных, так и домашних, отмечено для всех основных национальностей – белорусов, русских, украинцев;
- при уменьшении численности всего населения увеличилось абсолютное число белорусов;
- не допущено снижения доли белорусского языка как родного ниже 50%, а также превышения значения доли русского языка как родного над долей белорусского языка, несмотря на выраженную в 1999-2009 гг. тенденцию снижения доли белорусского языка как родного и домашнего (таблица 2), проявившуюся во всех регионах Белоруссии.

Таблица 2. Изменение доли русского и белорусского языков как родных и как языков домашнего общения по данным переписей 1999-2019 гг., %

Язык	1999	2009	Изменение доли в 1999-2009 гг.	2019	Изменение доли в 2009-2019 гг.
Всё население					
Русский как родной	24,1	41,5	+17,4	42,3	+0,8
Белорусский как родной	73,7	53,2	-20,5	54,1	+0,9
Русский как домашний	36,7	70,2	+33,5	71,4	+1,2
Белорусский как домашний	62,8	23,4	-39,4	26,0	+2,6
Белорусы					
Русский как родной	14,3	37,0	+22,7	38,1	+1,1
Белорусский как родной	85,6	60,8	-24,8	61,2	+0,4
Русский как домашний	58,6	69,8	+11,2	71,0	+1,2
Белорусский как домашний	41,3	26,1	-15,2	28,5	+2,4

Источники: (Белстат 2020; Минстат 2001: 150).

Такие политически идеальные результаты позволяют на их основании делать утверждения об отсутствии как русификации, так и дерусификации, о сохранении статуса белорусского языка как важной ценности для белорусского народа, о равенстве государственных языков при небольшом символическом приоритете белорусского как «титulyного» и «национального», исключают возможность использования результатов переписи для пропаганды как со стороны националистических, так и со стороны условно «антинационалистических» политических сил.

Однако, по нашему мнению, основывающемся на анализе результатов переписи по отдельным национальностям и по разным уровням административного деления, такой результат стал возможным лишь благодаря целенаправленному административному воздействию на данные переписи с целью получения политически «удобного» итога.

Многими исследователями подчёркивается, что русский язык в Белоруссии доминирует как средство коммуникации, в то время как белорусский выполняет преимущественно символическую и этноконсолидирующую функции (Мечковская 2003: 10; Горицкая 2021: 61, 233). Снижение доли белорусского языка как родного ниже аналогичной доли русского языка среди всего населения поставило бы под сомнение даже его символическую функцию в обществе, а среди белорусов по национальности – его роль элемента национальной идентификации.

Перепись 2019 г. пришлась на период так называемой «мягкой белорусизации» (Горицкая 2021: 15; Бахлова, Бахлов 2020: 745; Линченко, Беляева 2020: 105; Шимов 2020: 69; Анарбек 2019: 109) – комплекса мер по повышению символического статуса белорусского языка и расширению его присутствия в общественной жизни, но без открытых ограничений в отношении русского. Основной целью этой политики было подчёркивание самобытности белорусского общества и его принципиальных отличий от российского, в том числе путём продвижения соответствующих нарративов и символов. А перепись, как указывает ряд авторов (Шимов 2020: 69; Горицкая 2021: 17), является не только средством отображения существующей ситуации, но и инструментом конструирования социальной, в частности социолингвистической, реальности и может отражать идеологические установки и запросы государства, отдельных его институтов и даже отдельных переписчиков. В этом отношении официальные результаты переписи показали полное соответствие идеологическим запросам данного периода.

Изменение численности и лингвистической структуры белорусов и русских

Коренные национальности Белоруссии – белорусы и русские – отличаются от остальных тем, что их родными и домашними языками являются почти исключительно белорусский и русский. У остальных национальностей в лингвистической структуре появляется третий компонент – этнический язык.

Таблица 3. Изменение доли белорусского языка как родного для населения Белоруссии и отдельных национальностей, 2009-2019, %

Национальности и год переписи		Белоруссия	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	г. Минск	Минская	Могилёвская	σ*	Me**
Всё население	2009	53,2	53,7	52,5	54,6	59,2	35,2	69,4	55,1	9,4	54,6
	2019	54,1	77,0	45,3	47,0	54,5	48,7	59,5	46,1	10,5	48,7
	+/-	+0,9	+23,3	-7,2	-7,6	-4,7	+13,5	-9,9	-9,0		
Белорусы	2009	60,8	59,6	60,6	61,3	68,8	43,5	76,7	61,6	9,4	61,3
	2019	61,2	86,2	53,9	53,5	61,4	55,2	66,2	51,3	11,3	55,2
	+/-	+0,4	+26,6	-6,7	-7,8	-7,4	+11,7	-10,5	-10,3		
Русские	2009	2,8	2,6	2,8	2,5	4,9	2,0	3,1	2,6	0,9	2,6
	2019	2,9	11,3	1,0	1,0	3,0	1,3	2,2	1,5	3,4	1,5
	+/-	+0,1	+8,7	-1,8	-1,5	-1,9	-0,7	-0,9	-1,1		
Поляки	2009	58,2	55,2	55,6	43,9	58,0	40,9	81,3	33,6	14,4	55,2
	2019	54,5	43,8	43,7	45,7	56,1	43,2	65,1	43,0	8,0	43,8
	+/-	-3,7	-11,4	-11,9	+1,8	-1,9	+2,3	-16,2	+9,4		
Украинцы	2009	7,9	7,9	5,8	9,1	11,2	5,4	8,8	7,5	1,8	7,9
	2019	8,2	23,3	13,6	2,3	3,9	0,8	2,0	1,7	7,9	2,3
	+/-	+0,3	+15,4	+7,8	-6,8	-7,3	-4,6	-6,8	-5,8		
Евреи	2009	9,1	11,6	8,7	11,2	8,6	6,8	16,9	9,7	3,0	9,7
	2019	11,5	27,6	36,0	18,4	3,3	4,6	3,7	4,0	12,5	4,6
	+/-	+2,4	+16,0	+27,3	+7,2	-5,3	-2,2	-13,2	-5,7		
Татары	2009	19,3	7,7	13,6	2,4	43,0	12,9	22,0	3,0	13,1	12,9
	2019	21,2	36,7	46,6	30,7	33,8	6,2	8,4	0,8	16,5	30,7
	+/-	+1,9	+29,0	+33,0	+28,3	-9,2	-6,7	-13,6	-2,2		
Литовцы	2009	25,8	15,8	11,9	13,3	33,1	32,8	17,6	3,0	10,3	15,8
	2019	46,1	51,3	62,0	61,3	42,1	36,3	34,8	0,8	19,4	42,1
	+/-	+20,3	+35,5	+50,1	+48,0	+9,0	+3,5	+17,2	-2,2		

Примечание: * – стандартное отклонение; ** – медиана.

Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

Изменения доли белорусского и русского языков как родных и как домашних с 2009 по 2019 г. чётко связано с административным делением. В таблицах 3-8 представлены данные, показывающие изменения доли русского, белорусского и этнических языков для населения Белоруссии и отдельных национальностей по регионам. Среди белорусов увеличение доли белорусского языка как родного, причём весьма существенное, зафиксировано только в Брестской области и г. Минске, т. е. в регионах, где эта доля в 2009 г. была самая низкая (таблица 3). Для белорусского языка как домашнего (таблица 6) ситуация аналогична – рост доли населения зафиксирован только в двух регионах – Могилёвской области и г. Минске, где также в 2009 г. данный показатель был самым низким среди всех регионов. Таким образом, в Брестской области произошло резкое максимальное среди всех регионов увеличение доли белорусского языка как

родного с одновременным также максимальным из всех регионов снижением его доли как домашнего; в Могилёвской области – наоборот, доля белорусов, назвавших белорусский язык родным, снизилась и в 2019 г. стала минимальной из всех регионов, а домашним – повысилась. В г. Минске выросли оба показателя, причём доля белорусов, назвавших белорусский язык домашним, увеличилась в 5,5 раза и стала сопоставимой с долей этого показателя в Гродненской и Минской областях, традиционно отличающихся повышенной долей белорусского языка и как родного, и как домашнего.

Таблица 4. Изменение доли русского языка как родного для населения Белоруссии и отдельных национальностей, 2009-2019, %

Национальности и год переписи		Белоруссия	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	г. Минск	Минская	Могилёвская	σ	Me
Всё население	2009	41,5	42,6	44,2	41,8	36,1	52,6	27,4	41,9	7,1	41,9
	2019	42,3	20,1	51,6	50,0	41,7	48,6	37,3	46,6	10,2	46,6
	+/-	+0,8	-22,5	+7,4	+8,2	+5,6	-4,0	+9,9	+4,7		
Белорусы	2009	37,0	38,8	38,4	36,8	29,5	51,4	21,7	37,2	8,4	37,2
	2019	38,1	13,5	46,0	46,3	38,5	44,6	33,7	44,4	10,9	44,4
	+/-	+1,1	-25,3	+7,6	+9,5	+9,0	-6,8	+12,0	+7,2		
Русские	2009	96,3	96,7	96,7	96,7	94,3	96,4	96,2	96,8	0,8	96,7
	2019	96,8	88,1	98,4	98,5	96,6	98,5	97,7	98,3	3,5	98,3
	+/-	+0,5	-8,6	+1,7	+1,8	+2,3	+2,1	+1,5	+1,5		
Поляки	2009	33,9	37,7	32,5	46,8	34,1	47,4	15,0	56,1	12,3	37,7
	2019	38,5	49,5	45,4	43,2	37,0	50,2	29,0	44,9	6,9	44,9
	+/-	+4,6	+11,8	+12,9	-3,6	+2,9	+2,8	+14,0	-11,2		
Украинцы	2009	61,2	51,5	66,7	62,5	64,0	67,9	60,8	65,0	5,1	64
	2019	62,4	41,4	63,9	71,2	69,0	83,1	68,7	31,2	16,9	68,7
	+/-	+1,2	-10,1	-2,8	+8,7	+5,0	+15,2	+7,9	-33,8		
Евреи	2009	86,1	81,4	87,9	83,9	86,6	88,0	77,7	85,5	3,5	85,5
	2019	83,6	38,3	62,2	79,9	95,2	93,6	91,7	87,2	19,4	87,2
	+/-	-2,5	-43,1	-25,7	-4,0	+8,6	+5,6	+14,0	+1,7		
Татары	2009	63,8	73,5	67,5	75,8	48,5	67,8	61,7	69,9	8,4	67,8
	2019	62,0	46,8	34,2	54,9	56,0	80,9	72,9	63,1	14,5	56,0
	+/-	-1,8	-26,7	-33,3	-20,9	+7,5	+13,1	+11,2	-6,8		
Литовцы	2009	39,3	51,5	48,6	55,0	28,6	22,4	48,9	69,9	14,9	48,9
	2019	34,7	31,8	26,5	26,0	36,0	21,1	41,8	63,1	13,1	31,8
	+/-	-4,6	-19,7	-22,1	-29,0	+7,4	-1,3	-7,1	-6,8		

Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

Как можно видеть в таблице 3, для доли белорусского языка как родного для всего населения в целом и всех крупнейших национальностей в 2019 г. наблюдается значительное уменьшение медианы значений этого показателя по областям, тогда как для Белоруссии в целом почти для всех национальностей эта доля увеличивается. В результате, если в 2009 г. медианное значение приблизительно соответствовало значению для страны в целом (а также среднему арифметическому по регионам значению), то в 2019 г. оно стало намного ниже. Также почти для всех национальностей увеличивается показатель стандартного отклонения, характеризующий степень рассеивания значений относительно среднего.

Таблица 5. Изменение доли этнических языков как родных для населения Белоруссии и отдельных национальностей, 2009-2019, %

Национальности и год переписи		Белоруссия	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	г. Минск	Минская	Могилёвская	б	Ме
Поляки	2009	5,4	5,6	10,7	5,7	5,2	6,3	2,8	6,9	2,2	5,7
	2019	6,7	6,4	10,5	9,0	6,6	6,0	5,0	6,9	1,8	6,6
	+/-	+1,3	+0,8	-0,2	+3,3	+1,4	-0,3	+2,2	0,0		
Украинцы	2009	29,2	39,3	26,5	26,7	23,4	23,8	28,7	26,2	5,0	26,5
	2019	29,1	35,2	21,8	26,3	26,9	15,9	28,8	66,3	15,2	26,9
	+/-	-0,1	-4,1	-4,7	-0,4	+3,5	-7,9	+0,1	+40,1		
Евреи	2009	1,9	2,5	1,6	1,7	2,8	1,8	2,3	2,5	0,4	2,3
	2019	3,2	32,6	0,6	0,7	0,2	1,2	0,8	2,3	11,1	0,8
	+/-	+1,3	+30,1	-1,0	-1,0	-2,6	-0,6	-1,5	-0,2		
Татары	2009	14,5	16,8	16,9	18,8	6,5	15,3	14,7	25,5	5,2	16,8
	2019	13,8	14,9	17,2	13,6	9,0	11,9	13,0	23,5	4,3	13,6
	+/-	-0,7	-1,9	+0,3	-5,2	+2,5	-3,4	-1,7	-2,0		
Литовцы	2009	31,4	28,2	36,1	28,8	35,6	39,9	30,0	25,5	4,8	30,0
	2019	17,2	14,9	10,1	11,3	19,9	41,6	19,5	23,5	9,8	19,5
	+/-	-14,2	-13,3	-26,0	-17,5	-15,7	+1,7	-10,5	-2,0		

Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

На рисунке 1 показана динамика доли белорусов, назвавших белорусский язык родным в 1979-2019 гг. и домашним в 1999-2019 гг. (вопрос о домашнем языке впервые появился только в программе переписи 1999 г.). Видно, что вплоть до 2009 г. изменения этих показателей по регионам были в целом синхронными. При этом в г. Минске рассматриваемые показатели для белорусского языка всегда были значительно меньше, чем в других регионах, даже в 1999 г., когда на волне форсированной белорусизации первых лет независимости доля белорусского языка во всех регионах несколько увеличилась. В 2019 г. впервые изменения в различных регионах стали разнонаправленными, причём доля белорусского языка увеличилась очень резко именно в тех регионах, которые никогда не отличались её высокими значениями.

Таблица 6. Изменение доли белорусского языка как домашнего для населения Белоруссии и отдельных национальностей, 2009-2019, %

Национальности и год переписи		Белоруссия	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	г. Минск	Минская	Могилёвская	б*	Ме**
Всё население	2009	23,4	26,7	22,4	22,7	35,1	5,8	38,9	19,6	10,0	22,7
	2019	26,0	16,2	12,6	14,5	37,9	34,1	37,4	25,1	10,3	25,1
	+/-	+2,6	-10,5	-9,8	-8,2	+2,8	+28,3	-1,5	+5,5		
Белорусы	2009	26,1	29,4	25,4	25,3	38,4	7,0	42,5	21,8	10,7	25,4
	2019	28,5	16,6	14,7	16,4	39,4	38,5	41,3	27,9	11,1	27,9
	+/-	+2,4	-12,8	-10,7	-8,9	+1,0	+31,5	-1,2	+6,1		
Русские	2009	2,1	1,8	2,5	1,8	4,4	0,6	3,3	1,9	1,1	1,9
	2019	2,5	11,1	0,9	0,7	2,4	0,7	2,1	1,1	3,5	1,1
	+/-	+0,4	+9,3	-1,6	-1,1	-2,0	+0,1	-1,2	-0,8		
Поляки	2009	40,9	36,9	48,2	23,7	40,7	12,5	67,9	12,5	18,6	36,9
	2019	46,0	28,7	37,4	40,2	48,9	26,2	53,4	31,8	9,5	37,4
	+/-	+5,1	-8,2	-10,8	+16,5	+8,2	+13,7	-14,5	+19,3		

Национальности и год переписи		Белоруссия	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	г. Минск	Минская	Могилёвская	б*	Ме**
Украинцы	2009	6,1	7,8	4,8	6,5	9,2	1,5	8,3	4,5	2,5	6,5
	2019	6,4	20,2	1,8	2,8	5,6	0,8	3,1	1,6	6,3	2,8
	+/-	+0,3	+12,4	-3,0	-3,7	-3,6	-0,7	-5,2	-2,9		
Евреи	2009	2,0	2,3	1,7	2,5	3,7	1,3	4,6	2,1	1,1	2,3
	2019	2,1	6,6	1,2	1,0	1,3	2,2	2,1	1,9	1,8	1,9
	+/-	+0,1	+4,3	-0,5	-1,5	-2,4	+0,9	-2,5	-0,2		
Татары	2009	13,9	17,8	3,6	2,6	8,1	2,8	7,2	1,5	5,2	3,6
	2019	13,0	29,8	0,6	0,6	3,5	0,4	6,8	0,4	10,0	0,6
	+/-	-0,9	+12,0	-3,0	-2,0	-4,6	-2,4	-0,4	-1,1		
Литовцы	2009	24,4	11,0	13,5	6,3	38,1	18,8	16,2	10,3	9,7	13,5
	2019	26,5	28,2	23,2	21,6	27,3	29,4	26,8	29,0	2,8	27,3
	+/-	+2,1	+17,2	+9,7	+15,3	-10,8	+10,6	+10,6	+18,7		

Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

Таблица 7. Изменение доли русского языка как домашнего для населения Белоруссии и отдельных национальностей, 2009-2019, %

Национальности и год переписи		Белоруссия	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	г. Минск	Минская	Могилёвская	б	Ме
Всё население	2009	70,2	70,1	73,2	72,0	56,5	82,1	56,0	76,5	9,1	72,0
	2019	71,4	81,9	85,0	83,3	60,1	64,0	60,1	68,2	10,4	68,2
	+/-	+1,2	+11,8	+11,8	+11,3	+3,6	-18,1	+4,1	-8,3		
Белорусы	2009	69,8	68,4	71,7	70,1	54,3	87,3	53,2	75,4	11,0	70,1
	2019	71,0	83,2	85,3	83,6	60,5	61,5	58,6	67,7	11,2	67,7
	+/-	+1,2	+14,8	+13,6	+13,5	+6,2	-25,8	+5,4	-7,7		
Русские	2009	96,5	97,4	96,4	96,7	93,3	97,9	95,2	97,1	1,5	96,7
	2019	97,2	88,8	99,1	99,3	97,5	99,3	97,9	96,1	3,5	97,9
	+/-	+0,7	-8,6	+2,7	+2,6	+4,2	+1,4	+2,7	-1,0		
Поляки	2009	50,9	59,6	46,3	71,4	50,0	79,8	29,2	84,0	18,3	59,6
	2019	52,4	68,9	60,6	58,2	49,7	71,3	44,5	60,9	8,9	60,6
	+/-	+1,5	+9,3	+14,3	-13,2	-0,3	-8,5	+15,3	-23,1		
Украинцы	2009	88,4	82,8	91,6	88,6	85,9	94,6	87,2	92,4	3,8	88,6
	2019	89,1	67,9	97,3	95,2	92,4	98,0	94,9	91,3	9,7	94,9
	+/-	+0,7	-14,9	+5,7	+6,6	+6,5	+3,4	+7,7	-1,1		
Евреи	2009	95,9	93,9	96,7	95,3	94,2	96,4	94,3	96,6	1,1	95,3
	2019	96,6	92,9	98,5	98,4	98,5	97,2	97,9	87,8	3,8	97,9
	+/-	+0,7	-1,0	+1,8	+3,1	+4,3	+0,8	+3,6	-8,8		
Татары	2009	83,5	92,4	86	95,7	63,3	92,6	80,3	96,6	10,9	92,4
	2019	85,5	64,3	72,7	99,2	71,6	97,1	92,9	85,7	12,8	85,7
	+/-	+2,0	-28,1	-13,3	+3,5	+8,3	+4,5	+12,6	-10,9		
Литовцы	2009	65,5	87,3	82,5	89,3	45,1	72,9	80,7	82,8	14,0	82,5
	2019	68,1	48,2	76,6	78,1	66,6	68,5	71,0	62,0	9,3	68,5
	+/-	+2,6	-39,1	-5,9	-11,2	+21,5	-4,4	-9,7	-20,8		

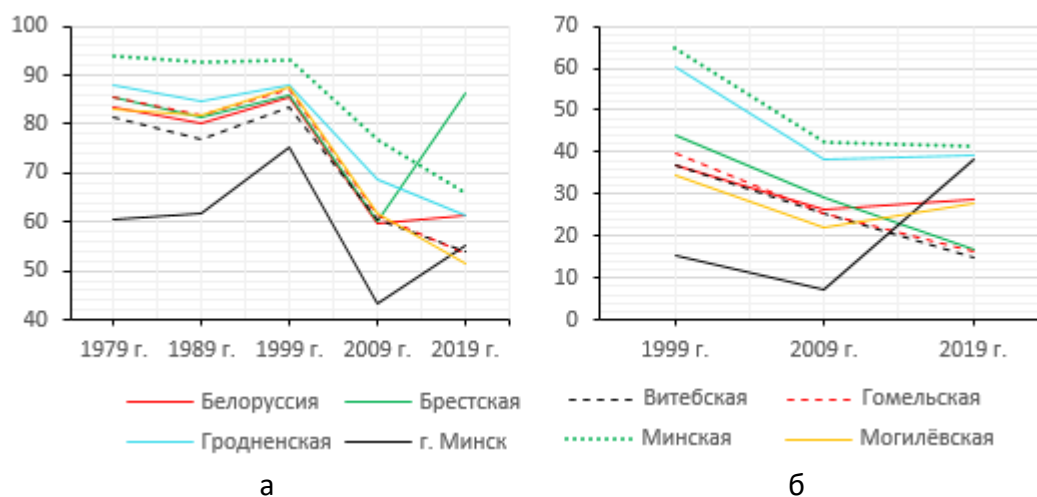
Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

Таблица 8. Изменение доли этнических языков как домашних для населения Белоруссии и отдельных национальностей, 2009-2019, %

Национальности и год переписи		Белоруссия	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	г. Минск	Минская	Могилёвская	б	Ме
Поляки	2009	1,3	3,2	6,3	2,6	3,3	4,7	0,5	3,2	1,7	3,2
	2019	1,2	7,8	5,3	2,5	2,4	4,8	1,4	1,8	2,2	2,5
	+/-	-0,1	+4,6	-1,0	-0,1	-0,9	+0,1	+0,9	-1,4		
Украинцы	2009	3,5	7,7	2,1	2,6	1,8	1,6	2,4	2,0	2,0	2,1
	2019	4,0	11,8	0,9	2,0	2,1	1,1	2,0	1,3	3,6	2,0
	+/-	+0,5	+4,1	-1,2	-0,6	+0,3	-0,5	-0,4	-0,7		
Евреи	2009	0,8	0,7	0,1	0,3	0,9	0,2	0,3	0,5	0,3	0,3
	2019	0,5	0,4	0,1	0,2	0,1	0,3	0,0	0,1	0,1	0,1
	+/-	-0,3	-0,3	0,0	-0,1	-0,8	+0,1	-0,3	-0,4		
Татары	2009	0,5	0,1	0,1	1,0	0,6	0,1	0,8	1,4	0,5	0,6
	2019	0,7	0,1	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1	6,5	2,2	0,1
	+/-	+0,2	0,0	-0,1	-0,9	-0,5	0,0	-0,7	+5,1		
Литовцы	2009	5,4	0,6	1,6	0,4	10,9	1,9	0,8	2,6	3,4	1,6
	2019	4,6	22,4	0,2	0,3	5,4	2,1	0,6	2,0	7,4	2,0
	+/-	-0,8	+21,8	-1,4	-0,1	-5,5	+0,2	-0,2	-0,6		

Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

Рисунок 1. Динамика доли белорусов, назвавших белорусский язык родным (а) и домашним (б), %

Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

Вместе с тем множество социологических исследований рисуют совершенно иную картину распространения белорусского языка в этих регионах. Так, исследование, проведённое одновременно с переписью населения в ноябре 2019 г., показало, что в Могилёвской области доля населения, использующего в быту белорусский язык, не превышает 3% (Хамутовская 2021: 208). Причём в данном исследовании, как и в переписи, предлагалось выбрать только один язык и отсутствовали такие варианты, как «два языка», «трасянка» и др., наличием которых в социологических опросах зачастую

объясняют существенные расхождения между результатами переписи (где такие варианты отсутствуют) и социологических опросов.

Также результаты многочисленных исследований (Хентшель, Киттель 2011: 69; Хентшель 2017: 232) утверждают, что в крупных городах роль белорусского языка меньше, чем в целом по стране, а в г. Минск доля людей, пользующихся им, минимальна. В любом случае не было ни одного исследования, зафиксировавшего хоть какое-то увеличение использования белорусского языка населением г. Минска вплоть до появления результатов переписи 2019 г., согласно которым белорусский язык назвало домашним более трети населения (34,1% против 5,8% в 2009 г.), т. е. намного больше, чем в любом другом крупном городе Белоруссии.

Довольно любопытно проанализировать доли назвавших белорусский язык родным и домашним среди населения, не указавшего национальность в переписном листе (таблица 9). Эти доли во всех регионах заметно снижаются, и только в г. Минске они возрастают многократно, особенно доля белорусского языка как домашнего, которая увеличилась почти в 200 раз (с 0,1 до 19,3%), при значении в других областях не более 0,5%.

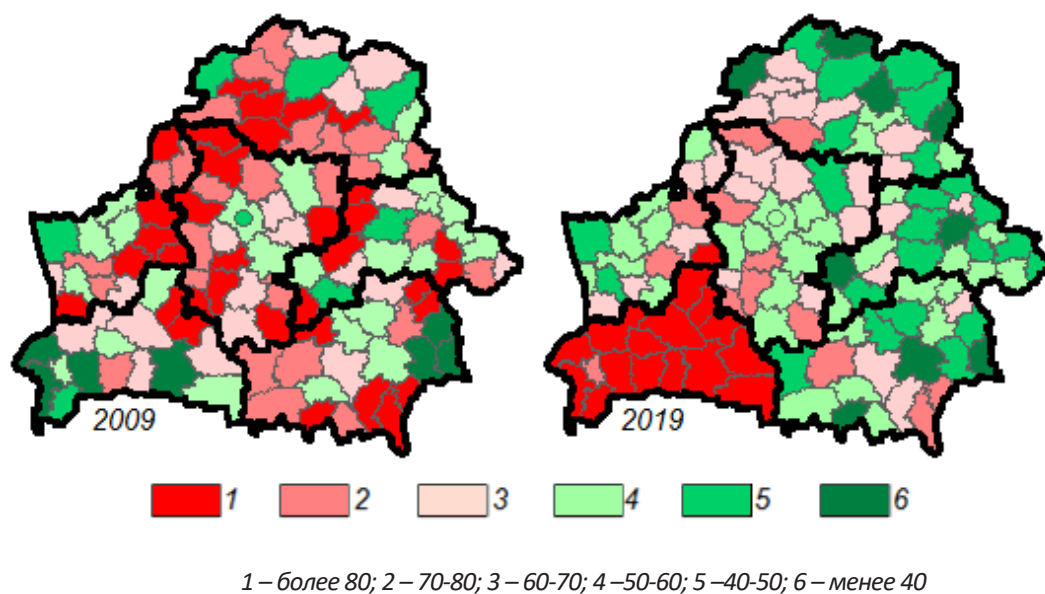
Таблица 9. Белорусский язык как родной и домашний для лиц, не указавших национальность в переписном листе

	Численность лиц, не указавших национальность, чел.		Доля лиц, назвавших белорусский язык родным, %		Доля лиц, назвавших белорусский язык разговорным, %	
	2009	2019	2009	2019	2009	2019
Брестская обл.	12 883	18 233	4,5	1,2	2,1	0,3
Витебская обл.	21 040	24 315	3,1	0,6	1,4	0,2
Гомельская обл.	13 292	29 494	3,9	1,4	1,7	0,4
Гродненская	14 078	16 248	5,0	1,5	2,6	0,4
г. Минск	134 047	38 810	0,6	4,4	0,1	19,3
Минская обл.	16 058	34 591	6,3	2,2	4,7	0,5
Могилёвская	15 131	26 063	2,7	2,1	1,0	0,5
Белоруссия	226 529	187 754	2,1	2,2	1,0	4,3

Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

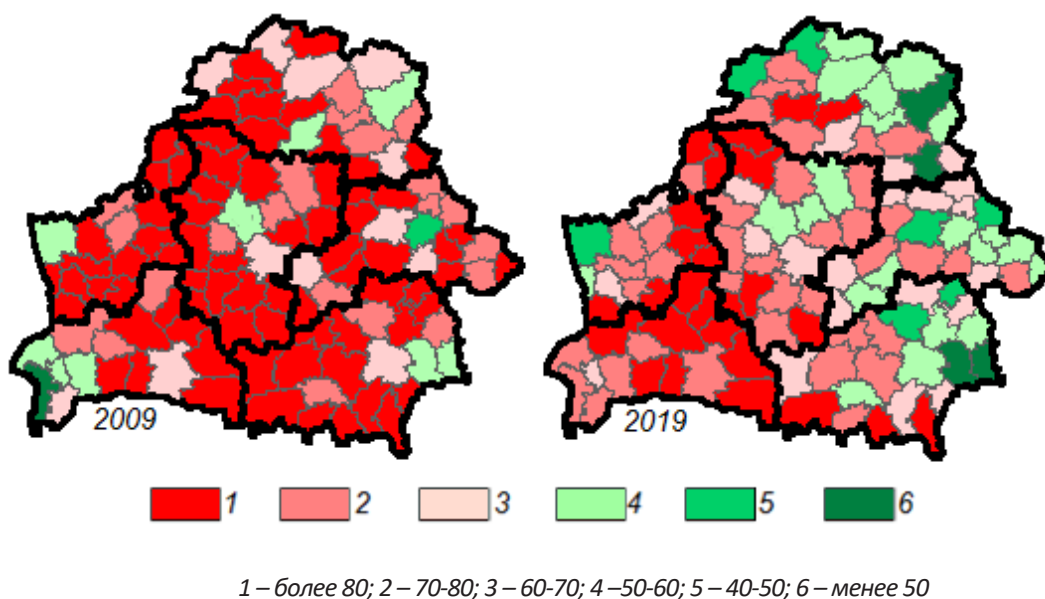
Если рассмотреть изменение доли белорусского языка как родного для белорусов в разрезе административных районов и типов местности (рисунки 2-4), то заметна чёткая локализация высоких значений данного показателя в 2019 г. и его возрастание в 2009-2019 гг. в административных границах Брестской области как для городского, так и для сельского населения. Из 16 районов Брестской области только в двух для городского населения и в трёх для сельского не произошло увеличение доли белорусского языка как родного на величину свыше 5%. Из всех остальных районов страны, наоборот, такое увеличение произошло лишь в 4 из 102 районов.

Рисунок 2. Доля белорусов, назвавших белорусский язык родным (городское население), 2009 и 2019, %

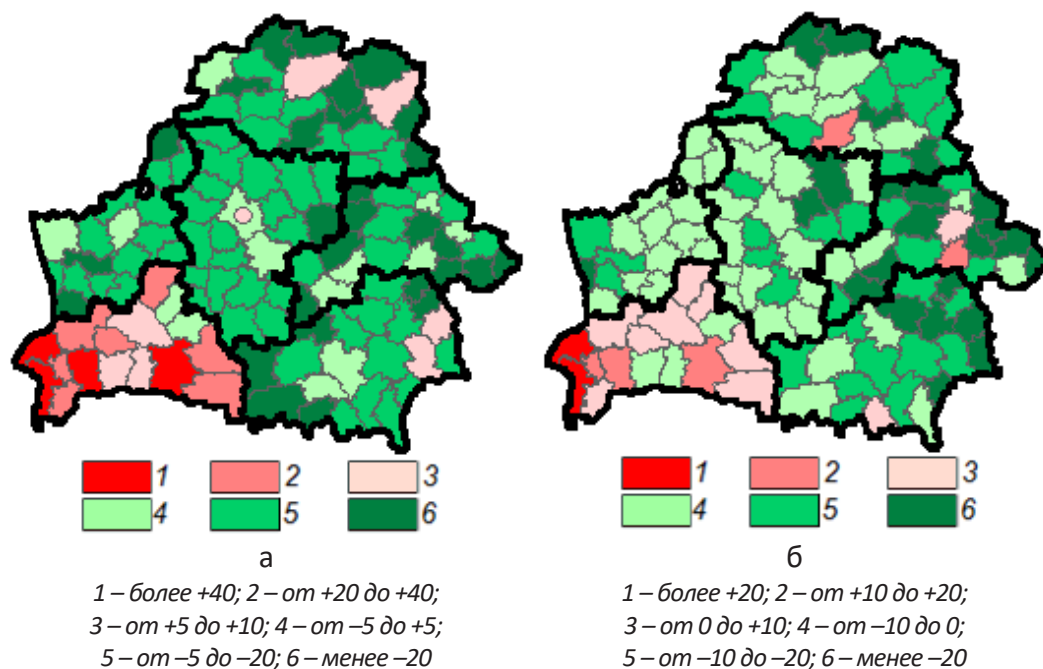
Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

Рисунок 3. Доля белорусов, назвавших белорусский язык родным (сельское население), 2009 и 2019, %

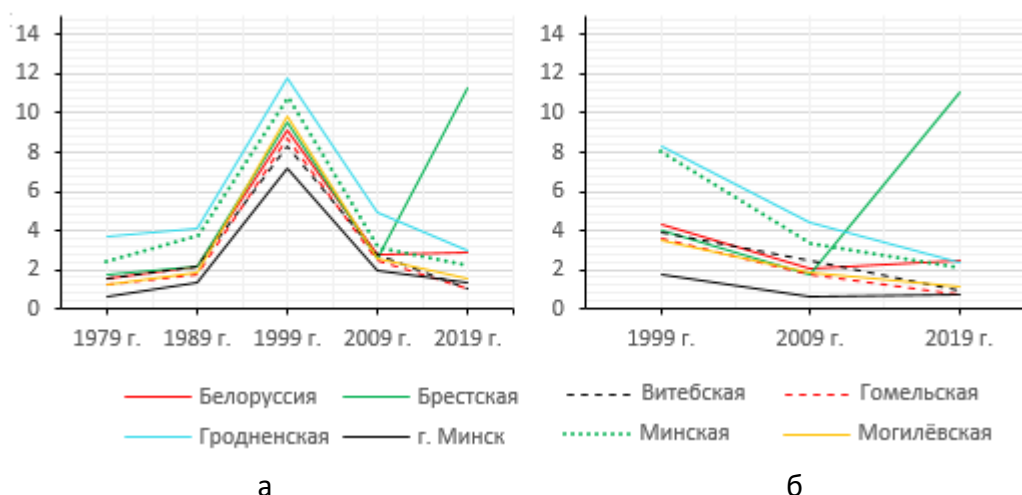
Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

Рисунок 4. Изменение доли белорусов, назвавших белорусский язык родным, среди городского (а) и сельского (б) населения, 2009-2019, %

Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

Рисунок 5. Динамика доли русских, назвавших белорусский язык родным (а) и домашним (б)

Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

Для русских повышение доли белорусского языка и как родного, и как домашнего, отмечено только в Брестской области. При этом наблюдается достаточно интересная ситуация, когда в Брестской области среди белорусов доля населения, назвавшего белорусский язык домашним, в 2009-2019 гг. снизилась на самую большую среди всех регионов величину – 12,8%, а среди русских она повысилась в 6,2 раза. В областном центре – городе Брест – эти величины ещё более значительны: доля русских, указавших белорусский родным языком, увеличилась с 1,5 до 14,1%, а домашним – с 0,3 до 22,9%. Результаты анализа динамики данных показателей за несколько десятилетий (рисунок 5)

также показывают, что до 2019 г. ни в одном регионе никаких резких и противоположных по направлению другим регионам изменений не наблюдалось.

Таблица 10. Доля белорусского языка как родного и домашнего для русских с различным уровнем образования, %

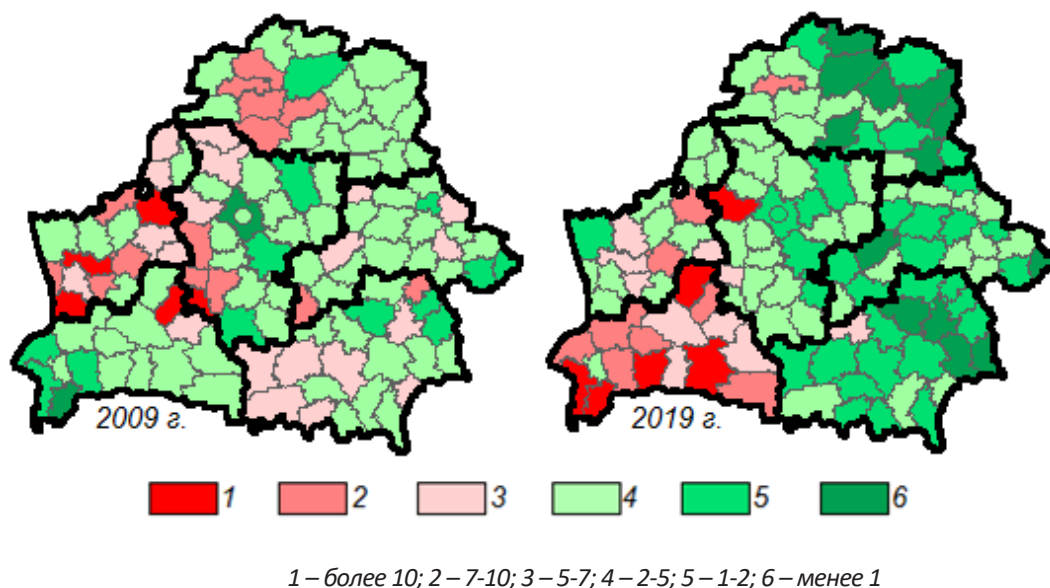
Уровень образования	Регион							
	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	г. Минск	Минская	Могилёвская	Белоруссия
Родной язык								
Начальное	2,7	2,6	1,9	9,3	0,9	3,6	2,3	3,1
Общее базовое	9,1	2,0	1,4	4,9	1,8	3,1	2,4	3,4
Общее среднее	6,8	1,6	1,7	4,6	1,4	1,7	1,0	2,3
Профессионально-техническое	2,3	1,5	0,8	2,2	0,8	2,4	2,0	1,5
Среднее специальное	8,4	1,0	1,0	3,3	1,7	2,7	1,9	2,6
Высшее и послевузовское	13,8	0,6	0,8	2,1	1,2	1,6	1,2	3,1
Домашний язык								
Начальное	4,4	3,2	2,5	9,5	1,6	6,5	2,6	4,2
Общее базовое	10,6	2,5	1,6	5,0	1,0	3,9	3,0	3,9
Общее среднее	4,9	1,9	1,3	4,4	0,5	1,9	1,2	2,0
Профессионально-техническое	2,2	1,7	0,6	2,2	0,5	2,9	1,5	1,4
Среднее специальное	8,4	0,8	0,5	2,5	0,8	2,5	1,3	2,2
Высшее и послевузовское	11,6	0,4	0,5	1,3	0,7	1,2	0,6	2,4

Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

Аномальный рост доли русских с родным и домашним белорусским языком отражается и на других характеристиках. Например, данные переписи 2019 г. о распределении русского населения с родным и домашним белорусским языком по уровням образования в регионах Белоруссии (таблица 10) показывают гигантскую разницу по этому показателю между Брестской областью и остальными регионами, особенно для населения с высшим образованием. Причём, если во всех остальных регионах доли лиц, назвавших белорусский язык родным и домашним, среди людей с высшим образованием в основном ниже, чем с любым другим уровнем образования, то для Брестской области наоборот.

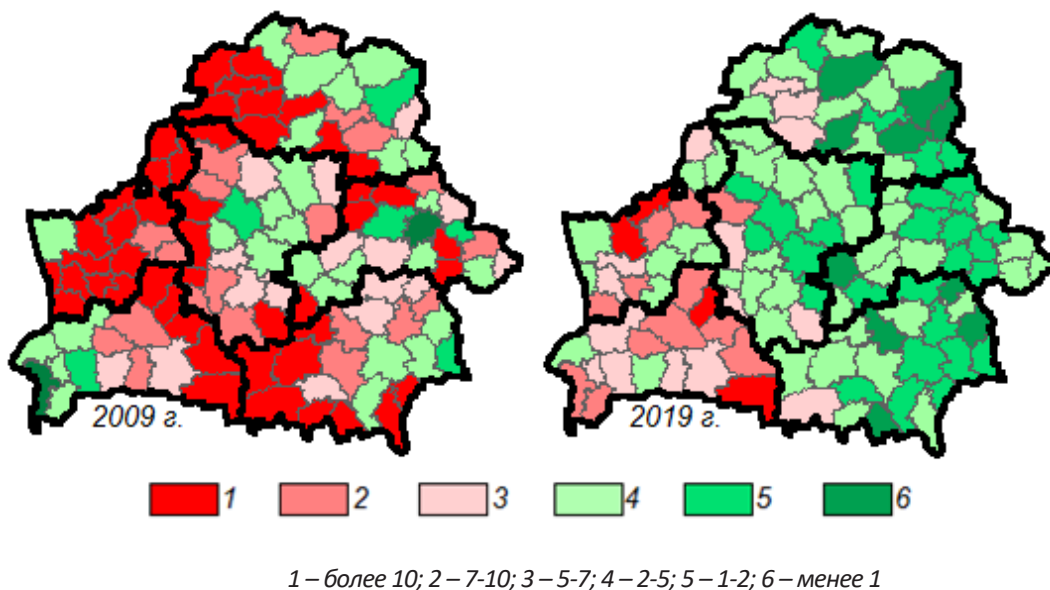
В разрезе административных районов и типов местности (рисунки 6-8) ситуация с долей белорусского языка как родного и её динамикой в 2009-2019 гг. среди русских в целом схожа с ситуацией среди белорусов: увеличение этой доли охватывает почти все административные районы Брестской области при почти полном отсутствии районов с её ростом за пределами Брестской области.

Рисунок 6. Доля русских, назвавших белорусский язык родным (городское население), 2009 и 2019, %

Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

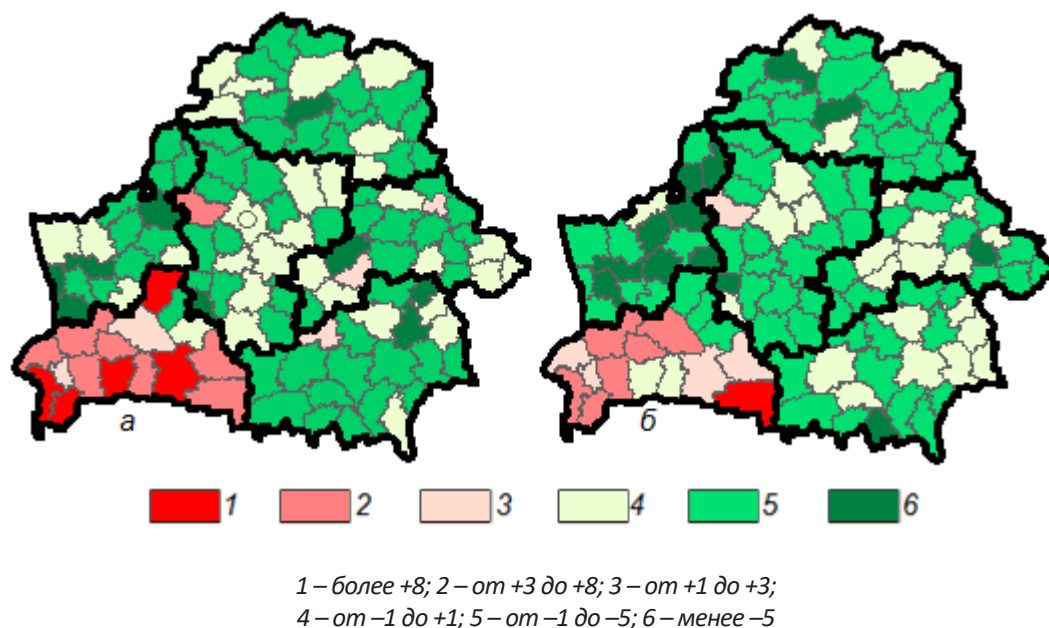
Рисунок 7. Доля русских, назвавших белорусский язык родным (сельское население), 2009 и 2019, %

Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

Рисунок 8. Изменение доли русских, назвавших белорусский язык родным, среди городского (а) и сельского (б) населения, 2009-2019, %

Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

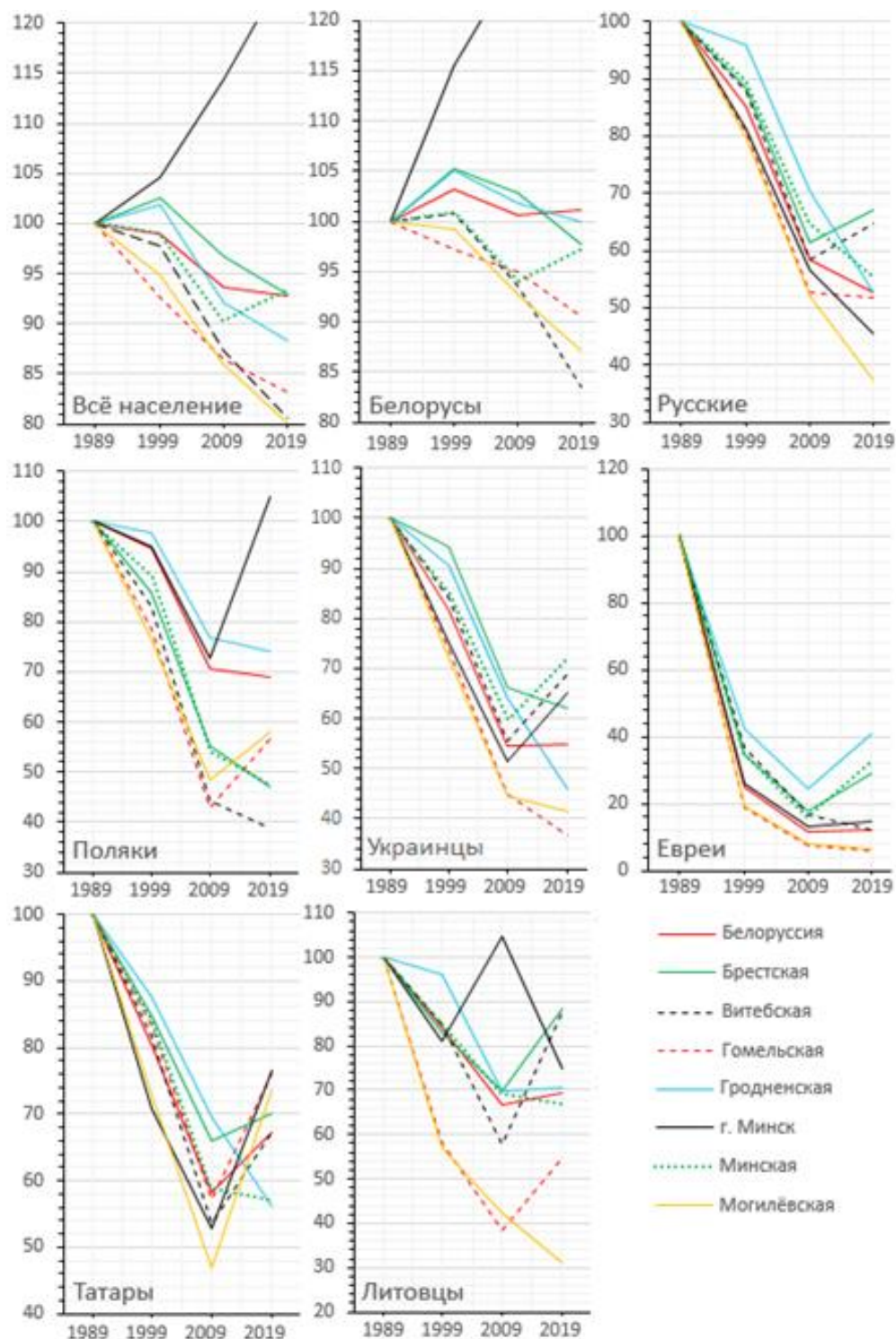
В конечном итоге именно рассмотренные аномальные изменения в некоторых регионах (1-2 региона для каждого показателя) и обеспечили рост доли белорусского языка и как родного, и как домашнего для всего населения Белоруссии в целом, а также для белорусского и русского населения, в частности.

Показательны изменения численности русского и белорусского населения регионов и числа назвавших белорусский язык родным и домашним (рисунок 9; таблица 11).

Как видно на рисунке 9, последняя перепись впервые показала весьма разнонаправленные изменения численности населения рассматриваемых национальностей по регионам по сравнению с предыдущими переписями, показывавшими в значительной степени синхронные изменения.

Так, например, численность населения русских, непрерывно и значительно снижавшаяся во всех регионах, в 2019 г. неожиданно возросла в Брестской и Витебской областях при том, что в обеих этих областях общая численность населения, а также численность белорусов снизилась. В Витебской области к тому же величина снижения численности белорусского населения и всего населения в целом оказалась максимальной из всех регионов и такой же максимальной оказалась величина увеличения численности русских. С другой стороны, в г. Минске возросла численность населения всех крупных национальностей, за исключением русских, где она заметно снизилась, хотя именно в Минске доля русских относительно всего русского населения в Белоруссии максимальная – более 20%. При этом отсутствуют объективные факторы, способные объяснить рост численности русского населения в Брестской и Витебской областях при снижении в них общей численности населения и при значительном снижении абсолютной численности русских в других регионах.

Рисунок 9. Базисные коэффициенты прироста населения отдельных национальностей по Белоруссии и её регионам, 1999-2019, % относительно уровня 1989 г.

Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

Среди белорусов существенный рост численности населения зафиксирован в г. Минске, именно он обеспечивает небольшой прирост населения белорусской национальности в целом по стране. Именно для Минска самый большой прирост

численности населения сопровождается самым большим приростом назвавших белорусский язык родным и домашним (таблица 11). Для русских прирост численности населения сопровождается ростом численности назвавших белорусский язык родным и домашним только в Брестской области, для Витебской ситуация противоположна.

Традиционно рост численности населения в г. Минске объясняется миграцией, так как для Минска всегда наблюдались самые низкие показатели воспроизводства населения среди всех регионов, к тому же непрерывно уменьшающиеся с 2014 г. Тем не менее именно в Минске между переписями 2009 и 2019 г. зафиксирован наибольший абсолютный прирост населения белорусов моложе трудоспособного возраста среди всех регионов (38,4% против 5,2% для всех остальных регионов в целом) и одно из самых высоких значений увеличения его доли среди всего населения. Если сравнивать с динамикой этого показателя между переписями 1999 и 2009 г., то для Минска в 2009 г. изменение численности белорусов моложе трудоспособного возраста составило –22,8%, что было несколько выше среднереспубликанского значения (–26,2%) и соответствовало показателям для других регионов (от –22,2 до –31,4%, а в целом для всех регионов, кроме г. Минска –26,8%). После переписи, в 2020 и 2021 г. население Минска, согласно текущему учёту, уже последовательно уменьшалось.

Для русских разница в приросте населения моложе трудоспособного возраста по регионам различается кардинально: максимальное значение в Брестской области +76,9%, также очень высокие числа в Витебской и Гомельской областях. В остальных областях этот показатель падает на десятки процентов. Между переписями 1999 и 2009 г. такая разница между регионами, как и для белорусов, отсутствовала, значение данного показателя составляло от –64,3% в г. Минске до –71,6% в Гомельской области.

Коэффициент детности (отношение детей в возрасте 0-9 лет к числу женщин репродуктивного возраста соответствующей национальности) в Брестской и Гомельской областях увеличился более чем в 2 раза, в Витебской области он также заметно выше среднереспубликанского уровня (таблица 12).

Исходя из рассмотренных показателей и их динамики, можно сделать предположение о существовании связи между аномальными изменениями языковых характеристик и аномальным увеличением численности населения, особенно в группе моложе трудоспособного возраста. Так в Минске, лидирующем по приросту населения белорусов в данной группе, аномально высокий и прирост численности назвавших белорусский язык родным и домашним. Могилёвская область, где увеличение доли населения белорусов моложе трудоспособного возраста в 2009-2019 гг. самое высокое среди всех регионов Белоруссии, а общий прирост численности населения – один из самых низких, показывает аномальный прирост численности населения, указавшего белорусский язык домашним. В Брестской области, где для русского населения зафиксирован прирост численности населения моложе трудоспособного возраста, намного превышающий данный показатель в других регионах, одновременно зафиксирован и аномальный прирост численности русских, назвавших белорусский язык родным и домашним. Такие же закономерности зафиксированы и для других национальностей, что будет показано ниже.

Таблица 11. Изменение численности населения, а также численности назвавших белорусский язык родным и домашним среди белорусского и русского населения регионов Белоруссии

Области и г. Минск	Численность			В том числе моложе трудоспособного			Белорусский родной			Белорусский домашний		
	2009	2019	+/-, %	2009	2019	+/-, %	2009	2019	+/-, %	2009	2019	+/-, %
Белорусы												
Брестская	1 233 385	1 171 835	-5,0	235 059	241 747	+2,8	735 662	1 009 981	+37,3	362 320	195 083	-46,2
Витебская	1 047 979	934 925	-10,8	167 269	158 930	-5,0	634 931	504 027	-20,6	266 235	136 977	-48,6
Гомельская	1 271 022	1 211 234	-4,7	224 750	238 530	+6,1	778 740	648 302	-16,7	321 295	198 394	-38,3
Гродненская	715 251	701 190	-2,0	130 172	142 392	+9,4	492 182	430 443	-12,5	274 547	276 472	+0,7
г. Минск	1 455 875	1 753 122	+20,4	228 127	315 667	+38,4	633 119	968 556	+53,0	102 212	674 762	+560,2
Минская	1 258 672	1 302 780	+3,5	215 324	247 400	+14,9	965 908	862 223	-10,7	534 560	538 146	+0,7
Могилёвская	975 148	915 633	-6,1	165 641	168 575	+1,8	600 845	469 607	-21,8	212 735	255 409	+20,1
Русские												
Брестская	89 685	97 936	+9,2	7 019	12 418	+76,9	2 299	11 107	+383,1	1 610	10 831	+572,7
Витебская	124 958	138 075	+10,5	9 079	14 452	+59,2	3 462	1 324	-61,8	3 084	1 196	-61,2
Гомельская	111 085	108 712	-2,1	7 583	10 508	+38,6	2 751	1 137	-58,7	2 025	729	-64,0
Гродненская	87 451	65 550	-25,0	9 013	6 565	-27,2	4 291	1 980	-53,9	3 847	1 576	-59,0
г. Минск	184 070	148 079	-19,6	11 849	10 180	-14,1	3 700	1 905	-48,5	1 123	963	-14,2
Минская	101 579	86 408	-14,9	7 051	6 316	-10,4	3 172	1 863	-41,3	3 314	1 787	-46,1
Могилёвская	86 256	62 232	-27,9	6 556	4 248	-35,2	2 281	940	-58,8	1 650	699	-57,6

Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

Таблица 12. Изменение коэффициента детности по регионам и национальностям

Регион		Всё население	Белорусы	Русские	Поляки	Украинцы	Евреи	Татары	Литовцы
Белоруссия	2009	0,38	0,40	0,18	0,29	0,08	0,24	0,14	0,20
	2019	0,49	0,51	0,29	0,47	0,25	1,50	0,42	0,30
Брестская область	2009	0,43	0,46	0,18	0,19	0,09	0,30	0,10	0,06
	2019	0,56	0,58	0,37	0,36	0,22	3,97	0,40	0,22
Витебская область	2009	0,35	0,38	0,17	0,16	0,06	0,21	0,07	0,10
	2019	0,45	0,47	0,32	0,30	0,41	0,97	0,37	0,13
Гомельская область	2009	0,39	0,42	0,15	0,07	0,06	0,20	0,07	0,14
	2019	0,51	0,54	0,30	0,38	0,18	1,25	0,45	0,24
Гродненская область	2009	0,39	0,44	0,26	0,32	0,10	0,43	0,26	0,26
	2019	0,55	0,58	0,36	0,50	0,26	2,87	0,45	0,34
г. Минск	2009	0,32	0,34	0,17	0,14	0,06	0,24	0,16	0,22
	2019	0,42	0,44	0,23	0,36	0,26	1,20	0,39	0,41
Минская область	2009	0,40	0,42	0,16	0,18	0,08	0,20	0,10	0,17
	2019	0,52	0,54	0,24	0,33	0,28	3,57	0,42	0,42
Могилёвская область	2009	0,38	0,40	0,18	0,10	0,06	0,29	0,06	0,14
	2019	0,49	0,51	0,23	0,38	0,28	0,95	0,55	0,51

Примечание: Выделены случаи увеличения показателя более чем в 2 раза.

Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

Коэффициент линейной корреляции Пирсона между приростом численности населения белорусов по регионам Белоруссии и приростом числа белорусов, назвавших белорусский язык домашним, составляет $r = +0,93$, $p < 0,01$.

Автор может предположить, что аномальный прирост населения, особенно моложе трудоспособного возраста, в отдельных регионах для отдельных национальностей при совершенно иной динамике этого показателя в других регионах и столь же аномальное увеличение доли белорусского языка (в ряде случаев между этими показателями наблюдается статистически достоверная корреляционная связь) является следствием преднамеренного искажения результатов переписи (в первую очередь именно завышением численности населения моложе трудоспособного возраста.). Причём для подавляющего большинства аномального (искажённого) прироста численности в качестве родного языка и языка домашнего общения был записан какой-то один язык: белорусский как родной и домашний для белорусов г. Минска, а также для русских Брестской области, белорусский как домашний для белорусов Могилёвской области, русский как родной и домашний для русских Витебской и Гомельской областей, белорусский как родной и домашний для поляков Гомельской, Могилёвской областей и г. Минска, белорусский как родной для украинцев Витебской области, украинский как родной для украинцев Могилёвской области и др.

Именно по этой причине за 10 лет резко «взлетели» коэффициенты детности, причём всё это на фоне снижения рождаемости, когда общий коэффициент рождаемости уменьшился с 11,5 в 2009 г. до 9,9 в 2019 г., а суммарный – с 1,40 до 1,27. Возможно, завышение численности именно населения моложе трудоспособного возраста избавляет от необходимости корректировать такие результаты переписи, как принадлежность к рабочей силе, образование, семейное положение и др., где данная категория не

учитывается, да и вообще создаёт более благоприятную демографическую картину на фоне резкого обвала рождаемости, начавшегося в 2017 г. При этом с 2019 г. Белстат полностью прекратил публикацию абсолютно всех данных о естественном движении населения, прекращён выпуск «Демографического ежегодника» и соответствующих бюллетеней, соответствующие тематические разделы изъяты из всех других статистических сборников. Среди национальностей с небольшой численностью такое завышение более ярко заметно по сравнению с белорусами и русскими и приводит к таким результатам, когда, например, в 2009 г. в Минской области среди евреев насчитывался 1 ребёнок на 5 женщин, а в 2019 г. – уже 18 детей на тех же 5 женщин (таблица 12).

Таблица 13. Белорусский язык обучения в учреждениях дошкольного и общего среднего образования, 2012-2018, %

Регион	Дошкольное		Общее среднее	
	2012	2018	2012	2018
Брестская обл.	15,7	13,1	22,9	17,4
Витебская обл.	10,8	6,6	14,9	7,6
Гомельская обл.	7,5	6,8	13,8	9,8
Гродненская	18,5	15,7	19,6	12,5
г. Минск	3,1	3,5	2,0	2,1
Минская обл.	20,5	15,4	28,9	20,1
Могилёвская	9,0	6,7	14,8	9,8
Белоруссия	11,4	9,1	16,5	11,1

Источник: (Белстат 2019).

Следует отметить также тот факт, что для большинства населения моложе трудоспособного возраста ответы на вопросы переписи (в том числе о родном языке и языке домашнего общения) дают родители. Также родители выбирают язык обучения детей в учреждения дошкольного и общего среднего образования. Поэтому следует проанализировать данные о языках обучения в этих учреждениях по регионам Белоруссии (таблица 13). В Минске доля обучающихся на белорусском языке заметно ниже, чем во всех других регионах, в Могилёвской области эта доля также ниже среднереспубликанской и при этом имеет тенденцию к снижению, хотя именно в этих регионах зафиксировано максимальное увеличение как абсолютной численности белорусов, указавших белорусский язык домашним, так и доли его среди всего населения (таблицы 6; 11).

В связи с этим наблюдается парадоксальная ситуация: родители отвечают за детей, что их, к примеру, языком домашнего общения является белорусский и одновременно родители же выбирают русский язык обучения, а доля белорусского в образовательных учреждениях постоянно и неуклонно снижается. К тому же приведённые в таблицу 13 цифры обеспечиваются в основном сельскими школами, в большинстве которых языком обучения является белорусский, и фактически выбора у родителей нет, так как в пределах досягаемости отсутствуют другие школы и существует только один класс на параллель. При этом известны случаи, когда родители, недовольные таким положением вещей, годами добиваются возможности обучения детей на русском языке¹. В городах же (где проживает 77,5% населения) в ряде случаев число школьников, обучающихся на

¹ В Жировичах 10 лет добивались, чтобы перевести обучение в школе на русский язык.

<https://sputnik.by/20211018/v-zhirovichakh-10-let-dobivalis-chtoby-perevesti-obuchenie-v-shkole-na-russkiy-yazyk-1057278559.html>

белорусском языке, составляет единицы^{2,3}. Яркий пример – единственный полностью «городской» регион – г. Минск, где учится на белорусском языке 2,1% учащихся школ, при этом именно в Минске по данному переписи доля указавших белорусский язык домашним «взлетела» с 5,8% в 2009 г. до 34,1% в 2019 г., а в абсолютных числах – с 102 212 до 674 762 человек, т. е. это число возросло на 560% (!).

На общем фоне особенно выделяется Брестская область, где аномальные изменения охватывают почти все административные районы: из 16 районов в 2019 г. численность русского населения возрастает в 11, доля русских, назвавших белорусский язык родным – в 13, домашним – в 11, доля белорусов, назвавших белорусский язык родным – в 15, тогда как доля белорусов, назвавших белорусский язык домашним, снизилась абсолютно во всех районах. Между приростом численности русских по административным районам Брестской области и приростом числа русских, назвавших белорусский язык домашним, наблюдается достоверная ранговая корреляция: коэффициент Спирмена $R = +0,52$, $p < 0,05$. Также для районов Брестской области установлена достаточно высокая линейная корреляция между приростом численности белорусов, назвавших белорусский язык родным, и русских, также назвавших белорусский язык родным ($r = 0,81$, $p < 0,001$).

Эти особенности в Брестской области резко отличаются как от всех других областей, так и от результатов предыдущих переписей, когда их не наблюдалось. Так, например, для доли назвавших русский язык родным среди всего городского населения исключительно в Брестской области резко снизился показатель варьирования данной величины по административным районам. Если в 2009 г. значение стандартного отклонения данного показателя по районам Брестской области равнялось 16,6, то в 2019 г. – 4,0 (снизившись, таким образом, в 4,2 раза), в то время как для всех остальных областей Белоруссии это значение в 2019 г. составляло 7,5-13,6, а максимальное его снижение за 2009-2019 гг. – в 1,8 раза. В итоге, если в 2009 г. разница между минимальным и максимальным значением показателя для городского населения районов Брестской области была весьма существенной (57,9%), то в 2019 г. – всего лишь 13,2%; все значения находились в районе отметки 20%, отклоняясь от неё в среднем на 3,4%, а максимально на 7,1%. Можно предположить, что именно показатель 20% стал той величиной, которая изначально была административно задана в качестве ориентира, к которому необходимо было «подогнать» результаты.

«Подгонка» результатов к одинаковому для всех районов изначально заданному значению обусловила чрезвычайно высокий коэффициент линейной корреляции Пирсона ($r = +0,98$, $p < 0,01$) между долей городского населения, назвавшего русский язык родным в 2009 г., и модулем изменения этого показателя. Для остальных районов Белоруссии ситуация диаметрально противоположна, и данный коэффициент имеет отрицательное значение ($r = -0,52$, $p < 0,01$), сходные значения показывает расчёт данного показателя для каждой области в отдельности.

---

² В Белоруссии открылся ещё один белорусскоязычный класс. <https://news.rambler.ru/cis/34613020-v-belorussii-otkrylsya-esche-odin-belorusskoyazychnyy-klass/>

³ Класс на одного ученика в школе с бассейном.: <https://ru.hrodna.life/2019/08/16/pervoklassniki-grodno-po-beloruski/>

Статистическая значимость отличий Брестской области от остальных областей по доле русского языка как родного подтверждается также расчётом *t*-критерия Стьюдента. Так, его расчёт для показателя изменения доли русского языка как родного для двух совокупностей (районы Брестской области и все остальные районы Белоруссии) показал его значение $t = 12,3$ (при $t_{крит.} = 2,61$ для $p < 0,01$). Расчёт *t*-критерия для 5 пар совокупностей районов Брестской области и каждой из других областей также показал высокое значение от 8,1 до 10,4. При этом ни для одной из пар прочих областей не зафиксировано достоверных различий по *t*-критерию. Аналогичный результат показали расчёты *t*-критерия для сельского населения.

Таким образом, аномальный прирост населения, особенно в трудоспособном возрасте, вместе другими способами искажений результатов переписи, не связанными с приписками численности населения (например, резкое увеличение доли белорусского языка как родного для белорусов Брестской области не сопровождается аномальным увеличением доли лиц моложе трудоспособного возраста), позволили достигнуть «идеальных» результатов – увеличения на небольшую величину доли и русского, и белорусского языков и как родных, и как домашних как для русских, так и для белорусов, а также для всего населения в целом.

Изменение численности и лингвистической структуры других национальностей

Третьей по численность национальностью в Белоруссии являются поляки, более трёх четвертей которых проживает в Гродненской области и которые характеризовались в 2009 г. самым низким уровнем урбанизации (61,4%). Так же, как и для всех других основных национальностей, перепись 2019 г. впервые показала разнонаправленную динамику численности польского населения в различных регионах (рисунок 9; таблица 14).

Таблица 14. Прирост численности польского населения областей и г. Минска

Регионы	Численность			В том числе моложе трудоспособного возраста		
	2009	2019	+/-, %	2009	2019	+/-, %
Белоруссия	294 549	287 693	-2,3	36 766	44 692	+21,6
Брестская обл.	17 539	14 893	-15,1	1 264	1 594	+26,1
Витебская обл.	11 141	9 806	-12,0	589	873	+48,2
Гомельская обл.	1 958	2 572	+31,4	57	348	+510,5
Гродненская обл.	230 810	223 119	-3,3	32 602	37 334	+14,5
г. Минск	13 420	19 397	+44,5	838	2 749	+228,0
Минская обл.	17 908	15 785	-11,9	1 344	1 541	+14,7
Могилёвская обл.	1 773	2 121	+19,6	72	253	+251,4

Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

Следует при этом обратить внимание на то, что прирост населения, причём довольно заметный, произошёл только в регионах, исторически не являющихся местом традиционного проживания поляков: в Могилёвской, Гомельской областях и особенно в г. Минске, где за 10 лет их численность увеличилась на 44,5% – самый большой относительный прирост численности среди всех национальностей в Минске за период 2009-2019 гг. (во многом благодаря этому коэффициент урбанизации для поляков увеличился на 9,9%, что является рекордом среди всех национальностей – более чем в

3 раза выше, чем увеличение этого коэффициента в среднем по стране). В этих регионах прирост польского населения был обеспечен в первую очередь за счёт населения моложе трудоспособного возраста, для которого коэффициент прироста более чем на порядок превышает его значение в среднем по стране, а коэффициент детности увеличился в 2,6-5,4 раза (таблица 12). И именно в этих регионах выросла, причём также значительно, численность и доля населения, назвавшего белорусский язык родным и особенно домашним (таблицы 3; 6; 15).

Таблица 15. Прирост числа назвавших белорусский язык родным и домашним среди польского населения областей и г. Минска

Регионы	Белорусский, родной			Белорусский, домашний		
	2009	2019	+/-, %	2009	2019	+/-, %
Белоруссия	171 287	156 650	-8,5	120 378	132 366	+10,0
Брестская обл.	9 673	6 518	-32,6	6 480	4 273	-34,1
Витебская обл.	6 195	4 284	-30,8	5 366	3 668	-31,6
Гомельская обл.	860	1 176	+36,7	464	1 035	+123,1
Гродненская обл.	133 920	125 113	-6,6	93 995	109 210	+16,2
г. Минск	5 491	8 370	+52,4	1 684	5 081	+201,7
Минская обл.	14 553	10 277	-29,4	12 168	8 425	-30,8
Могилёвская обл.	595	912	+53,3	221	674	+205,0

Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

Коэффициент линейной корреляции между приростом численности населения в регионах и увеличением в них доли назвавших белорусский язык родным от общего числа польского населения довольно высок ($r = 0,79$, $p < 0,05$), а увеличением доли назвавших его домашним ещё выше ($r = 0,84$, $p < 0,05$).

В регионах, где происходит снижение численности польского населения, относительная величина уменьшения назвавших белорусский язык родным в 2 и более раза превышает уменьшение общей численности польского населения. В регионах же с возрастанием численности поляков, наоборот – относительная величина прироста населения с белорусским языком как родным и, особенно, домашним, превышает общий относительный прирост. Исключительно в Брестской области заметно увеличилась доля поляков, назвавших домашним польский язык – до 7,8%, что в 6,5 раза выше, чем в среднем по стране; в Гродненской области, где общая численность поляков снизилась на 7,7 тыс. человек, численность назвавших белорусский язык родным также снизилась на 8,8 тыс. человек, зато численность назвавших его домашним, возросла на 15,2 тыс. человек.

Для украинцев, основным регионом проживания которых является Брестская область (около четверти всех украинцев), особенности изменения языковых характеристик также имеют ярко выраженную приуроченность к административным единицам. Так же, как и для поляков, значительный прирост численности украинского населения и в особенности прирост на сотни процентов населения моложе трудоспособного возраста наблюдался только в регионах, где проживает относительно небольшое число украинцев, тогда как в Брестской и Гомельской областях, где в 2009 г. проживало самое большое их число, оно снизилось (таблица 16). Однако в итоге всё равно в целом по стране результаты переписи показали небольшой прирост украинского населения. При этом все предыдущие переписи показывали синхронное по всем регионам снижение численности украинцев (рисунок 9).

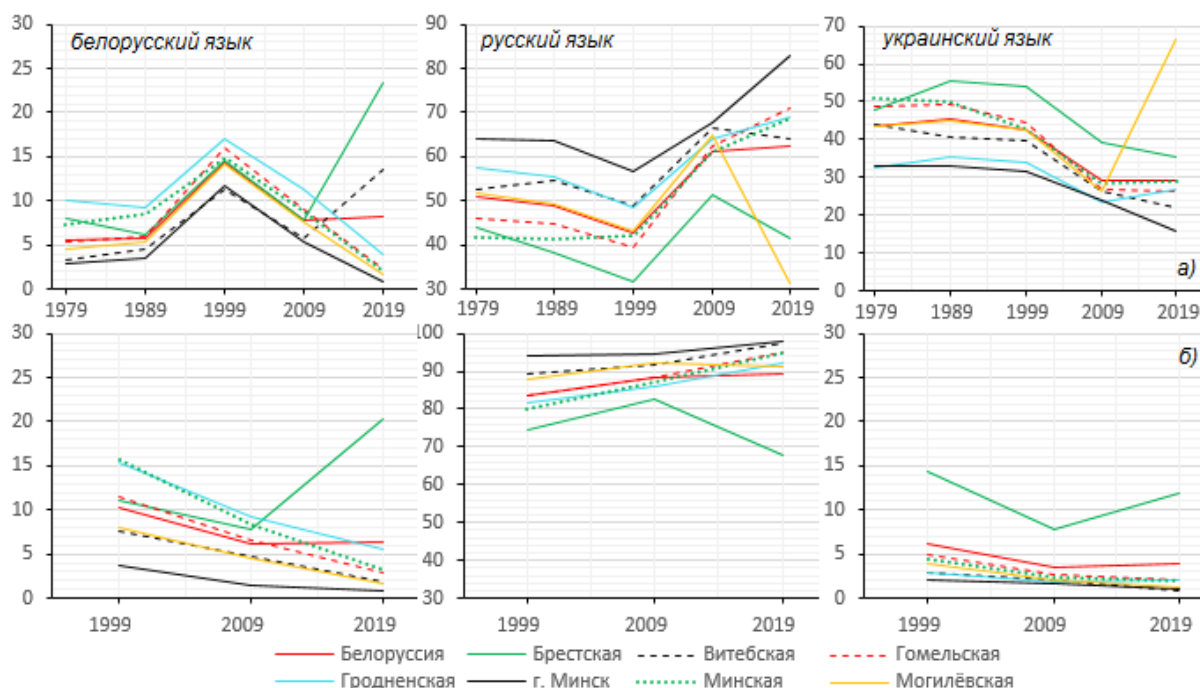
Таблица 6. Прирост численности украинского населения областей и г. Минска

Регионы	Численность			В том числе молоче трудоспособного возраста		
	2009	2019	+/-, %	2009	2019	+/-, %
Белоруссия	158 723	159 656	+0,6	5 986	13 884	+131,9
Брестская обл.	40 046	37 648	-6,0	2 365	3 138	+32,7
Витебская обл.	14 557	17 993	+23,6	403	2 341	+480,9
Гомельская обл.	30 920	25 085	-18,9	967	1 480	+53,1
Гродненская обл.	14 983	10 767	-28,1	654	814	+24,5
г. Минск	27 362	34 662	+26,7	610	2 993	+390,7
Минская обл.	17 745	21 273	+19,9	618	1 994	+222,7
Могилёвская обл.	13 110	12 228	-6,7	369	1 124	+204,6

Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

Доля белорусского языка как родного среди украинцев резко повышается только в Брестской и Витебской областях (в 2,9 и 2,3 раза соответственно). В остальных же регионах этот показатель продолжил заметное снижение, которое было характерно для всех регионов в 1999-2009 гг. (рисунок 10). Доля же белорусского языка как домашнего резко (в 2,6 раза) возрастает только в Брестской области, а её динамика в Витебской области не отличается от динамики в остальных регионах.

Рисунок 10. Динамика доли белорусского, русского и украинского языков как родных (а) и домашних (б) для украинского населения, %

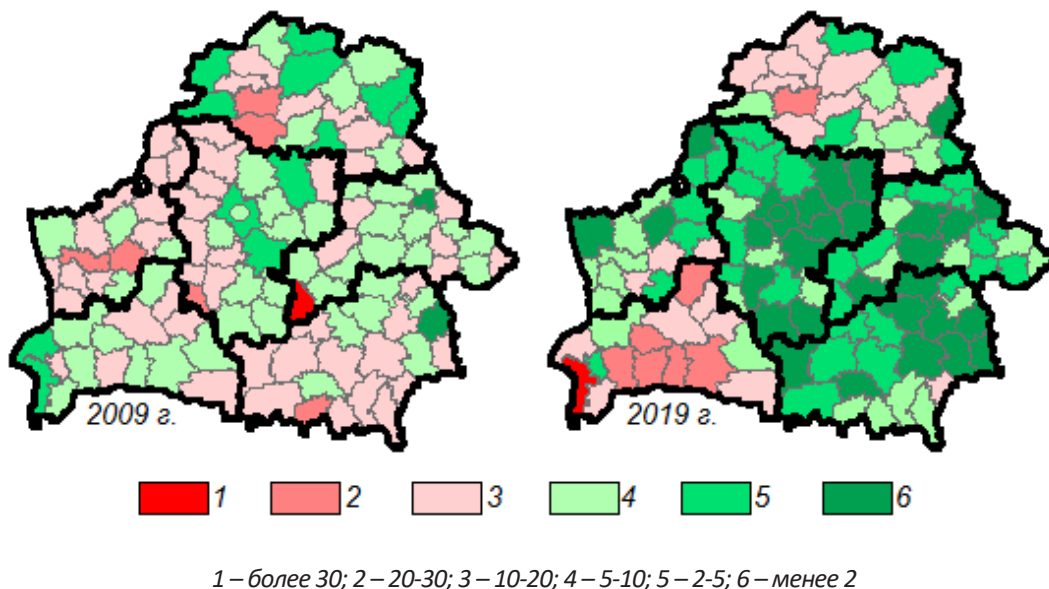

Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

На рисунке 11 видно, что повышенное (более 10%) значение доли белорусского языка как родного среди городского населения наблюдалось в 2009 г. в 57 административных районах Белоруссии из 118. Из этих районов только 26% составляли районы Брестской и Витебской областей. В 2019 г. такие значения наблюдались только в 28 районах, причём уже 86% из них – районы Брестской и Витебской областей, а за их

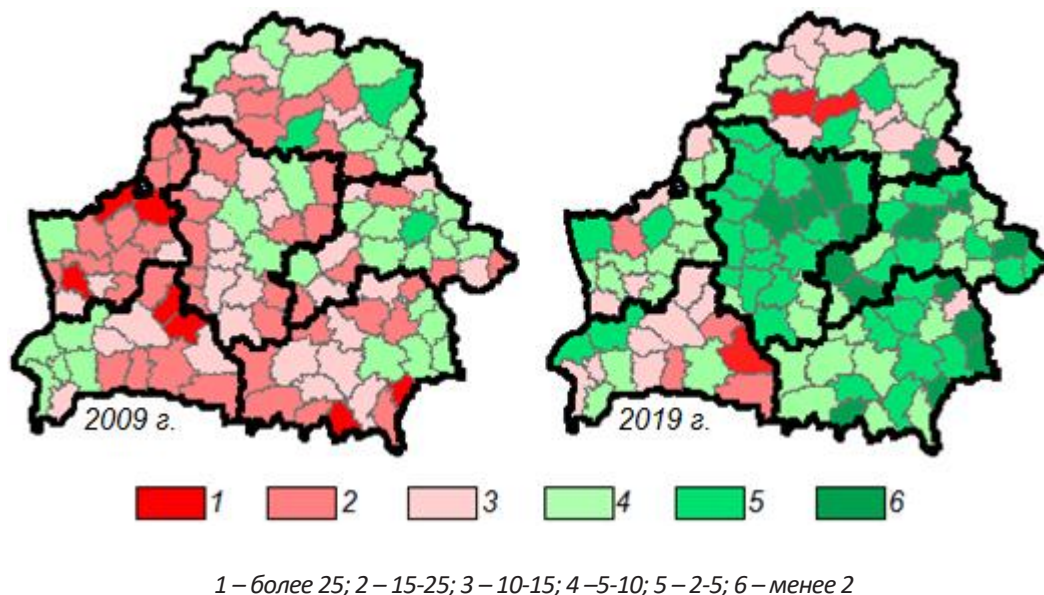
пределами они зафиксированы только в 4 районах. Среди сельского населения (рисунок 12) картина аналогична – в 2019 г. из 26 районов, где показатель доли белорусского языка как родного превышает 10%, 20 районов находятся в Брестской и Витебской областях.

Рисунок 11. Доля украинцев, назвавших белорусский язык родным (городское население), 2009 и 2019, %

Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

Рисунок 12. Доля украинцев, назвавших белорусский язык родным (сельское население), 2009 и 2019, %

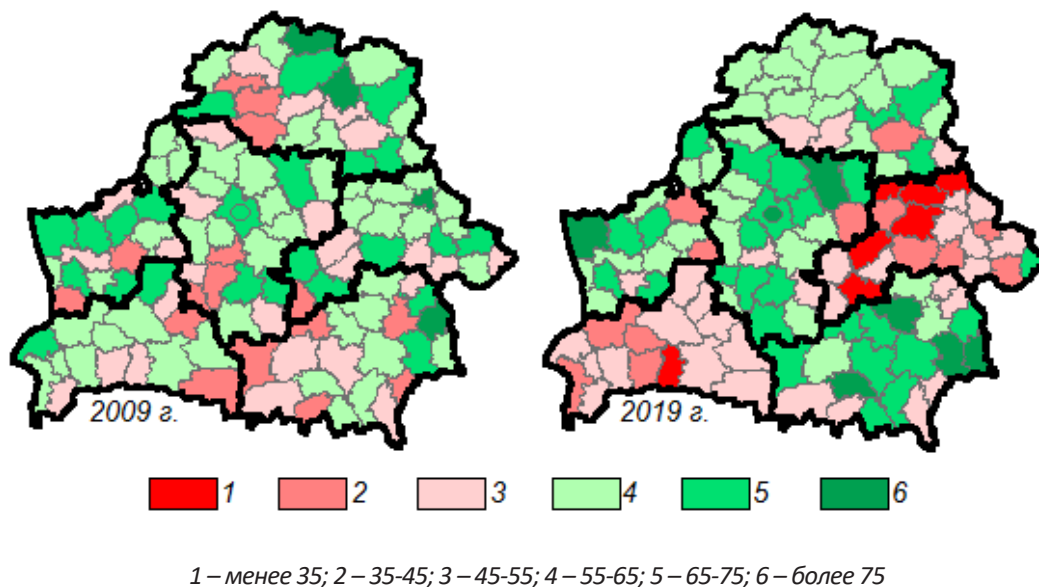

Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

По снижению доли русского языка как родного для городского населения (рисунок 13) чётко выделяются Брестская и Могилёвская области, где абсолютно во всех районах, кроме одного района Могилёвской области, она в 2019 г. стала ниже 55%.

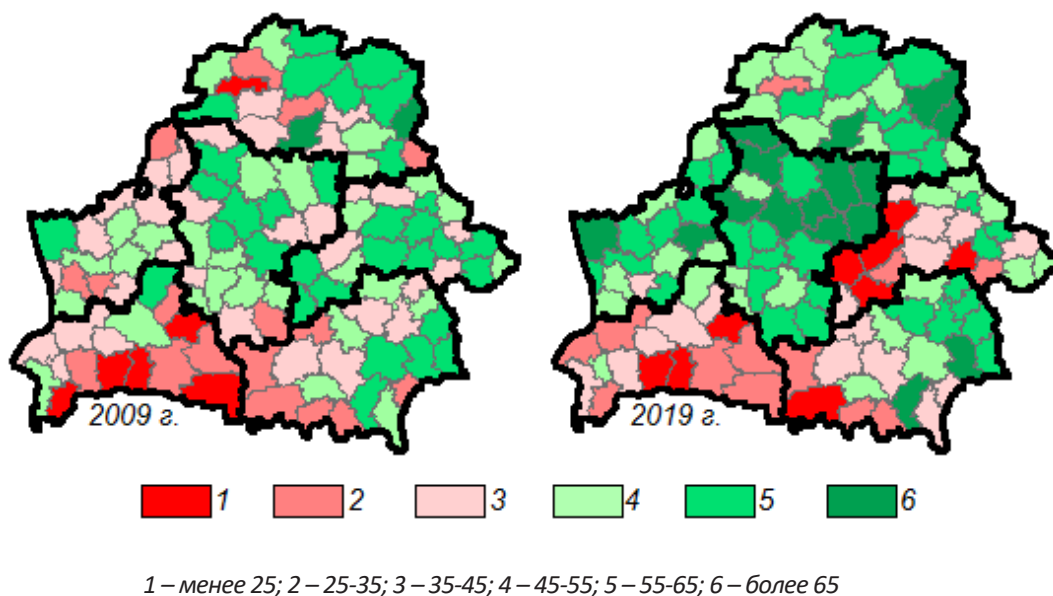
Для сельского населения также в Могилёвской области, единственной в Белоруссии, зафиксировано заметное снижение доли русского языка в большинстве районов (рисунок 14).

Рисунок 13. Доля украинцев, назвавших русский язык родным (городское население), 2009 и 2019, %

Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

Рисунок 14. Доля украинцев, назвавших русский язык родным (сельское население), 2009 и 2019, %

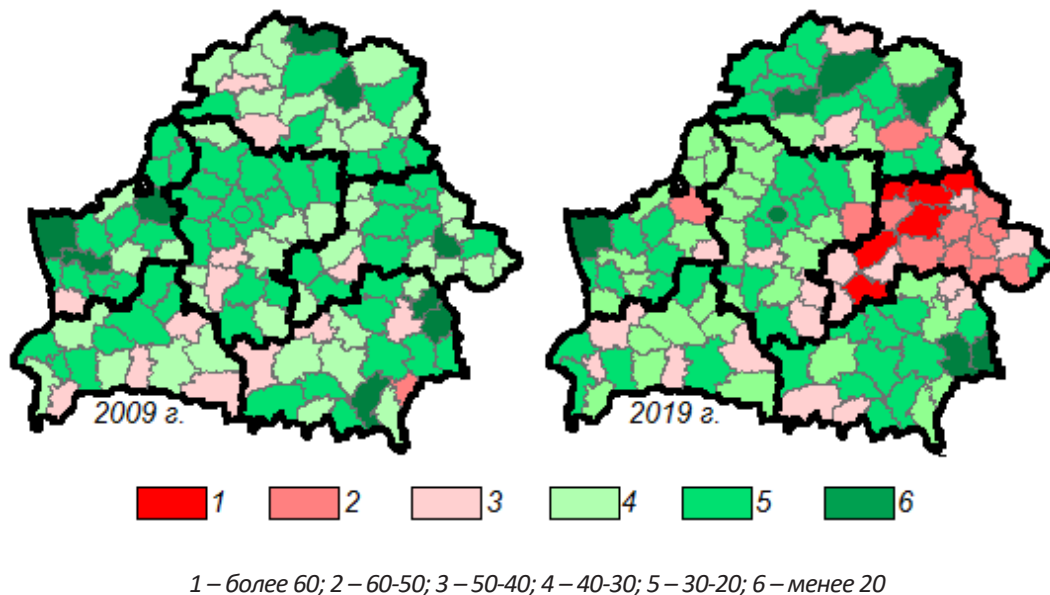

Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

Городское же население районов Гомельской и Брестской областей не имеет принципиальных отличий по этим показателям от других областей. Это хорошо заметно на рисунках 15 и 16, показывающих, что ситуация с украинским языком как родным не претерпела существенных изменений между 2009 и 2019 г., за исключением аномальных

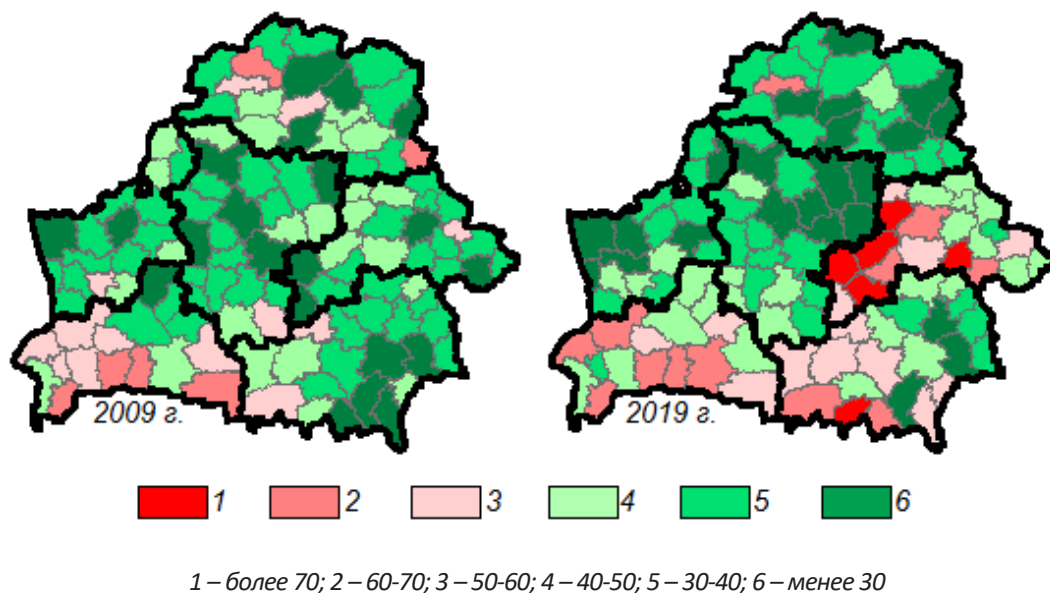
результатов в Могилёвской области, которая никогда не отличалась высоким уровнем украинского языка, однако она стала единственной, где резко выросла его доля как родного, причём сразу в 20 районах из 21.

Рисунок 15. Доля украинцев, назвавших украинский язык родным (городское население), 2009 и 2019, %

Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

Рисунок 16. Доля украинцев, назвавших украинский язык родным (сельское население), 2009 и 2019, %

Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

Таким образом, динамика родных языков для украинцев имеет ярко выраженные индивидуальные черты в различных регионах (таблица 17).

Таблица 17. Изменения доля языков как родных среди украинцев по регионам

Родной язык	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	г. Минск	Минская область	Могилёвская область
Белорусский	■		■				
Русский	■	■	■				■
Украинский	■		■		■	■	■

Примечание:

- – уменьшение более чем на 4%;
- – величина изменения ± 4%;
- – увеличение более чем на 4%.

Источник: Составлено автором.

Что касается динамики доли языков как домашних, то здесь только в Брестской области зафиксировано увеличение долей белорусского (в 2,6 раза) и украинского (в 1,5 раза) языков и соответствующее снижение доли русского, в других регионах – наоборот. В Могилёвской области падает доля всех трёх языков. Это стало возможным благодаря резкому росту в ней доли лиц, не указавших домашний язык при переписи.

Вообще, данный показатель представляет собой прекрасную иллюстрацию строгой приуроченности особенностей динамики лингвистических характеристик к административным единицам и отдельным национальностям, которая не может являться следствием естественных причин, а свидетельствует о преднамеренном искажении результатов переписи (таблица 18).

Таблица 18. Динамика доли лиц, не указавших родной и домашний языки, по национальностям и регионам, 2009-2019

Национальности		Родной язык							Домашний язык						
		Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	г. Минск	Минская	Могилёвская	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	г. Минск	Минская	Могилёвская
Белорусы	2009	0,5	0,4	0,5	0,5	1,1	0,7	0,4	0,8	0,7	0,9	1,0	1,4	1,3	0,7
	2019	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	4,2	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	4,4
Русские	2009	0,3	0,3	0,3	0,3	0,4	0,4	0,3	0,5	0,5	0,6	0,6	0,6	0,6	0,4
	2019	0,4	0,5	0,3	0,2	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	2,7
Поляки	2009	0,4	0,1	0,3	0,4	0,9	0,3	1,6	0,5	0,2	0,3	0,7	1,1	0,5	1,7
	2019	0,0	0,1	0,3	0,3	0,3	0,6	4,3	0,0	0,0	0,0	0,1	1,1	1,3	6,7
Украинцы	2009	0,4	0,4	0,5	0,3	0,7	0,6	0,5	0,5	0,5	0,5	0,3	0,8	0,8	0,5
	2019	0,0	0,6	0,2	0,2	0,2	0,5	0,7	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	5,7
Евреи	2009	1,6	1,0	1,5	0,4	0,7	0,9	1,4	1,4	0,7	0,8	0,2	0,4	0,1	0,3
	2019	1,2	0,6	0,7	0,4	0,2	3,7	6,1	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	10,0
Татары	2009	0,6	0,7	1,7	0,7	0,7	0,5	0,2	0,3	0,1	0,8	0,5	0,3	0,4	0,0
	2019	0,5	0,9	0,4	0,1	0,4	4,6	11,5	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	7,4
Литовцы	2009	1,4	1,9	1,1	0,5	1,2	1,1	1,5	0,0	1,1	1,1	0,5	1,1	0,4	0,7
	2019	0,9	1,0	1,0	0,9	0,0	2,8	5,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	1,5	6,5

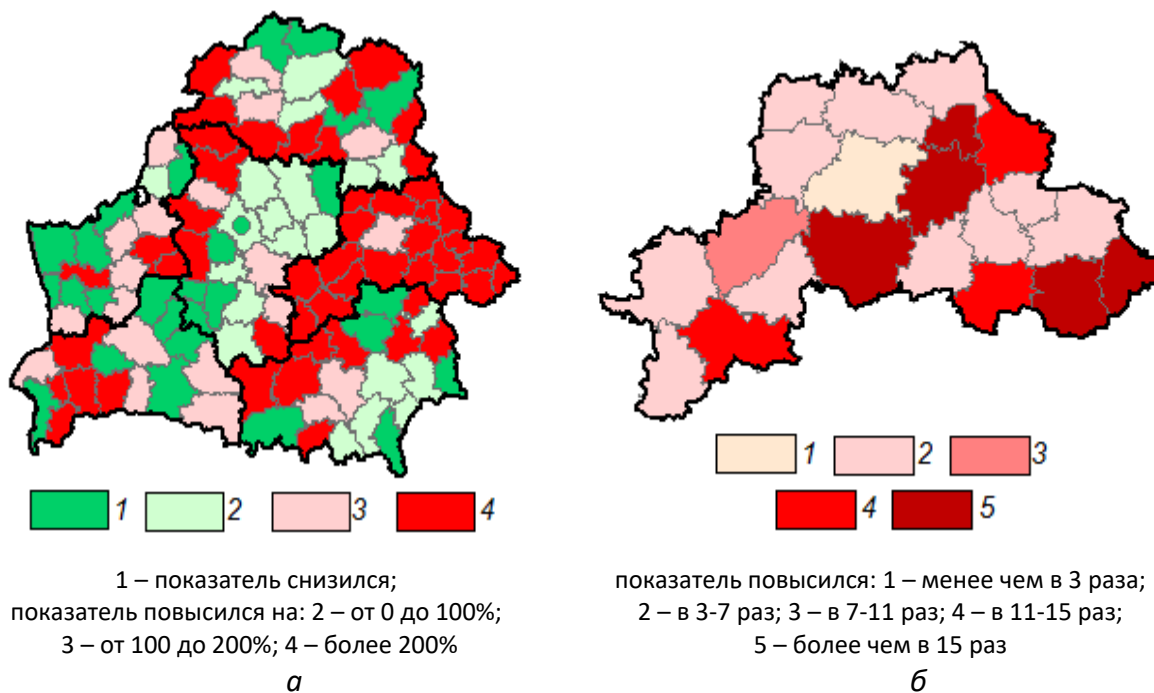
Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

Могилёвская область является единственной, где доля лиц, не указавших родной и домашний языки, многократно возрастает среди всех национальностей и становится намного большей, чем во всех остальных регионах. Особенно это заметно для домашнего языка, где в остальных регионах практически отсутствует население, не указавшее

домашний язык, тогда как в Могилёвской области среди всех национальностей доля таких людей очень существенна и достигает 10% (для евреев). Для родного языка этот показатель чётко дифференцируется ещё и по национальностям: так, в Могилёвской области среди всех русских только 2 человека в 2019 г. не указали родной язык, среди украинцев изменение по сравнению с 2009 г. также незначительно, однако очень резкий рост наблюдается для всех остальных рассмотренных национальностей, достигая максимума среди татар, где доля не указавших родной язык выросла почти в 60 раз. Очевидно, что вопрос, почему из всех областей только в Могилёвской заметная доля населения основных национальностей решила скрыть от переписчиков свои родные и домашние языки, причём русское и украинское население, в отличие от других национальностей, скрыло только домашний, носит риторический характер, а данные результаты (как, впрочем, и другие локализованные в пределах административных единиц аномалии) позволяют сделать вывод лишь о качестве проведения переписи и уровне достоверности её результатов.

Рисунок 17. Изменение численности населения, не указавшего родной язык, по районам Белоруссии (а) и Могилёвской области (б), 2009-2019

Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

Здесь необходимо сказать, что доля лиц, не указавших свои языки, повысилась во многих районах не только Могилёвской области (рисунок 17а), однако во всех других областях какая-либо закономерность динамики этого показателя по районам отсутствует, и в разных районах наблюдаются различные по направлению и величине изменения. И только в Могилёвской области все без исключения районы показали рост данного показателя, причём многократный, почти везде более чем в 3 раза (рисунок 17б). Среди всего населения области доля не указавших родной язык возросла в 2009-2019 гг. с 1,7 до 6,2% при том, что во всех других регионах Белоруссии эта доля в 2019 г. не превышала 2,4%. Несмотря на то, что в Могилёвском районе Могилёвской области увеличение доли населения, не указавшего родной язык, самое маленькое из всех районов

области (из-за изначально высокого значения показателя в 2009 г.), эта доля в нём составляет 8,0%, что является самым высоким значением среди всех районов республики. В целом в Могилёвской области расположено 4 из 5 районов Белоруссии, где данный показатель превышает 5%.

В 1989-2009 гг. численность евреев во всех регионах сокращалась самыми быстрыми из всех рассмотренных национальностей темпами (рисунок 8) и по Белоруссии сократилась на 75%, в том числе в 1999-2009 гг. – на 53%. В 2009-2019 гг. в стране зафиксирован положительный прирост численности евреев, который (за исключением г. Минска) отмечен только в регионах, где она в 2009 г. была минимальной (причём этот прирост весьма значительный – 65,4-106,5%) (таблица 19). При этом огромный прирост, достигающий 1000% в Минской области, зафиксирован для населения моложе трудоспособного возраста. Доля лиц моложе трудоспособного возраста в целом по Белоруссии возросла более чем в 3 раза, а в Минской области более чем в 5 раз. Коэффициент детности для евреев в целом по Белоруссии возрос в 6,2 раза, что в 4,7 раза выше, чем его рост для всего населения. В отдельных регионах это значение ещё выше, например, в Брестской области он вырос в 13,4 раза с 0,30 в 2009 г. до 3,97 в 2019 г. (таблица 12). В итоге в 2019 г. коэффициент детности для евреев стал самым высоким из всех национальностей, превышая в 3,1 раза его значение для Белоруссии в целом, при том что в 2009 г. он был ниже среднего по стране.

Столь резкие изменения численности сопровождаются резкими изменениями лингвистических характеристик, причём впервые в 2019 г. с разнонаправленным в различных регионах характером (рисунок 18).

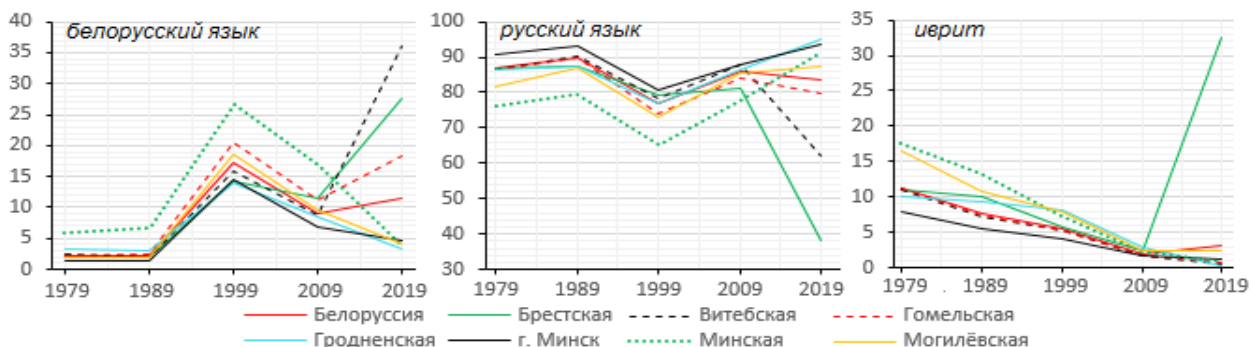
Таблица 19. Прирост численности евреев по регионам

Регионы	Численность			В том числе моложе трудоспособного возраста		
	2009	2019	+/-, %	2009	2019	+/-, %
Белоруссия	12 935	13 705	+6,0	545	1 767	+224,2
Брестская обл.	570	943	+65,4	32	173	+440,6
Витебская обл.	2 127	1 561	-26,6	70	133	+90,0
Гомельская обл.	2 341	1 962	-16,2	89	239	+168,5
Гродненская обл.	538	905	+68,2	34	167	+391,2
г. Минск	5 194	5 699	+9,7	225	677	+200,9
Минская обл.	703	1 452	+106,5	23	253	+1000,0
Могилёвская обл.	1 462	1 183	-19,1	72	125	+73,6

Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

Рисунок 18. Доля белорусского, русского языка и иврита как родных языков для еврейского населения по Белоруссии и её регионам, %

Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

Таблица 20. Административные единицы с наибольшим для городского населения приростом евреев, назвавших белорусский язык родным, чел.

Регионы	Численность		Белорусский родной		Белорусский домашний		Русский родной		Русский домашний		Иврит родной	
	2009	2019	2009	2019	2009	2019	2009	2019	2009	2019	2009	2019
Брестская область												
г. Брест	234	328	24	68	6	42	183	169	215	282	8	86
г. Барановичи	116	267	16	85	3	13	100	75	113	254	0	104
г. Пинск	146	177	15	44	1	0	120	66	138	176	5	63
Витебская область												
Оршанский р-н	272	188	34	61	4	1	231	127	266	187	2	0
Полоцкий р-н (без г. Новополоцк)	238	157	13	67	1	0	211	88	233	157	8	0
г. Витебск	1 315	912	89	303	11	5	1 194	595	1 292	903	12	4
г. Новополоцк	108	130	4	49	0	3	98	75	105	127	4	2
Гомельская область												
г. Гомель	1 684	1 281	135	182	26	9	1 463	1 083	1 623	1 267	27	10
г. Мозырь	167	215	28	66	4	1	135	140	161	211	1	2

Источник: (Белстат 2020).

Таблица 21. Изменение численности евреев и числа назвавших русский, белорусский языки и иврит родными и домашними среди сельского населения, чел.

Регион	Численность		Белорусский родной		Белорусский домашний		Русский родной		Русский домашний		Иврит родной	
	2009	2019	2009	2019	2009	2019	2009	2019	2009	2019	2009	2019
Брестская обл.	18	86	3	31	1	5	15	21	16	81	0	33
Витебская обл.	63	89	9	50	5	3	51	38	56	85	0	0
Гомельская обл.	54	103	8	31	4	4	43	65	48	97	1	0
Гродненская обл.	15	99	4	3	4	2	11	95	11	97	0	0
Минская обл.	131	622	20	19	9	11	102	581	120	610	4	4
Могилёвская обл.	34	46	7	1	4	1	23	41	29	22	0	0
Белоруссия	315	1 045	51	135	27	26	245	841	280	992	5	37

Источник: (Белстат 2020).

Хорошо заметны огромные значения увеличения численности населения, назвавшего родным белорусский язык, в городах и сельской местности Брестской, Витебской и Гомельской областей (в ряде случаев на сотни процентов), а также иврит исключительно в Брестской области (более чем в 10 раз). По результатам переписи 2009 г. ни в одном районе Брестской области среди сельского населения не было евреев, назвавших иврит родным языком. По переписи 2019 г. они появились в 12 из 16 районов при том, что среди всех остальных районов Белоруссии перепись показала их наличие только в 2. Что касается языков домашнего общения, то здесь также выделяется лишь Брестская область с возросшей в 2,9 раза долей белорусского языка (таблица 6).

Таблица 22. Прирост численности татар по регионам

Регионы	Численность			В том числе моложе трудоспособного возраста		
	2009	2019	+/-, %	2009	2019	+/-, %
Белоруссия	7 329	8 445	+15,2	370	1 132	205,9
Брестская обл.	725	773	+6,6	31	92	196,8
Витебская обл.	822	1 033	+25,7	23	137	495,7
Гомельская обл.	776	1 030	+32,7	27	149	451,9
Гродненская обл.	1 710	1 385	-19,0	160	168	5,0
г. Минск	1 558	2 240	+43,8	70	309	341,4
Минская обл.	1 239	1 201	-3,1	44	154	250
Могилёвская обл.	499	783	+56,9	15	123	720

Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

Численность татар показывает прирост сразу на 15,0% между переписями 2009 и 2019 г. (в 1989-2009 гг. она сократилась на 42,1%) во многом за счёт регионов, не являющихся регионами исторического проживания белорусских татар, тогда как в Гродненской области, являющейся таким регионом, их численность снизилась на максимальную величину (рисунок 8; таблица 22). В Могилёвской же области, где доля татар в 2009 г. была минимальна, прирост их численности в 2019 г. был максимальным. Также многократно возросли численность и доля населения моложе трудоспособного

возраста и коэффициент детности, причём зафиксирована тесная отрицательная корреляция между численностью населения моложе трудоспособного возраста в 2009 г. и относительным её приростом в 2019 г. ($r = -0,77, p < 0,05$).

Сопоставление динамики численности городского населения татар и доли белорусского языка как родного и как домашнего показало чётко индивидуальные по регионам особенности изменения данного комплекса показателей. Брестская и Витебская области характеризуются возрастанием на десятки процентов численности населения татар с одновременным увеличением на сотни и тысячи процентов доли татар, назвавших белорусский язык родным и языком домашнего общения. Гомельская область отличается от них только стабилизацией численности населения в крупных райцентрах при резком увеличении её в областном центре и отсутствием увеличения доли белорусского языка как домашнего. При этом в ряде районов при уменьшении или незначительном увеличении городского населения татар резко возрастает доля городского населения, назвавшего белорусский язык родным: в Жлобинском районе – с 0 до 21,1%, Мозырском районе – с 0 до 22,2%, Речицком районе – с 1,5 до 21,8%.

В Гродненской и Минской областях ни в одном районе с численностью татар более 15 человек не повышается доля белорусского языка ни как родного, ни как домашнего, а численность татар везде снижается либо стабильна. В г. Минске численность татар заметно увеличивается при существенном уменьшении доли белорусского языка. В Могилёвской области численность татар увеличивается на десятки процентов, доли белорусского языка продолжают оставаться в районе нулевых значений, при этом наблюдается резкое увеличение числа татар, не указавших родной язык при переписи. Также Могилёвская область – единственная, где возросла доля населения, назвавшего домашним языком татарский, причём сразу в 4,6 раза.

Более подробную картину для городского населения даёт таблица 23, данные которой показывают резкие различия динамики доли белорусского языка в различных областях и огромные цифры прироста доли белорусского языка в крупных городах Брестской, Витебской и Гомельской областей.

Перечисленные города охватывали 20% городского населения татар в 2009 г., в 2019 г. это значение увеличилось до 60%. Без учёта г. Минска эти значения составляли соответственно 9 и 30%.

Особенности динамики численности и доли белорусского языка для сельского населения татар по регионам (таблица 24) имеют некоторое сходство с городским: в Брестской, Витебской и Гомельской областях доля белорусского языка как родного увеличивается, а численность населения снижается; в Гродненской области снижаются оба этих показателя, а в Минской и Могилёвской областях увеличение численности населения сопровождается снижением доли белорусского языка. Доля татарского языка как родного и домашнего продолжает оставаться незначительной.

Таблица 23. Административные единицы с наибольшим для городского населения приростом татарского населения (учитывались только те, где численность на 2009 г. превышала 15 человек), чел.

Регион	Численность		Белорусский родной		Белорусский домашний		Русский родной		Русский домашний		Татарский родной		Татарский домашний	
	2009	2019	2009	2019	2009	2019	2009	2019	2009	2019	2009	2019	2009	2019
Брестская область														
г. Брест	225	271	4	120	0	119	178	101	222	151	37	43	0	1
г. Барановичи	101	129	7	59	4	53	73	54	95	76	19	16	0	0
г. Пинск	38	47	3	25	0	25	26	14	38	22	9	8	0	0
Витебская область														
Оршанский район	54	144	1	80	1	50	39	20	53	94	12	41	0	0
Полоцкий район (без г. Новополоцк)	86	109	1	56	2	30	68	30	86	79	16	22	0	0
г. Витебск	201	408	6	224	3	117	144	107	197	289	45	67	0	0
г. Новополоцк	83	72	1	32	1	19	64	27	80	53	16	12	1	0
Гомельская область														
г. Гомель	235	514	7	216	0	1	180	236	225	511	41	61	2	0
Минск														
г. Минск	1558	2240	201	138	62	61	1 057	1 812	1 442	2 174	238	266	2	2
Могилёвская область														
г. Могилев	127	306	2	0	2	0	91	213	125	258	33	79	0	22
г. Бобруйск	147	237	7	2	2	0	97	122	140	203	40	51	5	16

Источник: (Белстат 2020).

Таблица 24. Изменение численности татар и числа назвавших русский и белорусский языки родными и домашними среди сельского населения, чел.

Регион	Численность		Белорусский родной		Белорусский домашний		Русский родной		Русский домашний	
	2009	2019	2009	2019	2009	2019	2009	2019	2009	2019
Брестская обл.	167	163	9	35	12	37	128	104	153	125
Витебская обл.	181	151	39	51	41	37	103	71	136	113
Гомельская обл.	198	170	8	29	8	3	139	111	185	167
Гродненская обл.	195	128	52	20	50	13	113	86	129	116
Минская обл.	407	507	63	29	56	27	266	366	345	479
Могилёвская обл.	107	117	4	2	3	2	73	84	103	111
Белоруссия	1255	1236	175	166	170	119	822	822	1 051	1 111

Источник: (Белстат 2020).

Численность литовцев в Белоруссии снизилась с 1989 по 2009 г. на 33,1%. Перепись 2019 г. зафиксировала ее рост с 2009 по 2019 г. на 3,9%. При этом изменение численности резко различается по регионам и возрастным группам (таблица 25). Традиционным регионом проживания литовцев является Гродненская область, где локализовано чуть меньше половины всего литовского населения Белоруссии. В ней численность литовцев практически не изменилась. Резкое увеличение произошло лишь в Брестской, Витебской и Гомельской областях. Здесь же более чем в 2 раза возросла численность литовского населения моложе трудоспособного возраста.

Таблица 25. Прирост численности литовцев по регионам

Регионы	Численность			В том числе моложе трудоспособного возраста		
	2009	2019	+/-, %	2009	2019	+/-, %
Белоруссия	5087	5287	+3,9	426	623	+46,2
Брестская обл.	355	450	+26,8	11	38	+245,5
Витебская обл.	624	944	+51,3	27	60	+122,2
Гомельская обл.	271	388	+43,2	18	43	+138,9
Гродненская обл.	2153	2174	+1,0	245	291	+18,8
г. Минск	935	669	-28,4	74	101	+36,5
Минская обл.	476	462	-2,9	31	62	+100,0
Могилёвская обл.	273	200	-26,7	20	28	+40,0

Источник: Расчёты автора по данным Белстата.

Расчёт коэффициентов корреляции показал, что существует очень тесная связь между ростом общего числа литовского населения по регионам и ростом доли литовцев, назвавших родным белорусский язык ($r = 0,93$, $p < 0,05$), также положительная связь наблюдается между ростом числа литовского населения моложе трудоспособного возраста и долей литовцев, назвавших белорусский язык языком домашнего общения ($r = 0,71$, $p < 0,05$). Доля назвавших родным литовский язык значительно упала во всех регионах, кроме г. Минска, где она изменилась несущественно.

Что касается населения, назвавшего литовский языком домашнего общения, то резкое увеличение его численности произошло только в Брестской области (с 2 до 101 человека). В остальных регионах, кроме Гродненской области, такое населения почти отсутствует как в 2009, так и в 2019 г. В Гродненской области его численность, хоть и

составляет заметную долю литовского населения, тем не менее снизилась с 2009 по 2019 г. в 2 раза.

Если подвергнуть анализу изменение численности и языковых характеристик литовцев на более низком иерархическом уровне административного деления (среди городского и сельского населения районов), то заметно, что максимальное увеличение численности характерно для городского населения нескольких административных единиц, перечисленных в таблице 26. Его совокупная численность в этих административных единицах увеличилась на 85,7% (по всей Белоруссии – на 3,9%, а по всему городскому населению – на 13,2%). Если в 2009 г. городское население указанных в таблице 26 регионов составляло 13,7% общей численности и 21,2% численности городского населения литовцев, то в 2019 г. – соответственно 24,5 и 37,7%, причём большинство этих регионов не относятся к районам их исторического проживания.

Показательно также увеличение в этих административных единицах населения, назвавшего белорусский язык родным и домашним. Эти показатели, за исключением регионов Гродненской области, увеличились на сотни и тысячи процентов. Среди городского населения ряда других регионов (районов с крупными районными центрами) эти показатели также резко возросли. Так, в г. Пинске число литовцев, назвавших белорусский язык родным, возросло с 4 до 16, а языком домашнего общения – с 1 до 12, в г. Новополоцке – соответственно с 5 до 38 и с 0 до 13, в Оршанском районе – с 5 до 46 и с 2 до 14, в г. Гродно – с 53 до 164 и с 21 до 60, в Борисовском районе – с 12 до 27 и с 4 до 21, в г. Могилёве – с 19 до 29 и с 7 до 29, в г. Бобруйске – с 7 до 21 и с 4 до 18. Схожая картина наблюдается среди сельского населения Минского района (где значительная часть сельских населённых пунктов фактически являются пригородами г. Минска) – с 8 до 44 и с 8 до 32.

Совокупная численность городского населения литовцев регионов, рассмотренных в таблице 26, назвавшего белорусский язык родным, возросла на 353%, а языком домашнего общения – на 283% (для сравнения: всего среди литовцев Белоруссии эти величины возросли на 86,0 и 13,1% соответственно, а среди городского населения – на 116 и 78%). Доля данного населения среди всех литовцев Белоруссии, назвавших белорусский язык родным и языком домашнего общения, увеличилась с 20,0 до 48,7% и с 11,1 до 37,4% соответственно, а среди только городского населения – с 32,5 до 68,1% и с 28,6 до 61,5% соответственно.

Таблица 26. Административные единицы с наибольшим для городского населения приростом литовцев (учитывались только те, где численность на 2009 г. превышала 15 человек), чел.

	Численность		Белорусский родной		Белорусский домашний		Русский родной		Русский домашний		Литовский родной		Литовский домашний	
	2009	2019	2009	2019	2009	2019	2009	2019	2009	2019	2009	2019	2009	2019
Брестская область														
г. Брест	105	166	18	101	8	60	61	45	95	64	20	17	0	42
г. Барановичи	75	97	12	53	10	29	36	25	62	45	21	18	1	23
Витебская область														
г. Витебск	120	366	18	284	7	93	61	61	109	273	38	20	1	0
Полоцкий район (без г. Новополоцк)	39	90	2	64	1	22	24	16	37	67	10	6	0	1
Поставский район	43	62	3	29	5	15	20	23	33	47	18	10	1	0
Гомельская область														
г. Гомель	101	172	13	115	0	35	61	41	98	136	24	14	0	1
г. Мозырь	28	39	4	26	1	11	17	9	25	28	6	3	0	0
Жлобинский район	17	37	4	26	0	11	10	7	17	26	3	4	0	0
Гродненская область														
Вороновский район	75	133	45	51	39	33	18	70	32	99	10	10	0	0
г. Ошмяны	30	49	11	12	7	4	14	30	23	45	4	7	0	0
г. Сморгонь	64	83	19	41	12	13	24	29	41	69	19	13	3	1

Источник: (Белстат 2020).

Выводы

Анализ динамики этнолингвистической структуры населения Белоруссии в целом и по регионам показывает ряд аномальных изменений, которые в итоге приводят к завышению численности населения и доли населения, назвавшего белорусский язык родным и домашним. Особенностью аномальных изменений является выраженная разнонаправленность динамики показателей этнолингвистической структуры по регионам Белоруссии (которой не наблюдалось по результатам предыдущих переписей) и охват аномальными изменениями большинства административных районов соответствующих областей.

Во всех регионах по всем национальностям, где наблюдался аномальный рост населения, одновременно возрастала и численность населения моложе трудоспособного возраста, причём во много раз выше, чем общая численность населения в этих регионах и чем численность населения моложе трудоспособного возраста во всех других регионах.

Аномально резкие изменения характеристик этнолингвистической структуры в 1-2 регионах обеспечивают изменение на небольшую величину в ту же сторону этих характеристик по всей стране в целом. Так, например, увеличение доли белорусского языка как родного среди всего населения и среди белорусов по национальности лишь Брестской области (соответственно +23,3 и +26,6%) и г. Минске (+13,5 и +11,7%) обеспечило её незначительное увеличение среди аналогичных категорий населения в целом по Белоруссии (соответственно +0,9 и +0,4%). Увеличение доли русского населения, назвавшего белорусский язык родным, исключительно в Брестской области (на 8,7%) обеспечило также незначительный прирост доли русского населения с родным белорусским языком по всей стране (на 0,1%). Увеличение доли украинского населения с родным белорусским языком лишь в Брестской (на 15,4%) и Витебской (на 7,8%) областях привело к увеличению этого показателя по стране на 0,3%. Увеличение доли родного белорусского языка среди евреев и татар Белоруссии (соответственно на 2,4 и 1,9%) было обеспечено значительным (до 27,3% для евреев и до 33,0% для татар) увеличением этого показателя в Брестской, Витебской и Гомельской областях. Очень значительное увеличение доли украинцев с родным украинским языком в Могилёвской области (+40,1%) обеспечило сохранение среди всего украинского населения Белоруссии значение данного показателя почти на прежнем уровне (оно снизилось всего на 0,1%). Перечисленные резкие увеличения доли белорусского и украинского языков в перечисленных регионах, сопровождающееся столько же резким снижением доли русского языка, привели к тому, что в целом по стране доля русского языка как родного среди всего населения, белорусов, русских и украинцев возросла незначительно (соответственно на 0,8; 1,1; 0,5 и 1,2%), хотя в других регионах это увеличение в некоторых случаях было на порядок выше. Доля иврита как родного языка для еврейского населения увеличилась в Белоруссии на 1,3% исключительно за счёт увеличения её на 30,1% в Брестской области.

Увеличение доли белорусского языка как домашнего среди всего населения страны (+2,6%) и среди белорусов по национальности (+2,4%) обеспечено за счёт резкого (соответственно в 5,9 и 5,5 раза) увеличения этой доли среди населения г. Минска, а среди русских и украинцев (+0,4 и +0,3%) – за счёт одной только Брестской области (соответственно +9,3 и +12,4%). Схожая картина наблюдается для евреев и татар: небольшие изменения доли белорусского языка как домашнего (для евреев +0,1%, для татар –0,9%) обусловлены существенным увеличением этой доли в Брестской области

(+4,3 и +12,0%). Для русского же языка как домашнего так же, как и для русского как родного наблюдается незначительное увеличение его доли для всего населения и отдельных национальностей в целом по Белоруссии за счёт резкого снижения доли в некоторых регионах при том, что в других регионах её увеличение многократно выше. Доля других этнических языков как домашних также изменились в целом по стране на незначительную величину (не более, чем на 0,8%) на фоне резких изменений в отдельных регионах (к примеру, среди литовцев доля литовского языка как домашнего уменьшилась на 0,8% при её увеличении в Брестской области на 21,8%, среди татар доля татарского языка как домашнего выросла на 0,2% при её увеличении в единственной Могилёвской области на 5,1% при увеличении численности татар в этой области на максимальную величину из всех регионов +56,9%).

Наряду с уменьшением общей численности населения страны на 0,95% увеличилась численность белорусов по национальности на 0,42% за счёт белорусского населения моложе трудоспособного возраста в г. Минске, величина прироста численности которого по сравнению с 2009 г. (38,4%) в 7,4 раза превысила аналогичную величину для всех остальных регионов в целом (5,2%), и именно в г. Минске, как упомянуто выше, одновременно резко увеличилась доля белорусского языка как родного и домашнего.

Характерной особенностью аномальных изменений этнолингвистических характеристик в отдельных регионах является то, что также они охватывают большинство или все районы соответствующих регионов. Так, в Брестской области число районов, где доля белорусского языка как родного среди городского населения белорусов выросла с 2009 по 2019 г. более чем на 5%, составляет 14 из 16 при том, что в Витебской и Гомельской областях таких районов насчитывается по 2, а в Могилёвской, Минской и Гродненской – ни одного. Среди сельского населения число районов, где в принципе произошло увеличение доли белорусского языка как родного – 13 из 16 при том, что среди всех остальных районов Белоруссии – только 4 из 102. Среди городского населения украинцев число районов с долей населения с родным белорусским языком выше 10% составляет 26, из них 22 района локализованы в пределах Брестской и Витебской областей (при том, что в 2009 г. таковых было 15 из 59). Среди сельского населения в 2019 г. таких районов в этих областях было 20 из 26, а в 2009 г. – 21 из 81. Среди городского населения украинцев число районов с долей населения с родным украинским языком выше 50% составляет 17, из них 15 – в Могилёвской области (всего в ней 21 район), причём в 2009 г. в Могилёвской области не было ни одного такого района и только 1 во всей республике.

При переписи 2009 г. не наблюдалось ни аномально резких изменений этнолингвистических показателей в нескольких регионах, противоположных по направлению относительно других регионов, ни строгой административной локализации районов, отличающихся от большинства других районов особенностями этих характеристик и их динамикой. При этом какими-либо иными факторами, кроме административного воздействия (например, миграции, межэтнические браки, смена этнической самоидентификации, «эффект лосося» и др.), влияющими на результаты переписи, объяснить такую ситуацию, на наш взгляд, не представляется возможным. Между регионами небольшой по размеру равнинной Белоруссии нет принципиальных этнокультурных различий, как в крупных или горных странах и регионах (к тому же аномальные изменения локализованы в пределах границ административных, а не этнокультурных регионов). Фактор смены этнической самоидентификации не может объяснить заметное увеличение численности русских лишь в Брестской и Витебской

областях при её снижении в целом по стране (к тому же, данный фактор в Белоруссии обуславливает смену самоидентификации русских на белорусов, а не наоборот, как в России). Причём численность русских в Брестской области, указавших белорусский язык домашним, возросла с 2009 по 2019 г. на 573% (!), а в Витебской области она сократилось на 61% (в то же время численность белорусов в Брестской области, указавших белорусский язык домашним, сократилась на 46%). Не может этот фактор объяснить и заметный рост численности поляков в Гомельской и Могилёвской областях при его снижении в целом по стране (особенно рост в Гомельской области польского населения моложе трудоспособного возраста на 510,5%), так как такие процессы могут происходить в основном в приграничной с Польшей Гродненской области, где проживает 77,6% белорусских поляков и где их число уменьшилось, а для литовцев, численность которых увеличилась, особенно в Гомельской и Витебской областях, смена этнической самоидентификации вообще не характерна. В этих регионах также не зафиксирована сколько-нибудь значительная миграция поляков и литовцев ни из Польши и Литвы, ни из Гродненской области. Миграция евреев в Белоруссию также не зафиксирована, поэтому сложно объяснить заметное увеличение их численности в ряде регионов (в особенности моложе трудоспособного возраста, например, в Минской области в 10 раз) и увеличение доли иврита как родного языка исключительно в Брестской области, причём в 13 раз, даже среди сельского населения Брестской области случаи указания иврита родным языком отмечены в 12 районах из 16 (в 2009 г. такое население полностью отсутствовало) при том, что во всей остальной Белоруссии это зафиксировано только в 2 районах. Миграция в Белоруссию русских и белорусов из других стран СНГ происходила главным образом в 1990-е и 2000-е годы, а в 2010-х её масштабы были заметно ниже, к тому же она была направлена во все регионы и такое населения вряд ли в заметном количестве указывало бы свой домашний язык как белорусский. А главное, рассматривая факторы, способные объяснить необычные результаты переписи, следует учитывать, что они должны были начать проявляться только в промежутке между 2009 и 2019 г., чтобы оказать такое существенное влияние и объяснить результаты переписи лишь 2019 г.

В целом масштабы приписок численности назвавших белорусский язык домашним выше, чем назвавших его родным, так как реальное падение доли населения с домашним белорусским языком заметно более выражено и для обеспечения роста доли белорусского языка и как родного, и как домашнего для последнего требуется большая величина завышенного прироста, что хорошо заметно на примере г. Минска.

Прирост численности населения и численности назвавших белорусский язык родным и домашним, вызванный искусственным завышением этих данных, намного заметнее для национальностей, характеризующихся в Белоруссии или в отдельных регионах сравнительно небольшой численностью. Именно для таких случаев аномальный прирост (положительный или отрицательный), отсутствовавший в предыдущих переписях, достигает сотен процентов и приводит к таким, например, результатам, как в Гомельской области, где в 2009 г. среди польского населения в среднем на 14 женщин детородного возраста приходился 1 ребёнок в возрасте 0-9 лет, а в 2019 г. – уже 5 детей на тех же 14 женщин или как в Витебской области, где прирост литовцев в трудоспособном возрасте в 2019 г. в абсолютном выражении в 10 раз превышает их число в возрасте моложе трудоспособного в 2009 г. Несмотря на то, что такие изменения для этносов, составляющих крайне невысокую долю среди всего населения Белоруссии, не особо влияют на общую картину, они, во-первых, являются индикатором наличия административного искажения

результатов, а во-вторых, могут иметь общественно-политическое значение, демонстрируя, что этническое разнообразие сохраняется и малые этносы также считают белорусский язык ценностным и используют его в быту, являясь интегрированной частью белорусской гражданской нации, при этом не утрачивая свои национальные языки в пользу русского.

Таким образом, можно сделать вывод, что результаты переписи не показывают реальных изменений численности и распределения языков населения Белоруссии и отдельных национальностей, а являются результатом искажений, направленных на получение политически желаемого результата.

Литература

- Анарбек Н. (2019). Социокультурные механизмы воспроизводства духовных ценностей общества. *Социологический альманах*, 10, 106-116. https://socio.bas-net.by/wp-content/uploads/2020/05/Sotsiol_Almanah_Vyp-10.pdf
- Бахлова О.В., Бахлов И.В. (2020). Политика идентичности в контексте нациестроительства и интеграционного взаимодействия (на примере Союзного государства Беларуси и России). *Регионоведение*, 4, 723-753. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.113.028.202004.723-753>
- Белстат (2019). *Образование в Республике Беларусь*. <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/02f/02f0dcce5ea8e20041bca7728366684c.pdf>
- Белстат (2020). *Итоговые данные переписей населения Республики Беларусь*. <https://census.belstat.gov.by>.
- Горицкая О.С. (2021). *Язык и границы: Лексическая и грамматическая специфика русского языка в Беларуси*. Минск: МГЛУ. https://e-lib.mslu.by/bitstream/edoc/8798/1/Горицкая_Язык%20и%20границы%20_2021.pdf
- Линченко А.А., Беляева Е.В. (2020). Союзное государство – общая память? Этические основания исторической политики России и Беларуси в XXI веке. *Дискурс-Пи*, 2(30), 97-111. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10206>.
- Мечковская Н.Б. (2003). *Белорусский язык: социолингвистические очерки*. München: Verlag Otto Sagner. <https://library.oapen.org/bitstream/id/f54402c6-d761-487e-a54e-fbc5a4b570de/1003951.pdf>
- Минстат (2001). Национальный состав населения Республики Беларусь и распространенность языков. Том 1. Минск: Мин. стат. и анализа.
- Ракачев В.Н., Халафян А.А. (2012). Оценка численности населения Кубани в 1930-1940-е гг. с использованием методов статистического моделирования. *Историческая и социально-образовательная мысль*, 5, 150-156. <https://elibrary.ru/item.asp?id=18244715>
- Манакон А.Г., Соколов А.С., Суворков П.Э. (2022). Формирование этнической и языковой структуры населения Республики Беларусь и этнографический прогноз до 2069 года. *Псковский регионоведческий журнал*, 1, 35-55. <https://elib.gsu.by/handle/123456789/38766>

- Соколов А.С. (2021). Региональные аспекты динамики использования русского языка населением Белоруссии в 2009–2019 годах. *Демографическое обозрение*, 8 (1), 127-149. <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i1.12396>
- Хамутовская С.В. (2021). Русский и белорусский языки в «зеркале» общественного мнения жителей белорусского региона российско-белорусского приграничья. В М.Е. Лустенков (Ред.), *Российско-белорусское пограничье: языковые и социокультурные аспекты взаимодействия* (с. 207-209). Могилёв: БРУ. <http://e.biblio.bru.by/handle/1212121212/18178>
- Хентшель Г. (2017) Одиннадцать вопросов и ответов по поводу белорусской «трасянки». *Русский язык в научном освещении*, 1, 209-250. <http://rjano.ruslang.ru/ru/archive/2017-1/209-250>
- Хентшель Г., Киттель Б. (2011) Языковая ситуация в Беларуси: мнение белорусов о распространённости языков в стране. *Социология*, 4, 62-78. <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/39989/1/62-78.pdf>
- Шимов В.В. (2020) Языковой вопрос как фактор потенциальной политической нестабильности в Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*, 1, 67-70. <https://journals.bsu.by/index.php/sociology/article/view/2903/2864>

**Программа «Земский доктор»
как фактор миграции врачей
на периферию регионов
Центрального федерального
округа**

Екатерина Александровна Шарепина
(eaandreeva@hse.ru), Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Россия.

**The Zemsky Doctor program
as a factor of the doctors'
migration to the peripheral
territories of the central
Russian regions**

Ekaterina A. Sharepina
(eaandreeva@hse.ru),
HSE University, Russia.

Резюме: Программа «Земский доктор» (далее Программа) в 2022 г. отмечает 10-летний юбилей, наряду с положительными эффектами исследователи и эксперты отмечают ряд проблем ее реализации и спорность достигнутых результатов. Существующие исследования конструируют социально-демографический «портрет» врачей-участников без привязки к мотивациям и направлениям переезда, что противоречит подходу рассмотрения процесса миграции как комплексного, обоснованного в теории push-pull факторов миграции Э. Ли. В данной работе представлена классификация стратегий, основанная на мотивациях к переезду (притягивающие и выталкивающие факторы); обстоятельствах, осложняющих процесс переезда; социально-демографических характеристиках врачей-мигрантов и их миграционных намерениях. Эмпирическая база исследования: биографические интервью с врачами – участниками Программы и экспертные интервью с руководителями и кадровыми службами медучреждений из 9 регионов Центрального федерального округа. В 5 из 6 выделенных стратегий переезд мотивируется совокупностью факторов и выходит за рамки только материальной мотивации. В большей степени остаются работать в медучреждениях те врачи – участники Программы, которые заинтересованы в переезде в более крупный или центральный населенный пункт или наоборот в «побеге» из предыдущего населенного пункта (используют средства Программы как стартовый капитал), а также те, кто получают выплаты при возвращении в родной населенный пункт по семейным причинам или для отработки целевого направления. Врачи, участвующие в Программе исключительно для получения материальных выплат, предпочитают формат маятниковых перемещений или оценивают свой переезд как временный. Основной практический вывод статьи заключается в том, что программы компенсационных выплат для более эффективной работы должны быть дополнены неэкономическими стимулами.

Ключевые слова: внутрисоссийская миграция, миграция на периферию, миграция врачей, программа «земский доктор», дефицит медицинских кадров.

Благодарности: Автор работы признателен научному руководителю Лилии Борисовне Карачуриной за помощь и комментарии на всех этапах проведения исследования, а также Екатерине Валерьевне Ланиной за ценные замечания и рекомендации, позволившие повысить качество данной статьи.

Финансирование: Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 г. Данные собраны при поддержке Центра перспективных управленческих решений (ЦПУР) в рамках грантовой программы «Доказательная политика 2021».

Для цитирования: Шарепина Е. А. (2022). Программа «Земский доктор» как фактор миграции врачей на периферию регионов Центрального федерального округа. Демографическое обозрение, 9(4), 104-125. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16745>

Abstract: The “Zemsky Doctor” program is celebrating the 10-year anniversary in 2022. Along with positive effects, researchers and experts have some concerns about its implementation and the controversial results achieved. Existing studies describe a socio-demographic profile of participating doctors without reference to the motivations and destination of relocation. This contradicts the integrated approach of migration process proven in the theory of push-pull factors of migration by E. Lee. This work presents a classification of relocation strategies under the Program, which include: the motivation for relocation (pull and push factors); circumstances that complicate the process of moving; socio-demographic characteristics of migrant doctors and their migration intentions. The research is based

on biographical interviews with program participants and expert interviews with heads of medical institutions and its human resources departments from 9 regions of the Central Federal District in Russia. In five of the six outlined strategies, decision of migration is a combination of factors that goes beyond financial motivation. There are mostly two types of doctors who remain to work: those who are interested in moving to a larger or main city and those who have to move from the previous city (they use funds as start-up capital) including those who get paid upon their return home due to family matters or in order to take up employment according to their conditional scholarships and employee reimbursement obligation agreement. Those doctors who only participate in the Program in order to receive financial payments prefer the pendulum transfers or consider their relocation as temporary. The practical conclusion of the article is that compensation programs should be complemented with non-economic incentives to make it more efficient.

Keywords: *migration of doctors, professional migration, internal migration, migration to small towns and rural area, migration models, the federal program "Zemsky doctor", shortage of physicians.*

Acknowledgments: *The author is grateful to the supervisor Liliya Borisovna Karachurina for her help and comments at all stages of the study, as well as Ekaterina Valerievna Lanina for valuable comments and recommendations that made it possible to improve the quality of this article.*

Funding: *The study was carried out as part of the HSE University Program of Basic Research in 2022. The data was collected with the support of the Center for Advanced Governance (CPUR) as part of the Evidence-Based Policy 2021 grant program.*

For citation: *Sharepina E. (2022). The Zemsky Doctor program as a factor of the doctors' migration to the peripheral territories of the central Russian regions. Demographic Review, 9(4), 104-125. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16745>*

Введение

Федеральная программа «Земский доктор» (далее Программа)¹, с 2012 г. доступная для реализации во всех регионах России, имеет своей целью решить проблему дефицита медицинских кадров высшего звена на периферии (сельская местность, рабочий поселок, поселок городского типа или город с населением меньше 50 тыс. человек). В 2021 г. врачу, переехавшему на работу на периферию и трудоустроившемуся на условиях полного рабочего дня на 5 лет, единовременно выплачивается 1 млн рублей (1,5 млн рублей для населенных пунктов, расположенных на удаленных и труднодоступных территориях, 2 млн рублей для территорий крайнего севера и Дальнего Востока). Выплаты по Программе относятся к нецелевым финансовым мерам поддержки – направления трат выплаченных средств не контролируются, что делает ее потенциально более вариативной и привлекательной для участников. Вместе с тем Программа имеет несколько ограничений: возрастной ценз (50 лет), ограничение по гражданству (только гражданам РФ) и отсутствие невыполненных обязательств по целевому договору, за исключением медицинских организаций с укомплектованностью штата менее 60%. Должность, на которую принимался врач на периферии, должна была быть включена в программный реестр должностей. Условия участия в Программе постоянно изменяются. Например, изначально возрастной ценз составлял 35 лет, в 2016 г. был увеличен до 50 лет, сейчас активно дебатруется вопрос о его отмене, и он уже отменен в некоторых регионах России (например, в Московской области).

Название Программы имеет отсылку к институту земской медицины и земских докторов, появившемуся во второй половине XIX века в результате серии институциональных реформ, последовавших за отменой крепостного права, и предусматривавших создание системы местного самоуправления в сельской местности — земских учреждений. С появлением земской медицины произошло изменение в представлении о роли медицинских работников: на место специалистов, продающих услуги за деньги, пришли представители важнейшей социально-медицинской службы, выполняющих широкие функции. Развитие земской медицины привело к быстрому увеличению числа врачей и медицинских работников среднего звена. Инновационная для того времени система участковой медицины (оказание медицинской помощи по территориальному признаку) позволила обеспечить бесплатный доступ к медицине разным слоям населения, развить систему медико-санитарного образования, создать систему статистики здоровья населения (Сорокина 2010). Исследователи отмечают несколько причин такого «успеха» земской медицины: ответственность за организацию медицинской помощи и финансирование стала лежать на органах местного самоуправления – земствах (Кобзева 2011), прогрессивные ценностные взгляды земских докторов (Чвикалов 2011), включение земских докторов в широкие медицинские сообщества (например, губернские съезды сельских врачей, Пироговские съезды и другие) (Райкова, Максинев, Завьялов 2012).

---

¹ Приложение №5 к государственной программе Российской Федерации «Развитие здравоохранения» Правила предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на единовременные компенсационные выплаты медицинским работникам (врачам, фельдшерам, а также акушеркам и медицинским сестрам фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов), прибывшим (переехавшим) на работу в сельские населенные пункты либо рабочие поселки, либо поселки городского типа, либо города с населением до 50 тыс. человек.

В современной России программа «Земский доктор» слабо связана с деятельностью органов местного самоуправления, и является федеральной программой, которая методами финансового стимулирования пытается решить проблему дефицита медицинских кадров в малонаселенных периферийных пунктах проживания россиян. Получение крупной денежной суммы, предусмотренной в рамках данной программы, является уникальным фактором стимулирования переезда на периферию представителей отдельной профессиональной группы. Подобная Программа в России ещё существует только для учителей, однако она начала реализовываться существенно позднее, чем для врачей².

Несмотря на то, что у Программы «Земский доктор» есть неоспоримые преимущества (и даже появилась программа-последователь), общая нерешенность вопроса кадрового дефицита в здравоохранении на местах свидетельствует, что проблемы с логикой и реализацией Программы сохраняются. Исследования (Андреева, Карачурина 2021; Брынза и др. 2017; Тарасенко, Хорева 2016) показывают, что их можно свести к следующим: востребованность Программы в пристольных территориях регионов, а не на территориях действительно проблемной «периферии», участие в Программе и соответственно переезд врачей из периферийных муниципальных образований (МО) в другие для получения средств (перераспределение специалистов между дефицитными территориями, а не привлечение новых кадров), высокая доля выхода из участия в Программе и возвращения средств, низкая степень закрепления после отработки минимально требуемого срока.

Попытки анализировать механизмы работы Программы и причины проблем реализации имеются, но они отличаются описательностью и фрагментарностью. Чаще всего в ракурсе исследований находится опыт одного региона: Самарская область (Сиротко, Богатырева, Корендясов 2015), Тюменская область (Брынза и др. 2017), Воронежская область (Данилов, Литвинова, Загитова 2018), Алтайский край (Богатырева, Долгова 2016) и др. Большинство исследований имеет количественный дизайн с использованием метода анкетного опроса и фокусируется на описательных статистиках причин вступления в Программу врачей (Брынза и др. 2017; Сиротко, Богатырева, Корендясов 2015; Гидрасов и др. 2014) или профессиональных намерений студентов о желании участвовать в Программе (Шепелева, Корнеева, Ямщикова 2019). Часто описание происходит с позиции направлений трат средств компенсационных выплат, подчеркивая прямую связь между выбором населенного пункта, переездом, трудоустройством и денежной мотивацией. При этом редкое рассмотрение социально-демографических характеристик участников Программы «Земский доктор» (Кинчагулова и др. 2018; Гридасов, Бутолин, Богатырева 2014; Кинчагулова и др. 2019) осуществляется без привязки к мотивациям участия в ней.

В то же время участие в Программе в соответствии с условиями об обязательной смене населенного пункта работы («прибывшему (переехавшему) на работу») может быть

---

² Педагоги будут получать 1 млн рублей подъемных в рамках программы «Земский учитель» (2020). ТАСС, 1 января 2020. <https://tass.ru/obschestvo/7456027> (дата обращения: 21.12.2021). Ивушкина А. (2019). Медик на миллион: земским докторам отменяют возрастной ценз. *Известия*, 9 апреля 2019. <https://iz.ru/863382/anna-ivushkina/medik-na-million> - (дата обращения: 12.04.2020).

охарактеризовано как процесс миграции, а значит, может анализироваться по аналогии с миграцией населения. Теоретики миграционных исследований постулируют, что переезд должен рассматриваться как комплексный процесс, сочетающий в себе притягивающие и выталкивающие факторы, характеристики точки исхода и приема, обстоятельства, осложняющие сам процесс переезда (Lee 1966; Iosifides, Sporton 2009). Кроме того, мотивации для переезда мигрантов различаются для разных социально-демографических групп (Astor et al. 2005; Мкртчян, Флоринская 2020).

Таким образом, новизна данного исследования заключается в применении подхода миграционных исследований к анализу вступления врачей в программу «Земский доктор», что позволяет объединить мотивации к участию в Программе с другими притягивающими и выталкивающими факторами, определяющими переезд, и социально-демографическими характеристиками врачей-участников, которые ими обладают. Цель данного исследования – выявить группы врачей, у которых востребована Программа и существуют мотивации к участию в ней, а также сравнить степень закрепления после отработки врачей с разными стратегиями миграции по программе «Земский доктор», описать Программу как фактор миграции врачей в отдаленные территории и сельскую местность. Полученные результаты могут стать основой для решения обозначенных выше сложностей реализации Программы.

В данной статье под стратегиями переезда понимаются обобщенные описания процесса переезда разных групп участников-программы: включают в себя набор мотиваций³ к участию в Программе, направления переезда (характеристики точки исхода и приема), соответствующие характеристики пола, возраста, брачного статуса, состава семьи врачей – участников Программы «Земский доктор», дальнейшие миграционные намерения (желание остаться или уехать после отработки Программы).

В рамках данной статьи сначала будет представлено описание теоретической рамки, далее представлен обзор российских и зарубежных работ по данной теме, затем описаны методы сбора и анализа данных, представлены факторы-препятствия, возникающие в процессе переезда по программе «Земский доктор», и инструменты для снижения их значимости, далее описана классификация стратегий переезда врачей, участвующих в программе «Земский доктор».

Теоретическая рамка

В миграционных исследованиях существует несколько теоретических подходов, через призму которых осуществляется анализ мотивации к переезду. В рамках теории равновесия в центре рассмотрения – экономические факторы, разница между спросом и предложением труда в разных населенных пунктах, которая побуждает к переезду (Harris, Todaro, 1970); в теории человеческого капитала миграция рассматривается как инвестиционное решение в знания, навыки, образование (De Haas 2010: 12). В рамках структуралистской теории миграция рассматривается не как индивидуальное решение,

---

³ В данной статье термины «факторы миграции» и «мотивации к переезду» используются как синонимы. В теории миграции push-pull факторов Ли (Lee 1966) факторы миграции – это то, что побуждает человека совершить переезд, что, по сути, совпадает с понятием мотивации, измеренном в процессе интервью. Использование в описании стратегий переезда по Программе термина «мотивации» объясняется качественным дизайном исследования, сложившимся в социальных науках подходом, что «фактор» может быть определен только при установлении причинно-следственной связи на количественном уровне.

а как следствие принуждения извне (там же). Теории социальных сетей и социального капитала указывают на важность учета социальных отношений в рамках изучения миграции (Massey et. al 1993: 448). Своеобразным объединением разных подходов является теория push-pull (толкать-притягивать) факторов, которая исходит из предпосылки о том, что решение о миграции связано с четырьмя типами факторов: связанными с местом исхода (выталкивающие факторы), с местом назначения миграции (притягивающие факторы), факторами-препятствиями, возникающими в процессе переезда (intervening obstacles) и личными факторами (факторы, связанные с текущим статусом или отдельной частью жизненного цикла) (Lee 1966: 50). По мнению автора «push-pull» теории миграции, решения о миграции не являются сугубо рациональными, совершаются не обособленно отдельным индивидом, факторы миграции разделяются на объективные и субъективные, при анализе у исследователей есть возможность определить типы людей, которые одинаково реагируют на общие наборы характеристик населенных пунктов исхода и направления миграции, имеют схожие личные факторы.

Ряд исследований касаются изучения мотиваций врачей или факторов, стимулирующих врачей к переезду на периферию. Они производятся в странах, для которых актуальны аналогичные проблемы дефицита врачей в сельской местности и в отдаленных районах: Австралия (Han, Humphreys 2006; Humphreys et. al 2012; Stewart, Khadra 2009), Новая Зеландия (Yow, Garces-Ozanne, Audas 2015), США (Baer et. al 1998, Hancock et. al 2009), ЮАР (George et. al 2019). Анализ факторов, которые стимулируют и ограничивают миграцию, производится в качественном (Han, Humphreys 2006) и количественном дизайне (Humphreys et. al 2012; Stewart, Khadra 2009; George et. al 2019) по разным классификациям. Некоторые исследования фокусируются на отдельных факторах миграции врачей, таких как зарплата (Okeke 2014; George, Atujuna, Gow 2013), сельское происхождение (Hay et. al 2017), наличие возможностей для непрерывного профессионального образования (Stewart, Khadra 2009), размер и другие характеристики населенных пунктов (Humphreys et al. 2012). Другие анализируют совокупность факторов (Dubois, Nolte E., McKee 2005; Yow, Garces-Ozanne, Audas 2015; Mbemba, Gagnon, Hamelin-Brabant 2016), которые можно разделить на несколько групп: относительно положительные и отрицательные характеристики мест исхода и приема, факторы рабочего места, семейные факторы и личные характеристики. В рамках данного исследования обзор существующей литературы будет сконцентрирован на анализе материальных выплат как фактора миграции врачей на отдаленные территории и в сельскую местность.

Обзор существующей литературы

Проблема дефицита медицинских кадров не является уникальной характеристикой России и характерна для других стран (Harrison 1998). Соответственно, в ряде стран предпринимаются программные меры, способствующие его снижению.

Например, в Австралии в дополнение к годовой повышенной зарплате врачи, работающие в сельских территориях, также получают скидки на жилищно-коммунальное обслуживание, дополнительные ежегодные отпуска, финансирование курсов повышения квалификации, пенсию по выслуге лет ⁴. В отдельных районах страны действует также

---

⁴ Specialty spotlight: What's the Salary of a Rural Generalist in Australia?
<https://www.medrecruit.com/blog/rural-generalist-salary-australia/> (дата обращения 13.10.2022).

премия для медсестер за каждый год службы в сельской местности ⁵. В США действует государственная программа доплат врачам Medicare's Merit-based Incentive Payment System (MIPS), внутри которой заложены повышенные коэффициенты для расчетов бонусов к зарплате за работу на территориях с дефицитом медицинских специалистов ⁶. В рамках другой программы правительством США оказывается помощь в погашении образовательных кредитов для врачей, медсестер, работающих в сельских общинах, обозначенных как районы нехватки медицинских работников (отдаленные и сельские районы) ⁷. В ЮАР для найма врачей правительство поддерживает сельские надбавки в размере от 8 до 22% от базовой заработной платы (Mburu, George 2017).

Зарубежные исследования, анализирующие эффективность финансовых выплат или материальных доплат для решения проблемы дефицита медицинских кадров, выявляют очень противоречивые результаты. Часть исследований показывает положительные эффекты введения сельских надбавок: канадское исследование статистики трудоустройства врачей демонстрирует, что на трудоустройство врачей общей практики положительно повлияло установление повышенных зарплат в сельских и дефицитных районах при снижении зарплат в районах с избыточным числом медицинских работников (Dussault, Franceschini 2006). Напротив, на Филиппинах исследование мер, связанных с децентрализацией системы найма, увеличением зарплат и отменой системы распределения медицинских работников, показало негативные эффекты введенных изменений, так как местные органы власти не смогли закрыть дефицит медицинских работников даже с высоким уровнем зарплат (Flores et. al 2021). Исследование эффективности сельских надбавок в ЮАР демонстрирует, что программа имеет проблемы, связанные с несправедливым распределением сельских пособий и выделением нечетких критериев для определения понятия «сельский» (Mburu, George 2017). Поэтому для улучшения работы программы предлагается унифицировать и уточнить классификацию сельских медицинских учреждений.

Такие противоречивые выводы могут быть объяснены на основе результатов метаанализа статей, проведенного (Wilson et. al 2009), следующими причинами: материальные надбавки и денежные выплаты без дополнительных стимулов работают как инструмент привлечения и направлены на удовлетворение краткосрочных потребностей в найме, т. е. имеют временные эффекты. Для обеспечения долгосрочного эффекта и «удержания» врачей для работы на длительный срок они должны сочетаться с другими стимулами или с программами отбора по определенным характеристикам (например, опыту проживания на периферии) (Wilson et. al 2009).

Таким образом, опыт зарубежных стран во многом перекликается с российским: нет однозначного положительного ответа относительно эффективности действия программ,

---

⁵ Queensland Health. Remote Area Nursing Incentive Package (RANIP). https://www.health.qld.gov.au/__data/assets/pdf_file/0033/396078/qh-pol-217.pdf (дата обращения 13.10.2022).

⁶ Merit-Based Incentive Payment System (MIPS) <https://www.ama-assn.org/practice-management/payment-delivery-models/understanding-medicare-s-merit-based-incentive-payment> (дата обращения 13.10.2022).

⁷ NHSC Rural Community Loan Repayment Program <https://nhsc.hrsa.gov/loan-repayment/nhsc-rural-community-loan-repayment-program> (дата обращения 13.10.2022).

результаты зависят от специфики анализируемого региона, методов анализа, критериев эффективности и пр.

Подтверждая результаты зарубежных исследований о краткосрочном характере эффектов экономического стимулирования, российские авторы анализируют показатели числа вступивших в программу «Земский доктор», долю вышедших из Программы раньше срока отработки и долю врачей, которые остались после отработки.

При этом официальной общероссийской статистики по использованию программы «Земский доктор» нет. Оценки потоков по отдельным регионам и годам реализации Программы можно получить через отчеты по реализации государственной программы «Развитие здравоохранения» или в статьях, которые используют данные, полученные по индивидуальным запросам в региональные органы исполнительной власти, или результаты анкетных опросов соответствующей группы (Богатырева, Долгова 2016; Кинчагулова и др. 2018; Данилов, Литвинова, Загитова 2018).

Исследования показывают, что часть средств по Программе возвращается раньше срока отработки: в Воронежской области за 2012-2017 гг. 66 человек или 11,7% от общего числа переехавших по Программе расторгли договор до окончания времени отработки (Данилов, Литвинова, Загитова 2018), в Тюменской области данный показатель составляет 172 человека или 34,1% (Кинчагулова и др. 2018). Основными причинами досрочного расторжения договора называют приобретение жилья в другом населенном пункте (44,6%), карьерный рост в другой организации (13,7%), изменение семейного положения (9,5%), изредка – неудовлетворенность оплатой и условиями труда, взаимоотношениями в коллективе (Кинчагулова и др. 2018). При этом причины выхода из Программы различаются для разных мест отработки: для более отдаленных районов превалирует неудовлетворенность условиями жизни и быта в населенном пункте (Кинчагулова и др. 2018).

Желание остаться работать в населенном пункте после срока отработки также различается для разных районов: так, в среднем в Тюменской области около 35% опрошенных врачей заявили о желании остаться в данном населенном пункте, но в пристольном Тюменском районе этот показатель составляет 70% (Кинчагулова и др. 2019).

Важное обстоятельство – было ли участие в Программе основной причиной переезда для работы в сельской местности. По результатам анкетного опроса врачей, трудоустроившихся в медицинские организации Самарской области, превалирующая доля трудоустроилась в сельскую местность для получения средств по Программе (96,7%). При этом для многих из них также значимыми были факторы приобретения опыта работы (94,5%), желания работать в благоприятных условиях окружающей среды (84,5%) и возможностей карьерного роста (72,2%) (Сиротко, Богатырева, Корендясов 2015). Аналогичный анкетный опрос в Тюменской области показал, что в области в целом 50% опрошенных назвали программу «Земский доктор» как единственную причину, которая повлияла на принятие решения о трудоустройстве в сельскую местность, интересно, что для Тюменского муниципального района этот показатель составляет 75% (Брынза и др. 2017; Кинчагулова и др. 2018). Для всей Тюменской области 25% опрошенных заявили о независимости их переезда и получения средств (для Тюменского района эта доля составляет 10%), остальные респонденты имели несколько мотиваций к переезду или являлись целевиками, что означало сочетание мотиваций с отработкой целевого направления. В качестве выталкивающих факторов называются отсутствие жилья (32,6%),

неудовлетворенность зарплатой (25,3%), существенно меньшее значение имеют профессиональные (отсутствие карьерного роста и взаимоотношения в коллективе) и средовые (неудовлетворенность населенным пунктом (6,9%)) характеристики.

Опрос студентов Удмуртского государственного университета показал, что 11,2% опрошенных планируют принять участие в программе «Земский доктор», из них всего 15,7% студентов ответили, что получение средств – основная причина таких планов (Шепелева, Корнеева, Ямщикова 2019). Одновременно основные мотивы отказа от участия в программе связаны с длительным сроком отработки (68,4%), нежеланием менять городские условия проживания на сельские (28,6%), низкое материальное оснащение районных больниц (25,2%), отсутствие перспектив в карьерном росте (22,4%) (Шепелева, Корнеева, Ямщикова 2019).

Мотивационные составляющие жизни молодых врачей, проживающих и работающих на селе, и их профессиональная идентичность подробно описаны в работе К. Галкина (2018), где показана высокая роль взаимодействия с местным сообществом, которое стимулирует поддержание профессионализма у врача и мотивацию остаться работать в селе/малом городе. Кроме того, показано, что удержание врача с городским бэкграундом для работы по Программе связано с наличием ориентации на восприятие своей профессии как помогающей в сочетании с постепенной интеграцией в сельскую жизнь, в том числе за счет дополнительных программ получения жилья (Галкин 2020).

Анализ социально-демографических характеристик врачей, участвующих в Программе, показывает, что большая доля участников Программы – молодые женщины (средний возраст 30-35 лет) (Кинчагулова и др. 2018; Гридасов, Бутолин, Богатырева 2014; Кинчагулова и др. 2019), находящиеся в браке и имеющие детей (Гридасов, Бутолин, Богатырева 2014; Кинчагулова и др. 2019).

Как было указано ранее, ограничением описанных выше исследований является разрозненность анализа – отсутствие объединения мотиваций и социально-демографических характеристик в единую модель, что не позволяет объяснить возникающие проблемы. Цель данной работы рассмотреть стратегии переезда по Программе.

Данные и методы

Данное исследование является частью большого проекта по изучению проблемы дефицита медицинских кадров в отдаленных территориях и сельской местности. В мае-декабре 2021 г. было собрано 71 биографическое интервью с врачами, трудоустроившимися в периферийные муниципальные образования Центрального федерального округа (далее - МО ЦФО) за последние 10 лет, из которых 18 имели опыт участия в программе «Земский доктор», а также 30 экспертных интервью с представителями региональных исполнительных органов государственной власти здравоохранения (главными врачами, руководителями и специалистами кадровых служб и административными работниками медицинских учреждений).

Выборка была реализована в логике максимальной вариации нарративов и характеристик респондентов для приближения к описанию всей палитры факторов, стратегий миграции (Штейнберг 2009: 71). Для этого на первой стадии были отобраны

регионы, которые по определённым признакам существенно различаются друг от друга. В соответствии с логикой анализа миграции врачей были выделены следующие признаки:

- территориальное положение: близость к Москве (наличие/отсутствие границ с Московской областью и Москвой) как центру аттрактивности для значительного числа мигрантов вне зависимости от принадлежности к профессиональной группе (Карачурина 2022), макротерриториальное положение – регионы Черноземья или Нечерноземья, различающиеся природно-климатическими условиями и системой расселения, оказывающей влияние на размещение медучреждений и общую связанность пространства (Ковалев 2003);
- социально-экономическое положение: уровень развитости региона и специализация в соответствии с типологией ⁸;
- наличие или отсутствие в регионе медицинского вуза.

На второй стадии для отбора медицинских учреждений в муниципальных образованиях регионов был использован подход, аналогичный выбору регионов. Мы стремились включить в выборку врачей, работающих в разных по характеристикам населённых пунктах и медицинских учреждениях:

- разный *тип* муниципальных образований: городские округа, муниципальные округа, городские поселения муниципальных районов, сельские поселения муниципальных районов, населённые пункты разной людности;
- расположение медицинского учреждения: разные типы населённых пунктов по локации медицинских организаций в рамках центропериферийного континуума (например, в «центральных» пристоличных районах, близких к региональному центру; в наиболее далеких от регионального центра данного региона и других регионов – «глубинке». Показателем периферийности в нашем исследовании в соответствии с логикой, выдвинутой Т.Г. Нефедовой (2010), служит физическая удаленность от некоторого центра – столицы государства, региона, большого или любого города);
- размер медицинских учреждений (по числу врачей);
- дополнительные факторы, выделяющие данный населённый пункт и медицинское учреждение среди других: туристическая привлекательность, наличие в районе «сильного» производства, приграничное положение, наличие дополнительных мер поддержки врачей, численность работников с иностранными дипломами (на основе информации, предоставленной на сайтах медицинских учреждений).

В итоге реализации полевого этапа исследования были собраны интервью с информантами из 9 регионов ЦФО: Тверской, Владимирской, Ивановской, Костромской, Московской, Калужской, Белгородской, Воронежской и Липецкой областей. Врачи из 13 учреждений были опрошены тет-а-тет в ходе экспедиционных выездов, из 5 учреждений – онлайн-методами с использованием телефонной связи либо инструментов видеоконференций (Skype, ZOOM). Для сохранения анонимности медицинских учреждений, представители которых приняли участие в исследовании, их название и

---

⁸ Голяшев А.В., Григорьев Л.М. (2014). *Типы российских регионов: устойчивость и сдвиги в 2003-2013 годах*. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации.
<https://ac.gov.ru/files/publication/a/4363.pdf> (дата обращения 20.01.2023)

местоположение не раскрывается, но задачи максимальной вариативности признаков, описанные выше, были выполнены.

Сбор данных с применением административного ресурса, с одной стороны, позволил получить доступ к сложнодоступному полю, а с другой – мог способствовать усилению социальной желательности ответов информантов (Paulhus 2017). Опрос разных категорий стейкхолдеров (врачей разных категорий, кадровые службы, администрации), получение разных точек зрения, обсуждение «тонких» мест и проблематизация Программы, а также применение техник снижения социальной ожидаемости ответов позволили нивелировать данное ограничение исследования.

Использование метода глубинных биографических интервью позволило получить широкий набор мотивов переезда, проанализировать комплексную картину стратегий переезда по программе «Земский доктор». Интервью проводили по полуструктурированному гайду, который состоял из вопросов про жизненный путь информанта с параллельным раскрытием мотивации и опыта участия в Программе. Среднее время интервью – 40 минут. Экспертные интервью с главными врачами, руководителями и специалистами кадровых служб были собраны для подтверждения полноты описания стратегий на основе получения взгляда «со стороны», а также получения оценок распространенности и степени удержания врачей – участников Программы.

Анализ и кодирование интервью произведены в программе ATLAS.TI. На первом этапе было осуществлено открытое тематическое кодирование биографических интервью с врачами-участниками и экспертных интервью, далее полученные коды объединены в группы (субкоды). Таким образом, были выявлены ключевые выталкивающие и притягивающие факторы и мотивы миграции, социально-демографические характеристики тех, кто переезжает, миграционные намерения, а также характеристики текущего места работы и места жительства, общие проблемы и механизмы работы программы «Земский доктор». На втором этапе в процессе осевого кодирования биографических интервью мотивы миграции были объединены с социально-демографическими характеристиками и контекстными переменными (характеристиками места исхода и места проживания и работы) для составления стратегий переезда врачей по программе «Земский доктор».

Факторы-препятствия, возникающие в процессе переезда по программе «Земский доктор»

В данном разделе кратко описаны факторы-препятствия, возникающие в процессе переезда (intervening obstacles): палитра всех сложностей, которые выделяли информанты и эксперты, как проблемы при совершении переезда по программе «Земский доктор», так и те обстоятельства, которые облегчали участникам программы преодоление соответствующих трудностей.

Первым выделенным фактором стали организационные вопросы участия в Программе: сложности оформления документов, необходимость соблюдения сроков подачи, непрозрачность действий Программы и процесса участия в ней, непонятность и неотлаженность процесса отбора для участия в программе, разные условия взаимодействия «больница – региональный минздрав» – сложность взаимодействия и поддержки в решении проблем.

Информанты говорят о том, что активность и координированность действий проводников этой Программы на уровне учреждений (кадровых служб и администрации), а также региональных властей позволяет решить большинство организационных вопросов, осложняющих процесс переезда. Существовавший в советское время институт распределения специалистов после окончания вузов способствовал тому, что кадровые службы медицинских учреждений в СССР выполняли в основном делопроизводственную и отчетную функцию. Однако современные условия открытого рынка труда и конкуренции за дефицитных специалистов требуют от сотрудников этих служб реальной активной работы по поиску и развитию человеческих ресурсов (HR – human resources): поиска и подбора персонала, сопровождения в процессе переезда и обустройства в новом населённом пункте, поддержки и развития персонала в период работы. Анализ отдельных кейсов показывает, что активная позиция и деятельность кадровых служб медучреждений, использование наработок из бизнес-структур могут стимулировать врачей для участия в Программе и трудоустройства в периферийные МО. В части учреждений сотрудники кадровых служб уже перестроились, в большей части других, исследованных нами – нет.

«Вот [руководитель кадровой службы ред.], когда она встала у нас в отдел кадров, она в этом плане очень подкованная, моментом все оформлялось. Просто скинули мне на карту деньги, я подписал договор» – врач, межрегиональный мигрант.

«Нашим властям ничего не нужно, они ничем не помогают, всего сами люди добиваются, все документы оформляют. Ничем они не помогают» – врач, жен., невропатолог, земский доктор.

Аналогично выделенным Э. Ли и его последователями факторам-препятствиям, в качестве важного фактора, осложняющего переезд, информанты выделяют дистанцию от места-исхода до места вселения. Стремясь к минимизации влияния этого фактора, участники Программы выбирают территориально более близкие населенные пункты, что способствует проблеме перераспределения кадров внутри периферии: для получения средств зачастую выбирается трудоустройство в соседнем районе или регионе. В более выгодном положении находятся населенные пункты, расположенные в транспортных узлах, на федеральных дорогах, на расстоянии приблизительно одно-, максимум двухчасовой доступности от крупного населенного пункта. Информанты подчеркивают, что хорошая достижимость крупного города может компенсировать другие не вполне привлекательные характеристики населённого пункта работы: его маленький размер, отсутствие инфраструктуры, магазинов, досуговых точек и др.

Удерживающими от участия в Программе и осложняющими переезд являются издержки, связанные с необходимостью организации жизни в новом месте (они более высокие у врачей, которые переезжают с семьёй). В них включаются поиск жилья, трудоустройство супруга/супруги, устройство в дошкольные и школьные учреждения. Опыт опрошенных информантов показывает, что содействие кадровых служб или администрации учреждений, наличие дополнительных программ по предоставлению жилья и помощи в переезде организации жизни супруга/супруги и детей, наличие социальных связей, снижают данные трудности переезда и делают его более желанным и приятным для информантов.

«Садик дали, садик в профкоме без проблем. Потом я попала к начальнику образования [звучит ФИО, ред.], с её помощью».

– И решился вопрос со школой?

– Да, не сразу, но она решила, да, это к ней ещё попасть надо (смеётся)» – врач, жен., терапевт, межрегиональный мигрант.

Выделенные факторы-препятствия, которые возникают в процессе переезда по программе «Земский доктор» во многом совпадают с факторами, действующими для внутрироссийской миграции, а также и для миграции врачей в целом (переезжающих не только по Программе), только организационные факторы работают сугубо для Программы.

Стратегии миграции врачей по программе «Земский доктор»

Использование теории push-pull факторов к анализу мотиваций участия в Программе позволило комплексно рассмотреть процесс участия в Программе с точки зрения биографий врачей – участников Программы; объединить внутри выделенных стратегий мотивации к участию в Программе, сопутствующие им мотивации к выбору данного населенного пункта и медицинского учреждения (факторы миграции) и социально-демографические характеристики врачей-участников и дальнейшие миграционные намерения (таблица). Основаниями для выделения стратегии стали мотивации к переезду. Классификацию стратегий производили в 2 этапа: сначала врачи – участники Программы были разделены на тех, для кого первичным фактором выбора населенного пункта и медицинского учреждения стало участие в Программе, и на тех, для кого участие в Программе стало дополнительным бонусом. Далее внутри каждой из групп были выделены дополнительные мотивации (факторы), которые определили переезд в конкретный населенный пункт. Для данных групп были описаны соответствующие социально-демографические характеристики и миграционные намерения.

Пользователей программы «Земский доктор» можно разделить на 2 категории:

- 1) врачи, главным мотивом переезда для которых является получение финансовых средств (готовы переехать и трудоустроиться только в случае их участия в «Земском докторе»);
- 2) врачи, ключевой мотив переезда которых не связан с «Земским доктором», участие в этой Программе является для них дополнительным бонусом.

В первом случае Программа является инструментом привлечения специалистов, во втором – инструментом удержания, закрепления специалиста на данном месте работы.

«Тут разные есть [участники программы «Земский доктор», ред.]. Есть которые после окончания института выбрали нас, устроились. Есть выходцы из наших территорий, они вернулись как бы на свою родину, есть которые переехали из других регионов» – эксперт, представитель администрации учреждений, главный врач.

Врачи из первой обозначенной категории, для которых программа «Земский доктор» была главной движущей силой переезда и работы в соответствующем населенном пункте, имеют 2 основные мотивации получения денежных средств:

- необходимость быстрого решения временных материальных проблем и трудностей (заккрытие ипотеки, долгов);

- получение стартового капитала для обоснования и переезда в ЦФО, в желаемый населенный пункт или для осуществления «побега» по личным или профессиональным причинам.

Опишем процесс выбора населенного пункта и социально-демографические характеристики участников Программы для каждой выделенной мотивации.

Таблица. Классификация стратегий миграции врачей по программе «Земский доктор»

Мотивация участия в программе	Доминирующее направление мобильности	Социально-демографические характеристики участников	Миграционные намерения	
Первичная причина выбора населенного пункта – участие в программе	(А) «стартовый капитал» для переезда в миграционно привлекательный населенный пункт или регион	восходящая	семейные, молодой возраст	высокий уровень закрепления в населенном пункте
	(Б) желание решить временные материальные трудности, сделать крупные покупки	горизонтальная, маятниковая миграция	одинокие или семья остается в месте исхода	низкий уровень закрепления в населенном пункте
	(В) «побег» по личным или профессиональным причинам	нисходящая	одинокие, в разводе, среднего возраста, чаще мужчины	высокий уровень закрепления в населенном пункте
Участие в программе – дополнительный бонус при переезде	(Г) отработка целевого направления (до 2016 г.)	нисходящая	молодые возраста (24-27 лет), одинокие	средний уровень закрепления в населенном пункте
	(Д) возвращение в родной населенный пункт по семейным причинам,	нисходящая	молодые возраста: женатые мужчины с детьми, разведенные женщины с детьми средний, предпенсионный возраст, одинокие	высокий уровень закрепления в населенном пункте
	(Е) «миграция вслед» за супругом/супругой	любая	женщины, замужем, в возрасте 24-35 лет, с детьми	низкий уровень закрепления в населенном пункте

Источник: Составлено автором по материалам интервью с информантами.

Так, средства, полученные по Программе, могут использоваться в качестве стартового капитала среди врачей, переезжающих с семьей и детьми дошкольного возраста. Нередко это происходит в ситуации, когда оба супруга – доктора или работники медицинской сферы, так как это позволяет получить двойную выплату на семью.

Для трудоустройства такие участники Программы выбирают привлекательные с общемиграционной точки зрения регионы и районы ЦФО: Московскую, Белгородскую

области, районы, ближайшие к региональным центрам, районы с выгодным географическим положением (не более одного часа от крупных региональных центров), районы субъектов РФ, граничащие со столичными регионами. Если разделять участников в соответствии и с их местом исхода, данная стратегия наиболее востребована у следующих категорий мигрантов:

- внутрироссийские мигранты из северных, дальневосточных регионов России;
- внутрироссийские мигранты из более бедных регионов в более социально-экономически развитые и миграционно привлекательные;
- внутрирегиональные мигранты из более маленьких населенных пунктов в более крупные и миграционно привлекательные;
- международные мигранты (при условии наличия или получения гражданства РФ).

«А переезд мой был обусловлен из-за климатических условий, ну там, соответственно, район Крайнего Севера, проблемы со здоровьем у детей» – врач, психиатр, муж., межрегиональный мигрант.

«Мы с семьёй были заинтересованы в улучшении материальных и трудовых условий, поэтому мы по этой программе искали, где нужен педиатр. И вот мы приехали [из республики Дагестан, ред.]. Вариантов было много» – врач, терапевт, жен., межрегиональный мигрант.

«...У нас была терапевт, она по этой программе [«Земский доктор»] переехала из села в соседний районный центр, то есть человек, считается, из худших условий переехал в лучшие и получил там миллион или полтора, не знаю сейчас» – эксперт, представитель администрации учреждений, главный врач.

Миграционные намерения представителей данной группы зависят от их возможностей адаптироваться к жизни в новом населенном пункте или регионе. Чаще всего степень удержания на месте у них достаточно высокая, так как эта стратегия миграции связана со стремлениями улучшить среду, качество жизни для семьи и детей, а связи с предыдущим местом проживания нарушены (продано жилье, совершен переход в новую школу, отсутствуют родители или их перевезли с собой). Иногда «периферия» становится «трамплинной зоной», после отработки срока договора мигранты уезжают в более центральные, столичные и крупные населенные пункты.

Похожей мотивацией участия в Программе обладают врачи, которые вынуждены уехать из предыдущего места проживания из-за семейных проблем и необходимости освобождения жилплощади или по причине профессиональных конфликтов и невозможности продолжения работы на предыдущем месте. Чаще всего представителями данной стратегии миграции являются одинокие мужчины среднего и предпенсионного возраста в разводе. Они отличаются высоким уровнем закрепления, часто заводят новые семьи.

«Первая семья у меня в Москве осталась. Жизненные обстоятельства сложились так, что я уехал сюда в деревню. И здесь уже обзавёлся новой семьёй» – врач, стоматолог, муж., межрегиональный мигрант.

Другой группой участников Программы, заинтересованных прежде всего в получении средств, являются врачи с мотивацией решения временных материальных трудностей, создания накоплений или совершения крупных покупок (жилье, машина, дача,

ремонт). Такие участники Программы зачастую переезжают временно из соседних районов/регионов, выбирают для переезда территориально близкий населённый пункт (горизонтальная или нисходящая внутрирегиональная миграция) или не меняют место жительства, а совершают ежедневные (или в ином оговоренном ритме) поездки на работу (маятниковая миграция).

«Главная цель – чтобы можно было пойти по «Земскому доктору», но никуда не переезжать, жить в [столица региона, ред.], ездить каждый день. Если бы больше 100 км надо было бы ездить, не пошёл» – врач, муж., хирург, маятниковая миграция.

Временный характер трудностей и сфокусированность на получении средств при отсутствии других мотиваций ощутимо снижают уровень удержания данных категорий участников Программы в населённом пункте после отработки.

«К сожалению, сейчас больше приезжих, но ещё раз скажу: да, через 5 лет, скорее всего, это будет проблемой, потому что вряд ли кого-то из них тут будет что-то держать кроме, вот, “Земского доктора”» - врач, заведующий отделением, муж., вернувшийся в родной населённый пункт

Вторая категория бенефициаров Программы – врачи, для которых основным фактором переезда не являлось участие в «Земском докторе», но они приняли участие в Программе, так как соответствовали критериям получения. Часто участие в Программе не инициируется самими врачами: им предлагают поучаствовать заинтересованная в них администрация учреждения, коллеги и др.

«Я в любом случае сюда бы приехала. В моем случае – это [участие в программе, ред.] стало приятным бонусом, от которого я, естественно, не отказалась. И перспектива того, что мне нужно отработать 5 лет и ни шага в сторону, меня несколько не испугала» – доктор, терапевт, жен.

В результате анализа удалось выделить несколько мотиваций, которые являются причиной переезда и «сопутствуют» участию в Программе:

- отработка целевого направления (до 2016 г.);
- возвращение в родной населённый пункт по семейным причинам;
- «миграция вслед» за супругом/супругой.

До ограничений, введенных в 2016 г., студенты, вернувшиеся для отработки целевого направления, имели право на получение средств по программе «Земский доктор». С мая 2022 г. выплаты данной группе возможны только при условии снижения показателя укомплектованности кадрами в данной ЦРБ ниже 60%. Социально-демографические характеристики данной группы получателей: молодые, чаще одинокие врачи (вступление в брак – неофициальный повод избежать отработки по целевому направлению).

Многие врачи, которые после работы или обучения в другом населённом пункте возвращаются для жизни и работы в свой родной населённый пункт, также считают участие в Программе вторичным фактором переезда. Это чаще всего женщины в разводе с детьми, молодые семьи с детьми или одинокие выпускники медицинских вузов из семей с низким материальным достатком, у которых есть доступное жилье в данном населённом пункте и/или потребность в получении межпоколенческих трансфертов или помощи в уходе за

детьми. К данной группе также относятся врачи, переезжающие в предпенсионном возрасте для осуществления ухода за пожилыми родителями.

Хотя мотивация участия в Программе не является основной для данной группы, анализ показывает, что получение средств было востребовано ими и сыграло важную роль в закреплении специалистов в периферийном населённом пункте, так как дало возможность улучшить жилищные условия, обосноваться в родном населённом пункте и в целом получить материальную поддержку со стороны государства в качестве дополнительного бонуса. Зачастую это придает вынужденному возвращению в родной населённый пункт позитивную окраску. Среди руководителей учреждений и региональных органов власти распространено мнение, что целевые студенты уже получили свою меру поддержки в виде бесплатного обучения и этого достаточно. Однако, как показывает анализ, для удержания на работе и сохранения мотивации работника этого недостаточно. В данном случае это люди, для которых переезд даже в «родной» населённый пункт сопряжен с издержками. После долгого перерыва на учебу они возвращаются для жизни в родном населённом пункте, что сопряжено с необходимостью смены места жительства с более крупного населённого пункта на более маленький, поиска жилья (отличного от родителей), налаживания быта. Поэтому для них получение средств по программе «Земский доктор» является важным дополнительным аргументом для удержания.

«Уходят [про целевиков].

– В другие города?

– Регионы, другие больницы, да. Да. И поэтому те, кто приходит, изъявил желание здесь работать, они видят, какой объем работы на их плечи ложится. Это просто невыносимо (расстроено). Через какое-то время ищут себе лучшие условия, возможности для участия в «Земском докторе» и уезжают. Сами понимаете, рыба – где глубже, а человек – где лучше» – эксперт, представитель администрации учреждений, главный врач.

Данная группа является одной из самых эффективных с точки зрения полноты отработки срока по договору и дальнейшего закрепления в регионе. Этому способствуют 2 причины. Во-первых, так как эта группа ориентирована на проживание в населённом пункте (по мотивам, описанным выше), финансовые средства Программы они тратят на покупку жилья в том населённом пункте, где находится медицинское учреждение. Во-вторых, данная группа более адаптирована к жизни в данном населённом пункте: чаще всего имеет налаженные социальные связи (семью, родителей, друзей), готова к соответствующему образу жизни и др.

«Когда встал вопрос приобретения жилья, думали, где: в [региональном центре, ред.] или в [месте работы, ред.]. Выбрали [место работы, ред.], потому что здесь знакомых больше, всё налажено, понятнее, проще и в принципе заработная плата неплохая была» – доктор, психиатр, жен.

Ещё одним мотивом «сопутствующего» участия в Программе является миграция «вслед» за супругом/супругой, которые, как правило, работают на должностях, предполагающих ротацию (военные, судебные органы и др.).

Представителями данной стратегии являются чаще всего женщины в возрасте 24-35 лет, что совпадает с текущими трендами наиболее активных «брачных» возрастов с

поправкой на возраст выпуска из медицинских вузов (Щербакова 2020). При этом у таких врачей низкий уровень удержания, так как чаще всего пребывание в населённом пункте рассматривается как временное и у врача низкий интерес вкладываться в покупку жилья.

«Мужа сюда перевели, и я приехала с ним, мне в кадровой службе предложили миллион. Мы согласились, конечно, но не тратим, так как боимся, что сорваться придется в любой момент» – врач, терапевт, жен.

Выводы и дискуссия

Анализ серии биографических интервью с врачами – участниками программы «Земский доктор» и экспертных интервью с представителями администрации и кадровых служб медицинских организаций позволил объединить внутри стратегий миграции: 1) мотивацию к участию в Программе; 2) мотивацию к переезду; 3) направления переезда; 4) социально-демографические характеристики; 5) дальнейшие миграционные намерения, а также исследовать универсальные для стратегий факторы-препятствия, которые осложняют процесс переезда участников Программы. Такой системный взгляд на причины недостаточной эффективности Программы стал возможен благодаря применению подхода push-pull факторов Э. Ли.

Основной вывод исследования заключается в том, что, хотя программа «Земский доктор» представляет значимые финансовые стимулы для привлечения врачей для работы в периферийных муниципальных образованиях, участие в Программе не является достаточным условием трудоустройства, переезда врачей и их дальнейшего закрепления. Только в одной из 6 стратегий финансовая мотивация является основной для участия в Программе: она связана с наличием временных материальных трудностей или желанием сделать крупные покупки (стратегия Б). Однако решение этих «временных трудностей» в дальнейшем не удерживает врача для продолжения работы в данном населенном пункте, если ему не обеспечиваются достаточно комфортные условия работы и жизни. В этом случае врачи зачастую выходят из Программы раньше установленного срока отработки.

Для других 5 стратегий миграции врачей по программе «Земский доктор» получение денежных средств является дополнительной мотивацией к переезду и используется как стартовый капитал, дающий возможности обосноваться в населенном пункте. Такой мотивацией обладают врачи, переезжающие для улучшения качества жизни в миграционно привлекательные населенные пункты или регионы (стратегия А), либо врачи, вынужденные уехать из мест исхода по личным или профессиональным причинам (стратегия В), а также врачи, приезжающие для отработки целевого направления (стратегия Г) или возвращающиеся в родной населенный пункт (стратегия Д). Для последней группы участие в Программе (стратегия Е), чаще всего связано со случайным стечением обстоятельств, обусловленным вынужденным переездом врачей в населенный пункт, миграцией вслед за супругом/супругой.

Универсальными для всех стратегий дополнительными мотивациями участия в Программе могут быть наличие социальных связей в населенном пункте или в медицинском учреждении, наличие других бонусов или программ – предоставления жилья, помощь в устройстве детей и семьи, проактивность кадровых служб, администрации учреждений и органов государственной власти на региональном уровне.

Проведенный анализ демонстрирует, что финансовая поддержка, осуществляемая в рамках Программы, более эффективна в связке с описанными выше «притягивающими» и «выталкивающими» факторами. Данный вывод соотносится с результатами исследований условий эффективности финансовых мер поддержки, полученных в аналогичных зарубежных исследованиях (Wilson et. al 2009; Vujicic et. al 2004: 12; George, Atujuna, Gow 2013). Для российского исследовательского поля такая связь продемонстрирована, насколько нам известно, впервые. В формулировании этого ключевого вывода видится также важное практическое значение настоящего исследования, которое связано с пониманием того, что может являться дополнительными стимулами для участия в Программе и переезда на периферию. Возможные «потребности» врачей могут быть основаны на описанных выше нематериальных факторах участия в Программе и способах снижения воздействия факторов-препятствий, возникающих в процессе переезда.

Заметим, что качественный дизайн нашего исследования определяет необходимость говорить об универсальности и распространенности стратегий лишь в качестве гипотез. Однако включение в исследование опыта нескольких регионов, разных населенных пунктов и разных медицинских учреждений (выборка максимальной вариации) показывает устойчивость выделенных моделей и применимость результатов. Дальнейшим развитием исследования предполагается тестирование выделенных стратегий на количественном уровне и в других страновых и региональных контекстах.

Литература

- Андреева Е.А., Карачурина Л.Б. (2021). Стратегии миграции врачей в периферийные муниципальные образования (на примере Тверской области). *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3, 316-338. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1725>
- Богатырева М.Д., Долгова И.В. (2016). Реализация программ «Земский доктор» и «Сельский фельдшер» в Алтайском крае как одно из ключевых направлений по повышению доступности первичной медико-санитарной помощи сельскому населению. *Обязательное медицинское страхование в Российской Федерации*, 2, 34-39.
- Брынза Н.С., Горбунова О.П., Сунгатуллина, Л. А., Кинчагулова, М. В., Литвинов, И. С., Суханова, Т. В. (2017). Исследование факторов мотивации участников программы «Земский доктор» в Тюменском муниципальном районе. *Медицинская наука и образование Урала*, 18(1), 88-91.
- Галкин К.А. (2018). Карьерные стратегии молодых сельских врачей ленинградской области: нарративный анализ. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 1 (33), 158-167. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-1-158-167>
- Галкин К.А. (2020). Все прелести сельской жизни? Типы профессиональной идентичности молодых врачей, работающих в сельской местности. *Журнал исследований социальной политики*, 18(2), 175-190.

- Гридасов Г.Н., Бутолин Д.С., Богатырева Г.П. (2014). Об эффективности реализации программы «Земский доктор» на территории Самарской губернии. *Управление качеством медицинской помощи*, 2, 6-15.
- Данилов А.В., Литвинова Т.Д., Загитова В.А. (2018). Итоги реализации программы «Земский доктор» на территории Воронежской области за 2012-2017 годы. *Прикладные информационные аспекты медицины*, 21(1), 24-32.
- Карачурина Л.Б. (2022). Урбанизация или субурбанизация определяет миграцию населения в Московской области? *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*, 67(2), 360-381. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.208>
- Кинчагулова М.В., Брынза Н.С., Горбунова О.П., Решетникова Ю.С. (2018). Результаты реализации программы «Земский доктор» в Тюменской области. *Здравоохранение Российской Федерации*, 62(6), 289-294. http://dx.doi.org/10.18821/0044-197X-2018-62-6-289-294_289
- Кинчагулова М.В., Брынза Н.С., Горбунова О.П., Сунгатуллина Л.А. (2019). Мотивация участников программы «Земский доктор» в Тюменской области и оценка их удовлетворенности условиями труда и жизни в сельской местности. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*, 27(2), 158-162. <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2019-27-2-158-162>
- Кобзева Т. А. (2011). Землеустроительные мероприятия земских учреждений в контексте столыпинской аграрной реформы в начале XX в. (на материалах Симбирской губернии). Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. *Вопросы теории и практики*, (2-2), 90-92.
- Ковалев С.А. (2003). *Избранные труды*. Смоленск: Ойкумена.
- Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. (2020). Почему люди уезжают из одних регионов и приезжают в другие: мотивы межрегиональной миграции в России. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 5(159), 130-153. <http://dx.doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1619>
- Нефедова Т.Г. (2010). Костромская периферия в фокусе проблем периферийных районов России. *Регион: экономика и социология*, 8, 32.
- Райкова С.В., Максинев Д.В., Завьялов А.И. (2012). К истории становления и развития земской медицины и санитарного дела в Тамбовской губернии в конце XIX начале XX столетий. *Вестник российских университетов. Математика*, 17(2), 662-665.
- Сиротко М.Л., Богатырева Г.П., Корендясов П.П. (2015). Влияние миграции выпускников медицинского вуза на обеспеченность врачебными кадрами в Самарской области. *Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко*, 7, 82-93.
- Сорокина Т.С. (2010). Земская медицина приоритет России. *Земский врач*, 1, 7-10.
- Тарасенко Е.А., Хорева О.Б. (2016). Экономическое стимулирование для устранения дефицита медицинских кадров в сельских территориях. *Вопросы государственного и муниципального управления*, 4, 117-142.
- Чвикалов А.И. (2011). Земские врачи центрально-чернозёмных губерний во второй половине XIX-начале XX в.: служба и служение. Исторические, философские,

политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. *Вопросы теории и практики*, (7-1), 207-212.

Шепелева В.М., Корнеева В.А., Ямщикова Т.В. (2019). Оценка отношения студентов-медиков к Федеральной программе «Земский доктор». *Modern Science*, (12-2), 227-230.

Штейнберг И.Е. (Ред.) (2009). Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб.: Алетейя

Щербакова Е.М. (2020). Предварительные демографические итоги 2019 года в России (часть I). *Демоскоп Weekly*, 847-848.

<http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0799/barom01.php>

Astor A., Akhtar T., Matallana M.A., Muthuswamy V., Olowu F.A., Tallo V., Lie R.K. (2005). Physician migration: views from professionals in Colombia, Nigeria, India, Pakistan and the Philippines. *Social science & medicine*, 61(12), 2492-2500.

<https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2005.05.003>

Baer L.D., Ricketts T.C., Konrad T.R., Mick S.S. (1998). Do international medical graduates reduce rural physician shortages? *Medical Care*, 1534-1544.

De Haas H. (2010). Migration and development: A theoretical perspective. *International migration review*, 44(1), 227-264.

Dubois C.A., Nolte E., McKee M. (2005). *Human resources for health in Europe*. McGraw-Hill Education (UK).

Dussault G., Franceschini M.C. (2006). Not enough there, too many here: understanding geographical imbalances in the distribution of the health workforce. *Human resources for health*, 4(1), 1-16. <https://doi.org/10.1186/1478-4491-4-12>

Flores E.L.L., Manahan E.M.R., Lacanilao M.P.B., Ladaw I.M.B.T., Mallillin M.M.B., Mappatao N.T.Q., Pepito V.C.F. (2021). Factors affecting retention in the Doctors to the Barrios Program (Philippines) from 2012 to 2019: A Mixed Methods Study. *BMC Health Services Research*, 21, 1-11. <https://doi.org/10.1186/s12913-021-07219-0>

George A., Blaauw D., Thompson J., Green-Thompson L. (2019). Doctor retention and distribution in post-apartheid South Africa: tracking medical graduates (2007–2011) from one university. *Human Resources for Health*, 17, 1-9.

George G., Atujuna M., Gow J. (2013). Migration of South African health workers: the extent to which financial considerations influence internal flows and external movements. *BMC Health Services Research*, 13(1), 1-8. <https://doi.org/10.1186/1472-6963-13-297>

Han G.S., Humphreys J.S. (2006). Integration and retention of international medical graduates in rural communities: A typological analysis. *Journal of Sociology*, 42(2), 189-207.

Hancock C., Steinbach A., Nesbitt T.S., Adler S.R., Auerswald C.L. (2009). Why doctors choose small towns: a developmental model of rural physician recruitment and retention. *Social science & medicine*, 69(9), 1368-1376.

Harris J.R., Todaro M.P. (1970). Migration, unemployment and development: a two-sector analysis. Theories of migration. *The American economic review*, 60(2), 126-142.

Harrison M.E. (1998). Female physicians in Mexico: Migration and mobility in the lifecourse. *Social science & medicine*, 47(4), 455-468. [https://doi.org/10.1016/S0277-9536\(98\)00112-9](https://doi.org/10.1016/S0277-9536(98)00112-9)

- Hay M., Mercer A.M., Lichtwark I., Tran S., Hodgson W.C., Aretz H.T., Armstrong E.G., Gorman D. (2017). Selecting for a sustainable workforce to meet the future healthcare needs of rural communities in Australia. *Advances in Health Sciences Education*, 22, 533-551.
- Humphreys J.S., McGrail M.R., Joyce C.M., Scott A., Kalb G. (2012). Who should receive recruitment and retention incentives? Improved targeting of rural doctors using medical workforce data. *Australian Journal of Rural Health*, 20(1), 3-10.
- Iosifides T., Sporton D. (2009). Biographical methods in migration research. *Migration Letters*, 6(2), 101-108. <https://doi.org/10.33182/ml.v6i2.69>
- Lee E.S. (1966). A theory of migration. *Demography*, 3(1), 47-57.
- Massey D.S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E. (1993). Theories of international migration: A review and appraisal. *Population and development review*, 431-466.
- Mbemba G.I.C., Gagnon M.P., Hamelin-Brabant L. (2016). Factors influencing recruitment and retention of healthcare workers in rural and remote areas in developed and developing countries: an overview. *Journal of public health in Africa*, 7(2).
- Mburu G., George G. (2017). Determining the efficacy of national strategies aimed at addressing the challenges facing health personnel working in rural areas in KwaZulu-Natal, South Africa. *African Journal of Primary Health Care and Family Medicine*, 9(1), 1-8. <https://doi.org/10.4102/phcfm.v9i1.1355>
- Okeke E.N. (2014). Do higher salaries lower physician migration? *Health policy and planning*, 29(5), 603-614.
- Paulhus D.L. (2017). Socially desirable responding on self-reports. *Encyclopedia of personality and individual differences*, 1-5.
- Stewart G.D., Khadra M.H. (2009). The continuing medical education activities and attitudes of Australian doctors working in different clinical specialties and practice locations. *Australian Health Review*, 33(1), 47-56.
- Wilson N.W., Couper I.D., De Vries E., Reid S., Fish T., Marais B.J. (2009). A critical review of interventions to redress the inequitable distribution of healthcare professionals to rural and remote areas. *Rural and remote health*, 9(2), 1-21.
- Yow A., Garces-Ozanne A., Audas R. (2015). Carousel and conveyor belt: the migration of doctors in New Zealand. *Labour & Industry: a journal of the social and economic relations of work*, 25(3), 219-234.

Гендерные отличия чувства безопасности в школе у подростков 14-17 лет

Марина Сергеевна Вырская
(broma@bk.ru), Институт социального анализа и прогнозирования ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (ФГБОУ ВО РАНХиГС), Россия.

Gender differences in the feeling of the school safety among teenagers aged 14-17

Marina S. Vyrskaya
(broma@bk.ru), Institute for Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia.

Резюме: Представленная работа основана на данных, собранных в рамках специального исследования детского благополучия (весна 2022 г.) среди школьников восьми регионов страны. Автор выдвигает гипотезу, согласно которой чувство безопасности подростка связано с его гендером и в зависимости от гендера имеет разные предикторы. Гипотеза проверяется методом линейной регрессии на общей выборке и двух подвыборках – мальчиках ($n = 29\ 621$) и девочках ($n = 38\ 718$) в возрасте 14-17 лет. В результате анализа гипотеза подтверждается лишь отчасти: чувство безопасности в школе зависит от гендера подростка – мальчики ощущают себя в большей безопасности, чем девочки, однако прочие контроли не зависят от гендера. Так, наиболее значимыми факторами чувства безопасности в школе как для мальчиков, так и для девочек являются отношение одноклассников, буллинг, наличие близких друзей и здоровье респондента. Однако в случае с девочками большее значение для чувства безопасности имеет здоровье и наличие близких друзей, а в случае с мальчиками – буллинг.

Ключевые слова: чувство безопасности, школьная жизнь, подростки, детское благополучие, здоровье подростков, буллинг.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Вырская М. С. (2022). Гендерные отличия чувства безопасности в школе у подростков 14-17 лет. Демографическое обозрение, 9(4), 126-137. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16746>

Abstract: The presented work is based on data collected as part of the Child Wellbeing Survey (Spring 2022) among schoolchildren in eight regions of the country. The author puts forward a hypothesis according to which a teenager's sense of security is associated with his/her gender and, depending on gender, has different predictors. The hypothesis is tested by linear regression on the total sample and two sub-samples – boys ($n=29621$) and girls ($n=38718$) aged 14-17 years. As a result of the analysis, the hypothesis is only partially confirmed: the feeling of safety at school depends on the gender of the adolescent – boys feel more secure than girls, but other controls do not depend on gender. Thus, the most significant factors in the feeling of safety at school for both boys and girls are the attitude of classmates, bullying, the presence of close friends and the health of the respondent. However, in the case of girls, health and the presence of close friends are more significant for a sense of security, and in the case of boys – bullying.

Keywords: sense of safety, school life, teenagers, child wellbeing, adolescent health, bullying.

Funding: The article was prepared as part of the research project of the state task of the RANEPА.

For citation: Vyrskaya M. (2022). Gender differences in the feeling of the school safety among teenagers aged 14-17. Demographic Review, 9(4), 126-137. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16746>

Введение

Удовлетворенность «школьной жизнью» является одним из важных условий субъективного благополучия детей (Брук, Игнатжева 2021; Елисеева 2011; Карабанова 2019; Kutsar, Kasearu 2017). Она зависит от целого спектра разнообразных факторов: интерес к учебе и достижения, отношения с одноклассниками и учителями, комфортная атмосфера и условия обучения, наличие возможностей саморазвития и прочее. Проблема безопасности, также имеющая большое значение для удовлетворенности жизнью (González-Carrasco 2019; Lee, Yoo 2015; Sarriera, Bedin, Strelhow 2021), в контексте школы зачастую сужается до проблемы буллинга среди учеников, что вполне оправдано, поскольку позволяет проводить более предметные исследования и разрабатывать методы профилактики психологического и физического насилия (Бобровникова 2021; Рюмина 2021; Шабанова, Бычкова, Короткова 2021).

Однако мы полагаем, и наши данные это показывают, что проблема безопасности в школе не сводится к одному лишь буллингу. Более того, в зависимости от гендера буллинг имеет разную значимость для чувства защищенности. Когда мы просим подростков оценить по 5-балльной шкале, насколько безопасно они ощущают себя в школе, мы не знаем, какой смысл они вкладывают в понятие безопасности. Имеют они в виду физическую или психологическую безопасность (Nano, Aliaj, Beqiri 2021), какие факторы влияют на их ощущения. Поэтому оценивать уровень чувства безопасности лишь по одному вопросу и в целом по выборке некорректно, необходимо учитывать другие предикторы и в контексте гендерных отличий.

Концепт школьной безопасности включает в себя разные аспекты, такие как связь субъективного благополучия с чувством защищенности (Ražienė, Garckija 2013), проблема травли, насилия со стороны других детей (Kim et al. 2020; Korosov 2021; Zaplluzha, Shahini 2016) и учителей (Buranažoenkij et al. 2021), роль семьи, родительской поддержки в чувстве защищенности (Han 2021; Ramberg 2021), влияние чувства безопасности на другие сферы, например, на достижения в учебе (Ласое 2020) и др. Мы использовали эти и другие предпосылки при анализе проблемы чувства безопасности в школе среди мальчиков и девочек 14-17 лет.

Методика

Весной 2022 г. Центр полевых исследований ИнСАП РАНХиГС провел вторую волну онлайн-опроса о детском благополучии (первая волна проходила весной 2021 г. (Гарифулина, Ипатова 2021)). Опрашивали детей и подростков в возрасте 10-17 лет в школах восьми регионов (Алтайский край, Калининградская область, Ленинградская область, Республика Башкортостан, Республика Карелия, Тамбовская область, Ульяновская область и Ханты-Мансийский автономный округ-Югра). Выборку строили для каждого региона. Генеральной совокупностью являются дети и подростки, обучающиеся в школе, в возрасте от 10 до 17 лет, постоянно проживающие в выбранном регионе. Основа выборки – учащиеся второй (5-9 классы) и третьей (10-11 классы) ступеней общего образования государственных образовательных учреждений. Выборка внутри региона стратифицированная, в качестве страты выбирались муниципальный район и города регионального значения, из выборки исключены ЗАТО (закрытые административно-территориальные образования). Внутри страты производили случайный отбор на уровне школ с учетом принадлежности школы к муниципальному образованию. Отбор учащихся

внутри школ не производили (Калабихина, Ипатова, Rogozin 2022).

Ссылку на опрос передавали подросткам через их родителей или учителей. Информированное согласие участников собирали школы. Подростки заполняли анкету самостоятельно – в школе или дистанционно дома. Среднее время заполнения анкеты составило 12 минут. Размер итоговой выборки – 132 984 анкеты. Средний возраст участников опроса – 13,6 лет, стандартное отклонение – 1,86.

Одним из шести доменов наряду с доменами «Образование», «Здоровье», «Материальное благополучие», «Отношения» и «Самооценка» был домен «Безопасность», состоявший из табличного вопроса: «Насколько вы чувствуете себя безопасно в следующих местах? Оцените от 1 до 5, где 1 – чувствуете себя постоянно в опасности, а 5 – чувствуете себя абсолютно безопасно: 1). В школе, 2). На улице, 3). Дома». Мы выдвинули гипотезу, согласно которой чувство безопасности подростка связано с его гендером и в зависимости от гендера имеет разные предикторы. Иными словами, мы предположили, что у мальчиков и девочек чувство безопасности связано с разными факторами.

Гипотеза была проверена на примере субъективной оценки безопасности в школе. Для этого были отобраны респонденты в возрасте 14-17 лет, проживающие в семьях и обучающиеся в каком-либо учебном заведении – в школе, лицее, гимназии, в колледже, училище, в техникуме или где-то ещё. Размер подвыборки составил 68 339 наблюдений – 43% мальчиков и 57% девочек. Для проверки гипотезы был использован метод линейной регрессии. Модель оценивали методом наименьших квадратов в предположении независимых и одинаково распределенных остатков регрессии.

Зависимой переменной модели является шкала чувства безопасности в школе от 1 до 5, где 1 – постоянно в опасности, а 5 – абсолютно безопасно. Набор независимых предикторов состоит из вторичных переменных, перекодированных из вопросов анкеты. Были использованы вопросы, касающиеся непосредственно школьной жизни (отношение одноклассников, буллинг, оценки). Также мы предположили, что чувство безопасности в учебном заведении может быть связано с отношениями в семье (Ben-Arieh, McDonell, Attar-Schwartz 2009) и со взрослыми в целом, поэтому в модель были включены такие характеристики респондентов, как состав и размер семьи, оценка материального положения, отношения с родными (наличие ссор, скандалов, физических наказаний). Кроме того, мы сочли важным учесть критерии, которые могут влиять на самооценку и чувство защищённости респондента и также быть связанными с чувством безопасности в школе: хорошее здоровье, занятие спортом, наличие друзей, знание организаций, которые могут помочь в трудной жизненной ситуации. Подробное описание формирования независимых переменных см. таблицу П. Приложения.

Результаты

Для интерпретации количественных значений переменных использовали формулу: $\frac{b}{\bar{y}} * 100$, где b – это коэффициент и $\bar{y}$ – среднее по зависимой переменной. Среднее зависимой переменной по выборке в целом составляет 4,2, по подвыборке мальчиков – 4,3, по подвыборке девочек – 4,1.

Анализ модели (1) показывает (таблица), что мальчики чувствуют себя в школе на 3% более безопасно, чем девочки. Что касается возраста, то подростки 14, 15 и 16 лет (безотносительно гендера) чувствуют себя в школе менее безопасно, чем подростки 17 лет

(на 1,1-1,4%). Подростки, проживающие в городе, чувствуют себя менее безопасно в школе на 2,4%, чем подростки, проживающие в селе.

Наиболее значимым фактором чувства безопасности безотносительно гендера является отношение одноклассников – повышение оценки отношения одноклассников к респонденту улучшает его чувство безопасности на 7,6%. Кроме того, сильным фактором является частота, с которой на респондента кричат взрослые (это могут быть взрослые как дома, так и в школе): сокращение частоты криков взрослых повышает чувство безопасности подростка в школе на 2,6%. В то же время наличие ссор, скандалов дома понижает чувство безопасности в школе на 2,4%. Также для чувства безопасности в школе значим фактор буллинга – с увеличением видов травли, с которыми сталкивается респондент, его чувство безопасности снижается на 3,4%.

Хорошее здоровье также имеет важное значение для чувства безопасности в школе – дети, у которых нет никаких ограничений по здоровью, чувствуют себя на 4,4% безопаснее, чем имеющие ограничения по здоровью. Подростки, имеющие близких друзей, чувствуют себя безопаснее в школе на 3,9%, чем не имеющие друзей. Респонденты, учащиеся на четвёрки-пятёрки, чувствуют себя на 2,5% безопаснее в школе, чем респонденты с двойками-тройками. Если подростки знают организации, которые могут им помочь в трудной жизненной ситуации, они чувствуют себя на 2,5% более безопасно, чем незнающие такие организации.

Отношение одноклассников является самым значимым фактором чувства безопасности в школе как для мальчиков, так и для девочек – модели (2) и (3). При этом для девочек этот фактор важнее: при улучшении отношения к ним одноклассников (точнее, их оценки этого отношения) чувство безопасности увеличивается на 7,9% (у мальчиков на 7,3%). На втором месте по значимости среди мальчиков оказывается буллинг – с увеличением видов травли чувство безопасности в школе сокращается на 3,9%. Для девочек этот фактор так же значим – увеличение видов травли снижает чувство безопасности на 3,2%, однако для них более важен фактор здоровья: девочки, не имеющие ограничений по здоровью, чувствуют себя более безопасно в школе на 5,1%, чем имеющие ограничения. Для мальчиков, напротив, фактор здоровья менее значим: у здоровых мальчиков чувство безопасности выше на 3,4% по сравнению с имеющими ограничения.

Для чувства безопасности мальчиков фактор здоровья столь же значим, как и фактор наличия близких друзей: те, кто имеет друзей, ощущают себя безопаснее в школе на 3,4% по сравнению с теми, кто не имеет близких друзей. Для девочек же этот фактор более значим, он повышает чувство безопасности на 4,4%. Также для их чувства безопасности в школе более значим, чем для чувства безопасности мальчиков, фактор оценок: девочки, которые учатся на четвёрки и пятёрки чувствуют себя в школе безопаснее на 2,9%, чем девочки с двойками и тройками (у мальчиков – на 2%).

Влияние криков взрослых на чувство безопасности подростков имеет практически одинаковую значимость у мальчиков и девочек (сокращение частоты криков улучшает их чувство безопасности на 2,3-2,8%). Однако фактор ссор и скандалов дома более значим для девочек, чем для мальчиков (их наличие ухудшает чувство безопасности девочек на 2,9%, мальчиков – на 1,6%), а для мальчиков более значимым является фактор физических наказаний (сокращение частоты наказаний улучшает чувство безопасности мальчиков в школе на 1,7%, девочек – на 0,6%). Знание организаций, которые могут помочь в трудной

ситуации, повышает чувство безопасности среди девочек на 2,9%, среди мальчиков – на 2,1%.

Фактор места жительства более значим для чувства безопасности девочек: проживающие в городе чувствуют себя менее безопасно на 2,8%, чем проживающие в селе. Городские мальчики чувствуют себя менее безопасно на 1,6%, чем сельские. Фактор возраста более значим для чувства безопасности мальчиков: чем младше мальчики (14, 15, 16 лет), тем менее безопасно они себя чувствуют по сравнению со старшей, референтной группой (17 лет). У девочек наоборот: в самой младшей группе (14 лет) чувство безопасности практически не отличается от референтной группы (17 лет), а в средних группах (15-16 лет) чувство безопасности ниже, чем в референтной группе, на 1-1,2%.

Таблица. Модели линейной регрессии

Переменные	(1) Мальчики и девочки	(2) Мальчики	(3) Девочки
Константа	2,168	2,323	2,138
Мальчики	0,132*** (0,008)	- -	- -
14 лет	-0,057*** (0,011)	-0,092*** (0,017)	-0,029** (0,015)
15 лет	-0,059*** (0,011)	-0,076*** (0,018)	-0,048*** (0,015)
16 лет	-0,048*** (0,012)	-0,057*** (0,019)	-0,043*** (0,016)
Отношение одноклассников. 1 – плохо, 4 – хорошо	0,320*** (0,007)	0,314*** (0,010)	0,326*** (0,009)
Шкала буллинга от 0 до 6	-0,145*** (0,005)	-0,166*** (0,007)	-0,129*** (0,006)
Четверки-пятерки	0,103*** (0,007)	0,085*** (0,011)	0,117*** (0,010)
Количество посещаемых занятий от 0 до 8	0,024*** (0,004)	0,035*** (0,006)	0,017*** (0,005)
Есть близкие друзья	0,164*** (0,011)	0,144*** (0,016)	0,180*** (0,014)
Живёт с родными родителями	0,030*** (0,008)	0,030** (0,013)	0,027** (0,011)
Как часто взрослые повышают на вас голос, кричат? 1 – очень часто, 5 – никогда	0,108*** (0,004)	0,100*** (0,007)	0,114*** (0,006)
Как часто взрослые наказывают вас физически, применяют силу? 1 – очень часто, 5 – никогда	0,047*** (0,006)	0,073*** (0,009)	0,024*** (0,008)
Были ссоры, скандалы	-0,101*** (0,010)	-0,068*** (0,017)	-0,120*** (0,013)
Сколько человек живет с вами, включая вас?	-0,017*** (0,002)	-0,028*** (0,003)	-0,002 (0,003)
Город	-0,097*** (0,008)	-0,070*** (0,011)	-0,116*** (0,010)
Низкая оценка материального положения	-0,029* (0,017)	-0,052* (0,028)	-0,008 (0,022)
Ниже среднего оценка материального положения	0,036*** (0,010)	0,008 (0,015)	0,055*** (0,013)
Средняя оценка материального положения	0,020** (0,010)	0,018 (0,015)	0,023* (0,013)

Переменные	(1)	(2)	(3)
	Мальчики и девочки	Мальчики	Девочки
Занимается спортом	0,029*** (0,008)	0,033*** (0,013)	0,026** (0,011)
Хорошее здоровье (нет ограничений)	0,183*** (0,012)	0,148*** (0,019)	0,210*** (0,015)
Знает организации, которые могут помочь	0,106*** (0,010)	0,092*** (0,016)	0,119*** (0,014)
R-квадрат	0,196	0,182	0,200

Примечание: Зависимая переменная: Чувство безопасности в школе, оценка от 1 до 5, где 1 – постоянно в опасности, 5 – абсолютно безопасно. Уровни значимости: *** – $p < 0,01$; ** – $p < 0,05$; * – $p < 0,10$.

Дискуссия

Мы выдвигали гипотезу, согласно которой чувство безопасности подростка связано с его гендером и в зависимости от последнего имеет разные предикторы. Представленные результаты подтверждают нашу гипотезу лишь отчасти. Чувство безопасности в школе действительно связано с гендером подростка – мальчики ощущают себя в большей безопасности, чем девочки, однако прочие контроли не зависят от гендера. Так, наиболее значимыми факторами чувства безопасности в школе как для мальчиков, так и для девочек являются отношение одноклассников, буллинг, наличие близких друзей и здоровье респондента. Вместе с тем в случае с девочками большее значение для чувства безопасности имеет здоровье и наличие близких друзей, а в случае с мальчиками – буллинг.

Возможно, это связано с тем, что девочки более уязвимы, чем мальчики, когда у них есть ограничения здоровья, т. е. когда они чувствуют себя физически слабее. Нужно отметить, что девочки в целом чаще мальчиков отвечают, что у них есть какие-то ограничения по здоровью (ст. ост. (стандартизованный остаток) 3,9), или затрудняются ответить на этот вопрос (ст. ост. 9,2). Что касается вопроса о наличии близких друзей, то мы не обнаруживаем здесь статистически значимых отличий между мальчиками и девочками – абсолютное большинство обеих групп указывает наличие друзей. Вероятно, девочкам для чувства защищённости более важно, чем мальчикам, быть с кем-то рядом, иметь человека, которому можно доверять. Интересно, что, хотя девочки статистически чаще мальчиков сталкиваются с каким-либо проявлением буллинга (ст. ост. 7,8), для их чувства безопасности в школе этот фактор менее значим, чем для мальчиков.

Полученные результаты имеют ряд ограничений. Во-первых, строго говоря, мы не можем репрезентировать результаты на генеральную совокупность (всех подростков, учащихся в школе, в выбранных регионах), поскольку это был административный опрос, и мы не можем избежать влияния метода. Скорее всего, выборка смещена в сторону более успешных и прилежных школьников, а ответы могут быть более социально-одобряемые по сравнению, например, с ответами из онлайн-опросов в социальных сетях. Во-вторых, инструментарий недостаточен для более комплексного изучения чувства безопасности. Для построения линейной регрессии мы отобрали переменные трёх порядков: школа, семья и внешние факторы (здоровье, место проживания, знание организаций, которые могут помочь). Наиболее значимыми оказались переменные, связанные с окружением подростка (одноклассники, друзья, случаи агрессии) и его здоровье. Однако мы не знаем, как чувство защищённости или незащищённости в школе

влияет на посещаемость, успеваемость, с какими эмоциями оно сопряжено – с ответной агрессией или страхом, подавленностью, имеет ли оно связь с использованием Интернетом и случаями кибербуллинга со стороны тех же одноклассников (в нашем перечне видов травли не было варианта «кибербуллинг»). Мы также видим значимую связь чувства безопасности в школе с обстановкой дома – ссорами, скандалами, физическими наказаниями, но нам неясно, как формируется эта связь: переносит ли подросток чувство незащищённости дома на школу или сталкивается со стигматизацией одноклассников как ребёнок из «проблемной» семьи? В-третьих, хотя мы наблюдаем некоторые гендерные отличия, мы не можем сказать, чем именно они обусловлены – объективной ситуацией в школе или субъективными переживаниями подростка. Девочки чаще сталкиваются с разными проявлениями буллинга, но он менее значим для их чувства безопасности, чем для мальчиков. В то же время для девочек более значимо физическое самочувствие. Можем ли мы утверждать, что отличие ощущения безопасности в школе у мальчиков и девочек связано с их гендерной социализацией?

Субъективная оценка безопасности относительно недавно была введена в исследования детского благополучия наряду с такими параметрами, как жизненные навыки и умения, детская занятость, эмоциональное благополучие и прочее. Это ознаменовало сдвиг фокуса на самого ребёнка, когда именно ребёнок становится единицей наблюдения, а не институции вокруг него – система образования, здравоохранения, различные социальные службы (Ben-Arieh 2007). Безопасность в школе может оцениваться по объективным показателям, такими как наличие охраны, число выявленных нарушений прав детей, наличие противопожарной системы, медицинского кабинета и др. Однако чувство психологической защищённости, о котором по сути и идёт речь в нашем исследовании, скорее связано не с инфраструктурой, а с социокультурной средой школы. На наш взгляд, изучение чувства безопасности должно быть междисциплинарным и включать психологические параметры респондентов. Так, установлено, что «люди с более активной позицией менее склонны воспринимать ситуацию как психологически небезопасную, даже если контекстуальные факторы говорят об обратном» (Chan 2006, *Цит. по: Гилемханова 2019*). Возможно, отличие чувства безопасности у мальчиков и девочек связано, в том числе, с определёнными установками и жизненной позицией.

Вопросы безопасности включаются в исследования детского благополучия как один из доменов, параметр которого учитывается в общем индексе, но не изучается самостоятельно, тем более в гендерном контексте. На наш взгляд, эта тема заслуживает отдельного, междисциплинарного изучения. Важно понимать не только факторы и предпосылки субъективного чувства безопасности, но и влияние последнего на разные сферы жизни подростка, на его личность и развитие.

Литература

- Бобровникова Н.С. (2021). Психологическая безопасность как важное условие профилактики буллинга в подростковой среде. *Психология образования в поликультурном пространстве*, 4(56), 6-13.
- Брук Ж.Ю., Игнатжева С.В. (2021). Субъективное благополучие детей 10-и и 12-и лет в пространстве удовлетворенности семьей, школой и друзьями. *Психологическая наука и образование*, 26(6), 164-175.
- Гарифулина Э.Ш., Ипатова А.А. (2021). Опрос детей как обязательный элемент формирования индекса детского благополучия. *Психологическая наука и образование*, 26(6), 139-148.
- Гилемханова Э.Н. (2019). Методика «Индекс социокультурной безопасности школьника». *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 2, 164-183.
- Елисеева О.А. (2011). Структура субъективного благополучия подростков в образовательной среде с низким уровнем психологической безопасности. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 132, 368-375.
- Калабихина И.Е., Ипатова А.А., Рогозин Д.М. (2022). *Круглый стол «Индекс детского благополучия: результаты исследования и пути развития»*, 19 декабря 2022 г. <https://cwb-index.timchenkofoundation.org/>
- Карабанова О.А. (2019). Роль семьи и школы в обеспечении психологического благополучия младших школьников. *Психологическая наука и образование*, 24(5), 16-26.
- Рюмина И.М. (2021). Содержательные характеристики самоотношения подростков, переживающих буллинг в школе. *Проблемы современного педагогического образования*, 71-3, 366-369.
- Шабанова Т.Л., Бычкова К.А., Короткова А.С. (2021). Психологические факторы возникновения школьного буллинга у старших подростков. *Нижегородский психологический альманах*, 1(1), 190-199.
- Ben-Arieh A.A. (2006). Measuring and monitoring the well-being of young children around the world. *Education for All Global Monitoring Report 2007*. Retrieved from <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000147444>
- Ben-Arieh A., McDonell J., Attar-Schwartz S. (2009). Safety and home–school relations as indicators of children well being: Whose perspective counts? *Social Indicators Research*, 90(3), 339-349.
- Buranajaroenkij D., Win S.T. Gender-Based (2021). Violence Prevention in Schools in Myanmar: A Study from Taunggyi. *Journal of Human Rights and Peace Studies*, 7, 51-71.
- González-Carrasco M., Casas F., Ben-Arieh A., Savahl S., Tiliouine H. (2019). Children’s perspectives and evaluations of safety in diverse settings and their subjective well-being: A multi-national approach. *Applied Research in Quality of life*, 14(2), 309-334.
- Han S. (2021). *School Violence in South Korea*. Springer Singapore.

- Kim Y. K., Sanders J.E., Makubuya T., Yu M. (2020). Risk factors of academic performance: Experiences of school violence, school safety concerns, and depression by gender. *Child & Youth Care Forum*, 49(5), 725-742. Springer US.
- Koposov R., Isaksson J., Vermeiren R., Schwab-Stone M., Stickley A., Ruchkin V. (2021). Community violence exposure and school functioning in youth: cross-country and gender perspectives. *Frontiers in public health*, 9, 692402.
- Kutsar D., Kasearu K. (2017). Do children like school—Crowding in or out? International comparison of children's perspectives. *Children and Youth Services Review*, 80, 140-148.
- Lacoe J. (2020). Too scared to learn? The academic consequences of feeling unsafe in the classroom. *Urban Education*, 55(10), 1385-1418.
- Lee B.J., Yoo M.S. (2015). Family, school, and community correlates of children's subjective well-being: An international comparative study. *Child Indicators Research*, 8(1), 151-175.
- Nano L., Aliaj S., Beqiri R. (September, 2021). *Individual, family, and school climate factors as predictors of school violence*. 4th International Conference on Modern Approach in Humanities and Social Sciences 2021. Zurich, Switzerland.
- Raižienė S., Garckija R. (2013). Gender differences in subjective well-being and feeling of safety at school: Evidence from cross-lagged relations in a 1-year longitudinal sample. *Socialinis Darbas*, 12(1), 151-162.
- Ramberg J. (2021). The association between parental support and adolescents' psychological complaints: The mediating role of a good school climate. *Children*, 8(7), 550.
- Sarriera J.C., Bedin L.M., Strelhow M.R.W. (2021). Perceptions of safety and subjective well-being of Brazilian children. *Journal of Community Psychology*, 49(1), 218-227.
- Zapluzha S., Shahini M. (2016). Gender differences in the evaluation of school safety indicators according to adolescents in higher secondary schools in Prizren. *International Journal of Adolescence and Youth*, 21(1), 27-33.

Приложение

Таблица П. Независимые переменные, исходный вопрос и перекодировка (ответы «Затрудняюсь ответить» учтены с помощью формирования новой бинарной переменной, равной 1 для значения «Затрудняюсь ответить» и 0 – иное).

Переменная	Вопрос	Перекодировка
Мальчики	Укажите, пожалуйста, ваш пол: 1. Мужской 2. Женский	Перекодировка: «Мальчики» – 1, Иное – 0 «Девочки» – референтная группа
14, 15, 16 лет	Сколько вам полных лет?	17 лет – референтная группа
Отношение одноклассников. 1 – плохо, 4 – хорошо (шкала)	Как к вам относятся ваши одноклассники (одногоруппники)? 1. Хорошо 2. Скорее хорошо 3. Скорее плохо 4. Плохо 99. Затрудняюсь ответить	Обратная перекодировка: плохо – 1, скорее плохо – 2, скорее хорошо – 3, хорошо – 4, затрудняюсь ответить – 0
Шкала буллинга от 0 до 6, где 0 – не сталкивался ни с каким проявлением буллинга, 6 – сталкивался со всеми указанными проявлениями буллинга.	С чем из перечисленного вы сталкивались в школе в этом учебном году хотя бы однажды: Отметьте все подходящие ответы. 1. Меня дразнили 2. Меня пнули или нарочно толкнули 3. Надо мной шутили всем классом 4. Надо мной издевались 5. Со мной долго не разговаривали 6. Меня побили 7. Ни с чем из перечисленного не сталкивались 99. Затрудняюсь ответить	Суммирование вариантов ответа 1-6, затрудняюсь ответить – 0
Четвёрки-пятёрки	Какие у вас итоговые годовые оценки в школе (колледже и т. д.)? 1. Все пятерки 2. Только пятерки и четверки 3. Есть тройки 4. Встречаются двойки, приходится исправлять 99. Затрудняюсь ответить	Перекодировка: «Все пятерки» и «Только пятерки и четверки» – 1, Иное – 0. Тройки-двойки – референтная группа
Количество посещаемых дополнительных занятий от 0 до 8, где 0 – ничего не посещает, 8 – посещает все указанные занятия.	Какие дополнительные занятия вы посещаете? Отметьте все подходящие ответы. 1. Музыка, пение, театр 2. Танцы 3. Рисование, лепка 4. Иностранные языки 5. Спортивные занятия 6. Дополнительные занятия по школьным предметам (репетитор, подготовка к экзаменам, поступлению) 7. Программирование, робототехника 8. Другие 9. Никакие занятия не посещаю 99. Затрудняюсь ответить	Суммирование вариантов ответа 1-8, затрудняюсь ответить – 0
Есть близкие друзья	Есть ли у вас близкие друзья, с которыми вы можете поделиться личными секретами? 1. Есть 2. Нет	Перекодировка: «Есть» – 1, Иное – 0 «Нет» – референтная группа

Переменная	Вопрос	Перекодировка
	99. Затрудняюсь ответить	
Живёт с родными родителями	С кем вы живете? Выберите наиболее подходящий для вас вариант. 1. С родными родителями (мамой и папой) 2. С одним из родных родителей (мамой или папой) 3. С родственниками, без родителей 4. В приемной семье, с опекунами 5. В детском учреждении	Перекодировка: «С родными родителями (мамой и папой)» – 1, Иное – 0, «В детском учреждении» – исключено из анализа. Иное (живёт не с родными родителями) – референтная группа
Как часто взрослые повышают на вас голос, кричат? 1 – очень часто, 5 – никогда	Как часто взрослые повышают на вас голос, кричат? 1. Очень часто 2. Часто 3. Редко 4. Очень редко 5. Никогда	Кодировка 1-5 сохранена, Затрудняюсь ответить – 0
	99. Затрудняюсь ответить	
Как часто взрослые наказывают вас физически, применяют силу? 1 – очень часто, 5 – никогда	Как часто взрослые наказывают вас физически, применяют силу? 1. Очень часто 2. Часто 3. Редко 4. Очень редко 5. Никогда	Кодировка 1-5 сохранена, Затрудняюсь ответить – 0
	99. Затрудняюсь ответить	
Были ссоры, скандалы	За последний месяц были или не были в вашей семье ссоры или скандалы? 1. Были 2. Не были	Перекодировка: «Были» – 1, Иное – 0 «Не были» – референтная группа
	99. Затрудняюсь ответить	
Сколько человек живет с вами, включая вас?	Сколько человек живет с вами, включая вас? Открытый вопрос.	Некорректный ответ – 0
Город	Вы проживаете в городе или селе? 1. город, поселок городского типа 2. село 3. отказ от ответа	Перекодировка: «Город» – 1, Иное – 0 «Село» – референтная группа
Низкая оценка мат. положения	Какая из оценок наиболее точно характеризует материальное положение вашей семьи: 1. Денег не хватает даже на еду 2. На еду денег хватает, но покупать одежду затруднительно 3. Денег хватает на еду и одежду, но на более крупные покупки (смартфон, компьютер, телевизор) не хватает 4. Денег хватает на крупные покупки и отдых, но покупка автомобиля недоступна 5. Могли бы купить автомобиль, но покупка квартиры / дома недоступна 6. Денег достаточно, чтобы купить квартиру, дом или все, что считаем нужным	Перекодировка: вариант 1 и 2 – 1, Иное – 0
Ниже среднего оценка мат. положения		Перекодировка: вариант 3 – 1, Иное – 0
Средняя оценка мат. положения		Перекодировка: вариант 4 – 1, Иное – 0
Оценка выше среднего (референтная группа)		Перекодировка: варианты 5 и 6 – 1, Иное – 0
	99. Затрудняюсь ответить	
Занимается спортом	Скажите, пожалуйста, вы занимаетесь физической активностью или каким-либо видом спорта (вне школьных уроков)	Перекодировка: «Да» – 1, Иное – 0

Переменная	Вопрос	Перекодировка
	физкультуры или занятий в колледже)? Если да, то чем именно? 1. Да 2. Нет 99. Затрудняюсь ответить	«Нет» – референтная группа
Хорошее здоровье (нет ограничений)	Есть ли у вас ограничения по здоровью, которые вам сильно мешают? Если да, то какие именно? 1. Есть 2. Нет 99. Затрудняюсь ответить	Перекодировка: «Нет» – 1, Иное – 0 «Есть» – референтная группа
Знает организации, которые могут помочь	Знаете ли вы организации, которые могут вам помочь в трудной ситуации? Если знаете, то какие? 1. Знаю 2. Не знаю 99. Затрудняюсь ответить	Перекодировка: «Да» – 1, Иное – 0 «Нет» – референтная группа

Репродуктивные намерения и динамика рождаемости населения разных стран в период пандемии COVID-19: аналитический обзор исследований

Елена Сергеевна Вакуленко
(evakulenko@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Мария Романовна Макарова
(mrmakarova_1@edu.hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Дмитрий Ильич Горский
(d.gorskiy8@gmail.com), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Reproductive intentions and fertility trends in different countries during the COVID-19 pandemic: an analytical review of studies

Elena S. Vakulenko
(evakulenko@hse.ru),
HSE University, Russia.

Maria R. Makarova
(mrmakarova_1@edu.hse.ru),
HSE University, Russia.

Dmitriy I. Gorskiy
(d.gorskiy8@gmail.com),
HSE University, Russia.

Резюме: Данная работа представляет собой обзор исследований, посвященных анализу изменений уровня рождаемости и репродуктивных намерений населения в России и в других странах мира, происходящих во время пандемии COVID-19. В качестве причин снижения рождаемости в этот период в основном называются следующие: материальные трудности, риски, связанные со здоровьем женщины и ее будущего ребенка, ухудшение отношений между партнерами, рост числа разводов, неопределенность. В работе предлагается классификация собранных источников: в соответствии с методом сбора данных (опросы или агрегированные данные), а также причинами откладывания рождаемости. Обозреваемые работы затрагивают не все страны (рассматриваются Великобритания, Армения, Австралия, Австрия, Бельгия, Германия, Дания, Испания, Италия, Китай, Латвия, Литва, Нидерланды, Норвегия, Российская Федерация, Словения, США, Финляндия, Франция, Хорватия, Швеция, Эстония, Южная Корея), а применяемая в них методология исследований не позволяет в полной мере идентифицировать эффект пандемии COVID-19. Модельные расчеты в большинстве работ не проводились. В основном результаты и выводы получены на основании анализа описательных статистик и ответов респондентов на конкретные вопросы о влиянии пандемии на их репродуктивные намерения. В большинстве статей делается вывод об отрицательном эффекте пандемии на рождаемость, и лишь только в работах по Скандинавским странам обсуждается положительный эффект. Анализ влияния COVID-19 на рождаемость может подтолкнуть правительства стран к проведению активных государственных мер для формирования основы поддержания стабильного уровня деторождений.

Ключевые слова: рождаемость, COVID-19, пандемия, Россия, межстрановые сравнения, репродуктивные намерения, суммарный коэффициент рождаемости.

Для цитирования: Вакуленко Е. С., Макарова М. Р., & Горский Д. И. (2022). Репродуктивные намерения и динамика рождаемости населения разных стран в период пандемии COVID-19: аналитический обзор исследований. Демографическое обозрение, 9(4), 138-159. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16747>

Abstract: This paper is a review of the studies analysing changes in fertility levels and reproductive intentions of the population in Russia and other countries of the world during the COVID-19 pandemic. The reasons for the decline in fertility during this period are mainly stated as material difficulties, risks related to the health of the woman and her future child, worsening in the relations between partners, increasing number of divorces, and uncertainty. The paper proposes a classification of the sources collected: according to the method of data collection (surveys or aggregated data) as well as the reasons for postponing fertility. The reviewed papers do not cover all countries (Armenia, Australia, Austria, Belgium, China, Croatia, Denmark, Estonia, Finland, France, Germany, Italy, Latvia, Lithuania, Netherlands, Norway, Russian Federation, Slovenia, South Korea, Spain, Sweden, United Kingdom, USA are covered),

and the research methodology used in the papers does not fully identify the COVID-19 pandemic effect. Model estimations have not been done in most of these papers. Most results and conclusions are drawn from an analysis of descriptive statistics and respondents' answers to specific questions about the impact of the pandemic on their reproductive intentions. Most articles reported a negative effect of the pandemic on fertility, and only some Nordic countries revealed a positive effect. Analysing the effects of COVID-19 on fertility may encourage governments to implement proactive pronatalist policies.

Keywords: *fertility, COVID-19, pandemic, Russia, cross-country comparisons, reproductive intentions, total fertility rate.*

For citation: *Vakulenko E., Makarova M., & Gorskiy D. (2022). Reproductive intentions and fertility trends in different countries during the COVID-19 pandemic: an analytical review of studies. Demographic Review, 9(4), 138-159. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16747>*

Введение

Первые случаи заболевания вирусом COVID-19 были зафиксированы в декабре 2019 г. в Ухане (Китай). По данным на 1 ноября 2022 г. было обнаружено более чем 630 млн заболевших во всем мире, 1,04% из которых имели летальный исход¹. Эпидемия коронавируса оказала влияние на все сферы деятельности людей, в том числе на их репродуктивное поведение, вследствие чего изменились показатели рождаемости по всему миру. Продолжительность и масштабы эпидемии коронавируса из-за введения жестких ограничительных мер отличаются от других эпидемий XXI века (Макаренцева 2020: 25): SARS (Атипичная пневмония 2002-2003 гг.), А/Н1N1 (Свиной грипп в 2009-2010 гг.), H5N1/H7N9 (Птичий грипп в 2003-2017 гг.), MERS (Ближневосточный коронавирус в 2012-2015 гг.), Эбола (2014-2016 гг.). Если рассматривать данные прошедших пандемий с точки зрения их влияния на процессы рождаемости, то уменьшение показателей рождаемости возникает, как правило, через 9 месяцев после начала пандемии (причем, уменьшение лежит в диапазоне 15-25%). Впоследствии этот провал восполняется, поскольку происходит реализация отложенных беременностей. В свою очередь характер восстановления после каждой пандемии различен: он зависит от последствий эпидемиологического кризиса.

В рамках работы предлагается классификация исследований по методу сбора информации: опрос и агрегированные данные. Источники, содержащие агрегированную статистику, в свою очередь разбиты еще на 3 группы в зависимости от причин откладывания рождаемости. Первая группа включает работы, описывающие негативную динамику рождаемости из-за изменения взаимоотношений между членами семьи и ведения общего быта во время периода самоизоляции, вторая группа – негативную динамику из-за страхов родителей за нестабильное финансовое положение и рисков, напрямую связанных с уровнем здоровья и качества потенциально оказанных медицинских услуг. Третья группа включает источники, в которых исследователи пишут о положительном влиянии COVID-19 на уровень деторождений.

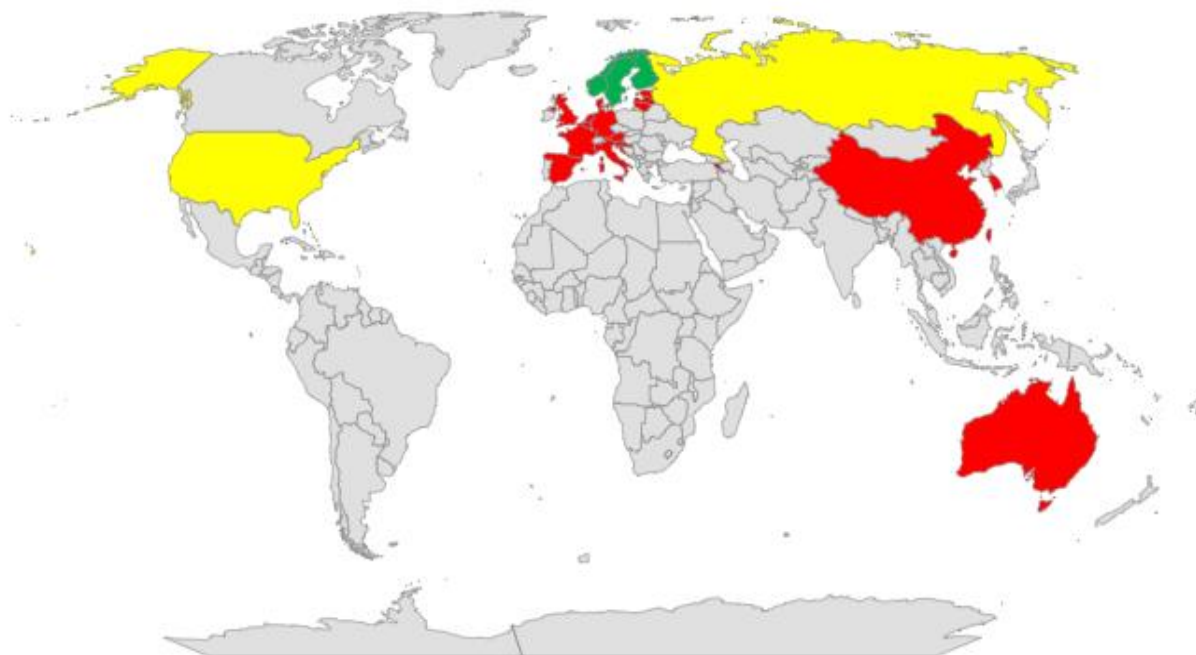
Каждой группе и, соответственно, подгруппе посвящен отдельный раздел настоящей работы, в котором обозначен, в первую очередь, метод сбора данных и обсуждаются причины изменения динамики рождаемости в период эпидемиологического кризиса.

В дальнейшем мы будем обзирать статьи, которые удалось найти на момент написания данного текста. В этих работах исследуются следующие страны: Великобритания, Армения, Австралия, Австрия, Бельгия, Германия, Дания, Испания, Италия, Китай, Латвия, Литва, Нидерланды, Норвегия, Российская Федерация, Словения, США, Финляндия, Франция, Хорватия, Швеция, Эстония, Южная Корея (рисунок 1).

---

¹ Источник: https://datalens.yandex/7o7is1q6ikh23?tab=0Ze&utm_source=cbmain (обращение 24.11.2022)

Рисунок 1. Страны, которые вошли в данный обзор

Источник: Построено авторами.

Примечание: Красным цветом выделены страны, в которых пандемия COVID-19, по мнению исследователей, негативно повлияла на рождаемость; желтым – те, в которых эффект не определен, т. е. получены различные результаты в разных статьях; зеленым – положительно повлияла.

Раздел I. Исследования на опросных данных: анализ репродуктивных намерений во время пандемии COVID-19

Данную группу исследований объединяет то, что в качестве сбора информации для анализа авторы прибегают к проведению опросов или же использованию результатов ранее проведенных опросов (не обязательно автором статьи).

1.1. Исследования влияния COVID-19 на репродуктивные намерения в России

Во время пандемии COVID-19 на территории Российской Федерации опросы проводились в основном методами онлайн-анкетирования, телефонного опроса, веб-интервью, иногда даже очного интервью. Один из самых популярных вопросов в анкетах – прямой вопрос об откладывании рождаемости в семьях. Самый большой телефонный опрос «Человек, семья, общество» (ЧСО) был проведен Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС (Рогозин и др. 2021) в марте-мае 2020 г. по репрезентативной выборке. Респондентами выступили 9500 человек (4900 из них в возрасте 18-44 лет). В работе (Макаренцева 2020: 26) этот опрос сравнивался с аналогичным 2017 г., который также проводился весной и имел такой же размер выборки. В опросах 2020 и 2017 г. респондентам был задан вопрос о намерении иметь детей. Количество отрицательных ответов на данный вопрос в 2020 г. по сравнению с 2017 г. увеличилось вдвое (с 10,4 до 22,7%). Доля молодых респондентов, не имеющих детей, которые не собираются их заводить, возросла с 8,3 до 20,3%, а среди опрошенных в возрасте 35+ лет – с 15 до 20,1%. Сильно увеличилась доля однопородных респондентов 35 лет и старше, не намеревающихся

больше заводить детей – с 31,7 до 51,9%. В оставшихся категориях наблюдалась аналогичная тенденция, но в меньших количествах. Однако в этой работе выводы сделаны на основании сравнения агрегированных статистик для двух опросов, при этом не проводился контроль на другие индивидуальные, региональные и макрофакторы, как это, например, было сделано в работе (Митрофанова, Вакуленко, Горский 2022: 100), где с помощью оцененных моделей на данных опроса ЧСО 2020 г. было получено, что нет значимых различий в ответах респондентов о намерениях родить ребенка во время периода ввода локдауна в России и до введения жестких карантинных ограничений, связанных с пандемией COVID-19.

По данным ЧСО исследователи также изучали намерения семей о деторождении в ближайшем будущем. В вышеупомянутом опросе (Макаренцева 2020: 28) респондентам был задан вопрос в следующей формулировке: «В течение ближайших трех лет планируете ли вы рождение (еще одного) ребенка — определенно да, скорее да, скорее нет или определенно нет?». В результате опроса выяснилось, что среди женщин и мужчин до 45 лет доля женщин, которые планируют расширение семьи в ближайшие 3 года, составляет 28,5%, а доля мужчин – 37,9%. В рамках этого же опроса, но в другой статье, рассматривался вопрос о намерении родителей иметь детей, но конкретный срок не уточнялся: «Вы хотели бы иметь (еще) детей?» (Макаренцева, Галиева, Рогозин 2021: 497). Процент опрошенных в возрасте до 44 лет, которые не хотят иметь детей, увеличился более чем в 4 раза (с 5 до 22%) в период с 2015 по 2020 г.

Ниже приводятся результаты менее масштабных опросов во время пандемии в России, которые сложно назвать репрезентативными, так как авторы не приводят никаких обоснований на этот счет. Модельные расчеты в этих работах не проводились, все выводы делаются на основании анализа описательных статистик. В ходе онлайн-анкетирования, проведенного в Екатеринбурге в 2020 г. среди 400 респонденток репродуктивного возраста, выяснилось, что 47% опрошенных выступают за откладывание беременности, 25% женщин затруднились с выбором ответа, оставшиеся 28% признались, что не стали бы откладывать рождение ребенка ввиду эпидемии COVID-19 и ее последствий (Гараева 2020: 40). Отметим, что на момент проведения данного анкетирования 13% женщин были в положении, половина из которых (6 из 13%) отложили бы рождение ребенка до момента окончания эпидемиологического кризиса.

В качестве причин отказа от беременности в опросе, проводившемся в Екатеринбурге, 48% респонденток упомянули финансовые трудности в семье, а 31% женщин отметили страх заразиться инфекцией (Гараева 2020: 40). В опросе ЧСО 2020 г. (Макаренцева 2020: 29) назывались следующие причины: материальные трудности (53,6%), отсутствие супруга(и) (22,4%), «другие причины», например, фактор возраста (21,3%).

Также интересны результаты еще одного дистанционного анкетного опроса, который проводился в Саратове в 2020 г., респондентами были 216 студентов СГАУ им. Н.И. Вавилова (Блинова 2022: 69). Им был задан вопрос: «Реализуют ли свои планы семьи, решившие завести детей в период пандемии COVID-19?». Выяснилось, что женщины (56,7%) с большей частотой, чем мужчины (48,1%), считают, что эпидемия не повлияет на репродуктивные установки семей. Мужчины более склонны думать, что причина кроется в любви к семье и детям, а женщины, помимо любви, объясняют это желанием продолжить свои отношения с партнером.

В 2020 г. в России был проведен еще один комбинированный опрос (интернет-опрос и частично очные опросы), в ходе которого планировалось оценить влияние пандемии на демографию. В опросе приняли участие 103 респондента (65% из них женщины) из Москвы и Московской области, Приморского края, Иркутской, Камчатской, Тульской, Читинской, Липецкой областей, Республики Северная Осетия-Алания и Ставропольского края (Осипов и др. 2020: 261). Возраст опрошенных: 18-24 года – 31%; 25-34 года – 25%; 35-54 года – 26%; 55 лет и старше – 18%. Согласно результатам опроса, одной из основных причин падения рождаемости является увеличение количества разводов, о которой заявил каждый десятый ответивший. Примерно 20% респондентов высказали предположение, что в условиях COVID-19 риск уменьшения показателей рождаемости может быть оценен как большой или максимальный. Нулевой уровень риска в снижении рождаемости также видят около 20% респондентов.

Рассмотрим опрос, проведенный в Республике Северная Осетия-Алания, в ходе которого были опрошены 150 человек репродуктивного возраста в возрасте от 23 до 46 лет из 75 семей, которые проживают в г. Владикавказе, в Алагирском и Ардонском районах республики (Бритаева 2021: 44). Результаты этого опроса отличаются от упомянутых выше из-за принятых в регионе норм и устоев относительно деторождения и распространенности многодетных семей. Респондентам был задан следующий вопрос: «Были ли у вас в начале 2020 г. (до начала пандемии) планы завести ребенка/еще одного ребенка в ближайшем будущем?». Если респондент давал положительный ответ, ему задавали дополнительный вопрос: «Повлияла ли каким-либо образом ЧС с коронавирусом на эти планы?». 83% семей, которые до начала пандемии планировали пополнение в семье в ближайшие годы, не отказались от своих репродуктивных намерений. Остальные были вынуждены отказаться ввиду экономических проблем и финансовой нестабильности.

Таким образом, в 6 из 8 проанализированных опросов в России респонденты оценивают влияние COVID-19 на намерения завести ребенка как негативное, доля респондентов, планирующих завести детей, в среднем снижается более чем в 2 раза по сравнению с результатами аналогичных опросов прошлых лет. В качестве основных причин падения рождаемости во время пандемии называются экономические трудности и семейные проблемы. Отметим, что результаты опросов варьируются как между регионами России (выявлена региональная гетерогенность), так и между социальными группами: пандемия по-разному влияет на репродуктивные намерения мужчин и женщин. Однако стоит отметить, что не все приведенные опросы можно назвать репрезентативными, скорее только один – «Человек, семья и общество», размеры выборок сравнительно маленькие, а также в большинстве случаев авторы не контролируют ответы респондентов на прочие равные, что не дает возможность в полной мере идентифицировать эффект пандемии COVID-19.

1.2. Исследования влияния COVID-19 на репродуктивные намерения в зарубежных странах

Рассмотрим результаты зарубежных опросов и сравним их с отечественными. С 27 марта по 7 апреля 2020 г. в Италии, Франции, Германии, Испании и Великобритании проводился опрос 6000 респондентов в возрасте 18-34 года (Luppi, Arpino, Rosina 2020: 1401). Респонденты были отобраны с помощью метода квотной выборки на основе таких критериев, как пол, возраст, географическое происхождение, образование, семейное

положение ². Опрашиваемые отвечали на вопрос об их репродуктивных планах в начале 2020 г. (до начала COVID-19). Тем, кто планировал, задавали дополнительный вопрос: «Повлияла ли данная ситуация на Ваше желание завести ребенка?». Были выявлены различия как между, так и внутри стран в зависимости от социально-демографических характеристик отдельных лиц. В странах, где экономическая конъюнктура и ситуация на рынке труда были более позитивными (например, Германия и Франция), доля тех, кто отказывается от своих планов на 2020 г., намного ниже; кроме того, в них наблюдается самая высокая доля людей, которые все еще планируют ребенка на 2020 г. Напротив, в странах Южной Европы и, что более важно, в Италии (первой стране, пострадавшей от пандемии и с более строгой изоляцией) люди все чаще отказываются – а не просто откладывают – от своих докризисных планов по рождаемости. Единственным схожим результатом этого опроса является то, что сохранение первоначальных планов о рождаемости зависит от возраста матери. Возможным объяснением может быть тот факт, что те, кому более 30 лет, и в особенности женщины, более склонны сохранять свои докризисные планы родить ребенка, по крайней мере, в начале кризиса, что согласуется с меньшей склонностью откладывать решение среди тех, кому 30-34 года. Причем в Италии тенденция к изменению докризисных планов по рождению ребенка ниже у данной возрастной группы (30-34 года) по сравнению с другими странами Европы, в то время как отличия в других возрастных группах в Италии не наблюдается. Это может быть обусловлено более высоким возрастом матери при первом рождении в Италии по сравнению с другими странами.

В начале 2020 г. в Италии был проведен еще один опрос, в котором приняли участие 1482 респондента (из них 944 женщины) в возрасте от 18 до 46 лет (Pinkstone 2020; Русанова 2020: 153). Это был интернет-опрос, который сложно назвать репрезентативным. По итогам опроса выяснилось, что каждый третий респондент был вынужден отложить планы касательно беременности в ближайшем будущем. Каждый пятый опрошенный был готов рассмотреть вариант стать родителем во время пандемии. 58% респондентов решили отложить намерения о пополнении семьи в период пандемии ввиду экономических трудностей (40% из которых заявили о весомом сокращении доходов) и возможными негативными последствиями коронавируса на протекающую беременность. 140 человек (11,5%), в основном женщины, признались, что в период пандемии появилось больше времени на планирование беременности, что вызвало у них желание стать родителем. В январе-апреле 2022 г. в Китае был проведен интернет-опрос 443 женщин детородного возраста от 22 до 46 лет (Chen et al.: 2022: 3). Авторы анализируют репрезентативность исследуемой выборки и отмечают, что возможно смещение отбора. На основе данных анкетирования авторы анализировали изменение намерений женщин родить ребенка в период пандемии. Построена модель структурных уравнений (SEM) для всестороннего анализа влияния различных факторов на намерения родить во время COVID-19. По результатам опроса стало известно, что после вспышки COVID-19 большинство женщин пессимистично относились к возможности иметь детей, и только 27% опрошенных продолжили планировать рождение ребенка в ближайшие 3 года. Кроме того, большинство женщин, которые планировали иметь детей до COVID-19, в той или иной степени отложили или отменили свои планы: 31,5% респондентов ответили, что больше не планируют иметь детей и только 19,15% респондентов не поменяли своих планов.

---

² Опрос проведен Rapporto Giovani Istituto Giuseppe Toniolo and IPSOS: <https://www.rapportogiovani.it/osservatorio/>

Нестабильная экономическая ситуация в стране оказала наибольшее влияние на формирование семьями мысли об откладывании беременности. Также вопрос профессионального развития женщин и последующие психологические проблемы ввиду обстановки на работе сыграли большую роль в изменении планов о рождении ребенка.

Методологически аккуратная оценка эффектов локдаунов во время пандемии на намерения родить ребенка была проведена на репрезентативных панельных данных опросов домохозяйств в Австралии с помощью метода разности разностей (Mooi-Reci et al.: 2023). Это стало возможным благодаря уникальному естественному эксперименту, когда локдаун был объявлен только в штате Виктория в 2020 г. Результаты оценивания показали значимое снижение намерений родить ребенка для респондентов в возрасте от 18 до 45 лет на 2,8-4,3% (в зависимости от спецификации модели) по сравнению со средними значениями до пандемии. Причем больший отрицательный эффект оказался для женщин (для мужчин в части спецификаций вообще незначим), индивидов старше 35 лет, менее образованных и работающих на контрактах с фиксированными условиями.

Таким образом, результаты опросов в зарубежных странах по сравнению с Россией выявляют большее влияние экономической ситуации во время пандемии на намерения завести ребенка: страны, где меры поддержки населения на рынке труда выше, испытывают меньшее влияние пандемии на рождаемость. Также важным фактором изменений репродуктивных намерений является возраст матери: более взрослые женщины склонны сохранять свои планы. Средний возраст матери при рождении первенца в России значительно ниже, чем в европейских странах³. По данным опросов пандемия в России оказала больший эффект на намерения о рождаемости, чем в Западноевропейских странах.

Раздел II. Исследования динамики рождаемости во время пандемии COVID-19

Этот раздел включает в себя статьи, в основе анализа которых лежат агрегированные данные. Исследования в данном разделе группируются по причинам изменения динамики рождаемости, которые выделяют авторы. Рассмотрены такие причины, как рост числа разводов, снижение числа браков, страх родителей за нестабильное финансовое положение во время экономического кризиса, вызванного пандемией, и риски, связанные с уровнем здоровья и качества потенциально оказанных медицинских услуг вследствие фокуса медицины на лечении больных с коронавирусной инфекцией.

2.1. Исследования связи рождаемости со статистикой браков и разводов в России

Рассмотрим работы, в которых одной из основных причин, приводящих к откладыванию семьями рождения детей в период пандемии, называется изменение в семейном поведении, которое включает в себя как увеличение числа разводов, так и резкое уменьшение числа браков ввиду введения ограничительных мер.

В работе (Кулькова 2020: 5) обсуждаются возможные последствия COVID-19 для демографических процессов, в частности рождаемости. Автор прогнозирует обострение синдрома отложенных беременностей из-за страха семей перед нестабильной ситуацией в мире, связанной не столько с экономическими факторами, сколько с социальными.

---

³ По данным Human Fertility Database: <https://www.humanfertility.org/>

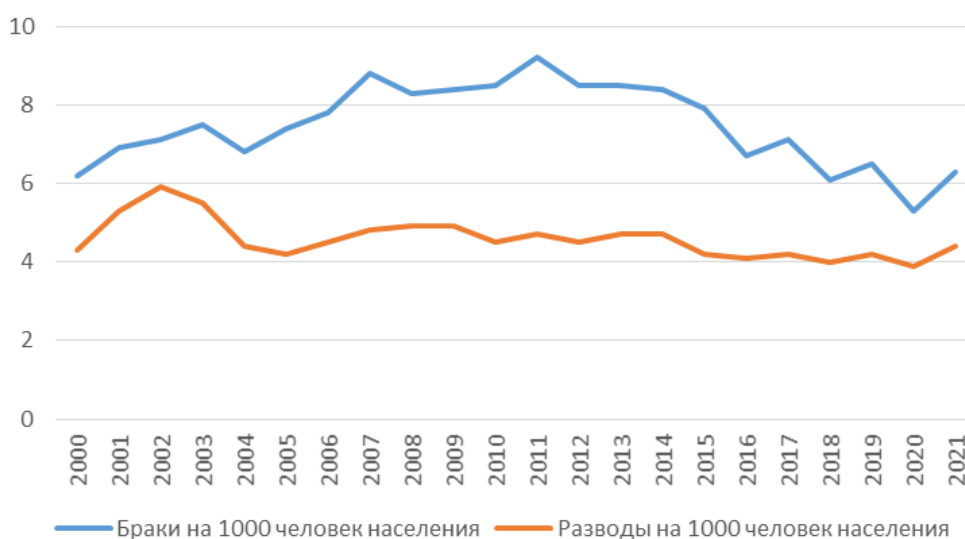

В работе отмечается, что во время пандемии возможно снижение уровня брачности и повышение количества бракоразводных процессов из-за того, что в период самоизоляции в некоторых семьях ухудшаются отношения при долгом нахождении в замкнутом пространстве. Во время карантина же отношения обостряются из-за большого количества стресса. Помимо этого фактора, в карантинный период закрываются отделы ЗАГС, что препятствует регистрации брака.

В работе (Архангельский, Зайко 2022) также связывают падение рождаемости в московской агломерации в 2021 г., которое частично компенсировалось вводом программы материнского капитала на 1 ребенка с 1 января этого же года, со снижением числа браков во время пандемии в 2020 г. Однако все выводы авторы делают на основании описательных статистик и анализа динамики демографических показателей, что не позволяет отделить обозначенные эффекты и оценить количественно их вклад.

Если обратиться к официальной статистике (рисунок 2), можно увидеть, что в 2020 г., когда в стране вводился локдаун, одновременно сократилось число браков и разводов (на 1000 человек населения) на 18,5 и 7,1% по сравнению с 2019 г. соответственно. Но уже в 2021 г. коэффициент брачности вырос до 6,3‰, а коэффициент разводимости – до 4,4‰, что несколько хуже, чем показатели доковидного 2019 г. (6,5 и 4,2‰ соответственно).

Рисунок 2. Общие коэффициенты брачности и разводимости в России, 2000-2021

Источник: Росстат.

Некоторые исследователи изучали причины откладывания рождаемости не только по Российской Федерации в целом, но и с акцентом на конкретные регионы. На данных 2020 г. для регионов ЦФО в работе (Бессонова 2020: 12) получена положительная корреляция числа родившихся с количеством браков и отрицательная с количеством разводов. Однако автор рассматривает не все регионы РФ и только за один год, число рождений рассматривается в тот же год, что и статистика браков и разводов, в то время как между этими процессами возможен временной лаг. Также в этом исследовании речь идет только о корреляциях, а не о причинно-следственных связях и не рассматриваются прочие факторы, влияющие на рождаемость.

В работе (Ибрагимова, Ильдарханова 2021: 692) изучалась связь рождаемости с браками и разводами в Республике Татарстан. После снятия режима самоизоляции (когда семьи не могли выходить из дома ввиду соблюдения карантинных мер) число разводов увеличилось в 2 раза по сравнению с маем 2020 г., сократилось также количество браков. Однако значимой статистической связи между показателями разводимости и рождаемости не выявлено. Авторы отмечают, что для ответа на вопрос о влиянии последствий пандемии на рождаемость пока еще недостаточно данных. К этому исследованию относятся те же замечания, что и к работе (Бессонова 2020: 12) выше.

В представленных работах обсуждается динамика коэффициентов брачности и разводимости и не проводится сравнение данных «при прочих равных», поэтому неочевидна степень влияния разводимости на рождаемость, количественная оценка отсутствует.

2.2. Исследования связи рождаемости со статистикой браков и разводов в зарубежных странах

По многочисленным прогнозам казалось, что эпидемиологическая ситуация в мире напрямую повлияет на уровень рождаемости ввиду значительных изменений в репродуктивном поведении семей. В Армении COVID-19 незначительно повлиял на показатели рождаемости, однако уровень брачности в 2020 г. снизился на 24,1% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. (Galoyan et al.: 2021: 78). Скорее всего, это связано с ограничительными мерами, введенными государством во время вспышки заболеваемости. В 2021 г., когда эпидемиологическая ситуация стала стабильнее, количество браков в Армении увеличилось на 10,7 и 46% по сравнению с 2019 и 2020 г. Что касается разводов, в январе-августе 2021 г. их количество увеличилось на 13,83 и 26,59% по сравнению с 2019 и 2020 г. Однако детального анализа факторов рождаемости в этой работе не проводилось, анализировались лишь тренды демографических показателей.

Еще одним последствием COVID-19 стало значительное снижение рождаемости в декабре 2020 г. и далее в 2021 г., так как дети, родившиеся в этот период, были зачаты в месяцы, когда, например в Испании, действовала трехмесячная изоляция, и многие ввиду изменившихся привычных условий жизни отложили свои репродуктивные намерения («пауза в беременностях») до становления более стабильной ситуации (Середкина 2022: 116). Помимо экономических трудностей, резкое уменьшение числа браков, заключенных в Испании в 2020 г., привело к снижению рождаемости. Еще одним примером может послужить Южная Корея, где в 2020 г. суммарный коэффициент рождаемости (СКР) равнялся 0,84, что является рекордно низким показателем с 1970 г. Одной из основных причин падения показателей рождаемости в Южной Корее также является откладывание вступления в брак среди молодых людей.

2.3. Исследования связи рождаемости с экономическими и иными показателями во время пандемии COVID-19 в России

Помимо последствий пандемии, на уменьшение показателей рождаемости влияет и ухудшение экономической ситуации. Социально-экономические последствия коронавируса повлекли за собой отказ от идеи завести детей у всё большего количества семей. Меры, способствующие сдерживанию распространения вируса, по мнению многих исследователей, неодинаково повлияют на рождаемость в разных странах: все зависит от

их уровня социально-экономического развития и стадии демографического перехода. Снижение уровня экономического развития вследствие сокращения ожидаемой продолжительности жизни и уровня доходов населения из-за пандемии COVID-19 окажет влияние на увеличение показателей рождаемости в странах, где индекс человеческого развития составляет менее 0,85-0,9 балла, и на спад рождаемости в высокоразвитых странах (Семеко 2021: 136).

Численность родившихся детей в России сокращается с 2016 г.: в 2019 г. она составила 1484,5 тыс., упав за последний год на 120 тыс. В первые 4 месяца 2020 г. (как раз в начале пандемии COVID-19) данная тенденция продолжилась: число родившихся сократилось на 5,6% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года (Хасанова и др. 2020: 81). Многие исследователи считали, что в России откладывание зачатий можно ожидать с декабря 2019 г. и в течение первого полугодия 2021 г. Далее число рожденных детей будет увеличиваться. Авторы выделяют следующие факторы, которые влияют на откладывание рождаемости: экономические, включающие в себя потерю доходов населения, дефицит вакансий на рынке труда и др.; социальные – существенные изменения в раскладе повседневной жизни людей, переход на дистанционную работу; психологические – стресс, повышение тревожности.

Некоторые авторы (Dzhioev, Caberty 2021: 47) считают, что коронавирусная инфекция не вызвала, а лишь усугубила снижение показателей рождаемости. В период 2005-2018 гг. шла реализация активной демографической политики в России, удалось добиться высоких показателей рождаемости. Но с 2018 г. ситуация вновь стала нестабильной, население России опять стало убывать. Авторы обращают внимание на существующий негативный тренд динамики рождаемости и подчеркивают, что коронавирусная инфекция не является его первопричиной. Во время пандемии на снижение показателей рождаемости повлияли следующие факторы: введение режима самоизоляции и потеря работы миллионами людей, что привело к ухудшению материального положения и увеличению уровня бедности до 19,9 млн человек, что составляет 13,5% населения всей страны. Граждане оказались в крайне нестабильной ситуации, в первую очередь экономической, что привело к откладыванию рождаемости во избежание рисков. Однако в статье не приводятся модельных расчетов и выводы сделаны исключительно с помощью визуального анализа динамики рождаемости.

В начале пандемии в работе (Хасанова, Зубаревич 2021: 78) делается прогноз по России на 2020 г.: суммарный коэффициент рождаемости на уровне 1,5 ребенка на женщину, что ниже показателей предыдущего года. По мнению авторов статьи, основной причиной падения рождаемости является не совсем благоприятная возрастная структура населения, так как на вершине репродуктивного возраста сейчас находятся женщины, родившиеся в 1990-х. У этого поколения произошло перераспределение жизненных событий, поскольку получение диплома и важность профессионального развития отсрочивают появление на свет первенца. А такой фактор, как изменение образа жизни, который привнесла пандемия, лишь усугубляет этот факт и подталкивает женщин к откладыванию рождаемости. В данной работе авторы с осторожностью делают прогнозы о влиянии пандемии на рождаемость и предостерегают, что в период карантинных мер данные о естественном движении населения недоучитываются.

Некоторые исследователи рассматривали демографическую ситуацию во время пандемии не только во всей России, но и по отдельным регионам. Например, в республике

Татарстан в декабре 2020 г. показатели рождаемости оказались ниже, чем в аналогичный период предыдущего года, на 2,7% (Зинатуллина 2021: 49). В целом можно сделать вывод, что именно эпидемиологическая обстановка стала причиной спада рождаемости в регионе, поскольку в Республике Татарстан за последние годы отмечались положительные тенденции в области демографических процессов. По мнению автора статьи, основные факторы откладывания рождаемости в период COVID-19 экономические (резкое падение доходов семьи, безработица и пр.), психологические (депрессии, повышение беспокойства), социальные (изменение образа жизни и, как следствие, изменение психологического состояния).

В Республике Мордовия рост смертности населения и сокращение рождаемости ввиду эпидемиологической ситуации в стране ведет к увеличившейся естественной убыли населения: показатель с начала 2021 г. вырос на 104 тыс. по сравнению с аналогичным периодом 2020 г. Наибольшее влияние на сокращение уровня рождаемости влияет макроэкономическая обстановка страны в целом и региона (рост инфляции, снижение доходов и др.) (Логинова, Семина, Переточенкова 2021: 81). Соответственно, ввиду нестабильной экономической ситуации родители вынуждены прибегнуть к откладыванию рождаемости. Возвращение прежних показателей рождаемости авторы не видят без значительного, а главное, эффективного материального стимулирования со стороны государства. Однако модельных расчетов в статье не проводится, выводы получены по результатам анализа динамики макропоказателей.

Таким образом, среди причин падения рождаемости в России во время пандемии COVID-19 одной из главных в перечисленных работах называют ухудшение экономических показателей. Кроме того, выделяют демографические причины, а также психологические и социальные.

2.4. Исследования связи рождаемости с экономическими и иными факторами во время пандемии COVID-19 в зарубежных странах

На сегодняшний день существует много исследований, посвященных изменению динамики рождаемости в других странах. Действительно, изучение намерений рождения детей в мире весной 2020 г., когда наблюдалась первая волна пандемии, показало, что многие семьи из-за нестабильной обстановки решили отложить свои репродуктивные намерения или вовсе отказаться от них (Sobotka et al.: 2021: 3). Авторы рассматривают такие страны, как США, Южная Корея, Китай, Австрия, Бельгия, Франция, Дания, Норвегия, Нидерланды, Испания, Латвия, Эстония, Литва, Хорватия, Словения – эффект COVID-19 во всех этих странах был отрицательным. Особенно такая тенденция наблюдалась в высокоразвитых странах, где пары имеют больший доступ к методам контроля рождаемости. Пандемия поспособствовала снижению показателей рождаемости, так как многие люди испытывали тревожность ввиду экономической неопределенности, беспокойство о последствиях пандемии для здоровья и стресс, связанный с ограничениями в повседневной жизни. Все показатели рассчитываются на основе новой базы данных Human Fertility Database по краткосрочным колебаниям рождаемости ⁴, для каждой из 22 рассмотренных стран сравниваются показатели рождаемости в начале 2020 и 2021 г. (до и после начала эпидемии).

---

⁴ <https://www.humanfertility.org/Data/STFF>

В Италии исследователи пришли к выводу, что вспомогательные репродуктивные технологии необходимы многим родителям, которые хотят иметь детей, из-за увеличения среднего возраста матери при рождении первого ребенка в странах с высоким уровнем дохода (Aassve et al.: 2020: 371). Во время карантина большинство циклов ВРТ (вспомогательные репродуктивные технологии – комплекс лечебных мероприятий, направленных на реализацию детородной функции при обнаружении у матери неизлечимых форм бесплодия) были приостановлены или вообще отменены.

В работе (Somigliana et al.: 2021: 765) исследуется влияние первой волны пандемии на рождаемость в Ломбардии (Италия). При сравнении периодов с января по ноябрь 2019 и 2020 г. наблюдалось снижение ежемесячной рождаемости на 5,1% (с 5732 в 2019 г. до 5438 в 2020 г.). Однако вклад родов с ВРТ был одинаковым в 2019 и 2020 г. и составил 4,4 и 4,5% соответственно, что опровергает гипотезу авторов предыдущей рассматриваемой статьи. Но в декабре 2020 г. по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. наблюдалось заметное снижение естественных рождений (–17,8%). Этот вывод следует рассматривать в контексте широко известных расстройств, связанных со стрессом, которые и приводят к снижению показателей рождаемости. Следует отметить, что психологические эффекты и эмоциональные реакции, такие как страх заражения, заболевания или смерти, а также опасения, что члены семьи могут заразиться COVID-19, также были зарегистрированы у бесплодных пар. Заметим, что авторы используют достаточно небольшой временной интервал, что делает контрольную и тестовую группы (зачавшие до и после начала карантинных ограничений) более сопоставимыми, что в свою очередь увеличивает достоверность результатов исследования. Снижение намерений родить ребенка по опросам в Италии было отмечено еще в одной работе (Micelli et al.: 2020).

Учитывая значительные затраты, связанные с воспитанием детей, безработица и потеря дохода из-за пандемии неизбежно приведут к снижению рождаемости. Кроме того, сильное чувство неопределенности заставит семейные пары отложить любые долгосрочные инвестиции (дети являются одним из примеров, согласно теории Гэри Беккера (Becker 1960)), следовательно, еще больше снизит рождаемость.

Даже в начале пандемии исследования показывали, что COVID-19 уже повлиял на планирование рождаемости в Австралии ввиду реакции населения на потрясения и экономический спад в стране (Charles-Edwards et al.: 2021: 1). Это привело к отсрочке запланированных рождений. Однако замечено незначительное годовое увеличение доступа к дородовым услугам в период с марта по июнь 2020 г. В работе используется модель учета движения населения, на основе которой предсказывается динамика рождаемости в Австралии в зависимости от разных сценариев и степени распространённости вируса.

Согласно результатам (Gallo et al.: 2021: 62), количество запланированных преждевременных родов в Австралии уменьшилось более чем на 50% по сравнению с промежутком с 2013 по 2019 г. (29 против 64 на 1000 родов). Если рассматривать эпидемиологическую ситуацию во времена коронавируса в рамках медицинских услуг, то в плане беременности женщинам чаще всего стали доступны только неотложные процедуры – спектр рутинных услуг, например, скрининга и плановой хирургии, значительно сократился. Все это привело к откладыванию рождений ввиду страхов матери за свое

самочувствие и здоровье будущего ребенка. Для моделирования используются логистические регрессии с большим набором контрольных переменных.

В Китае также наблюдался спад рождаемости во время пандемии (Пехтерева 2021: 131). В 2020 г. по сравнению с 2019 г. родилось на 18% детей меньше. И связано это не столько с распространением COVID-19, сколько с иными причинами (преимущественно это увеличение расходов на воспитание детей, влияние возрастной структуры населения, состояние здравоохранения и др.). Работа имеет обзорный характер, перечислены различные меры политических программ, направленные на улучшение демографической ситуации в стране.

По прогнозам ООН, в 114 странах с низким и средним уровнем дохода 47 млн женщин не смогут получить доступ к современным противозачаточным средствам из-за карантинных мер, что приведет к рождению 116 млн нежелательных детей (Ullah et al.: 2020: 2). Однако, что касается развитых стран – уровень рождаемости, вероятнее всего, будет снижаться. Но ожидается, что примерно через 10-11 месяцев после эпидемии рождаемость начнет восстанавливаться. Научные исследования на основании прошлых пандемий подтверждают это на примере таких стран, как Швеция, Норвегия, Тайвань, Япония, Индия и США (Stone 2020: 2), где основным фактором, способствующим снижению уровня рождаемости, стал масштаб бедствия: болезнь, которая нарушает экономическую активность и семейное поведение, заражает и пугает большое число людей, имеет очень большой эффект и ведет к откладыванию беременности до наступления более стабильной эпидемиологической ситуации в стране. Что касается прогнозов динамики рождаемости после пандемии, то следует отметить интересный факт: в течение 9 месяцев после эпидемии смертность может играть важную роль в восстановлении: потеря детей, членов семьи и друзей может спровоцировать «восстановление рождаемости». Например, после цунами 2004 г. в Индийском океане рождаемость женщин в общинах, пострадавших от цунами, резко возросла по сравнению с другими женщинами. Выявленный здесь основной эффект исходит не от ближайших родственников жертв, а от тех, кто их окружает. Страх и травма потери мотивировали более высокую рождаемость, эффект, выявленный во многих бедствиях различного рода.

Таким образом, в исследованиях по зарубежным странам отмечаются схожие с работами по России причины изменения рождаемости во время пандемии, кроме факторов доступа к противозачаточным средствам, которые больше характерны для бедных стран.

Раздел III. Исследования, где найдено положительное влияние пандемии на рождаемость

Данный раздел включает обзор статей, в которых отмечается, что пандемия COVID-19 оказала положительный эффект на уровень деторождений. Это феномен встречается в ряде Скандинавских стран, а также есть работа, где данный эффект замечен в США.

В Норвегии, в отличие от большинства других стран с высоким уровнем доходов, был обнаружен положительный кратковременный эффект пандемии на динамику рождаемости. Одно из объяснений этому феномену – реализация широкой программы

государственной поддержки в период распространения коронавирусной инфекции ⁵, что смягчило возможные негативные экономические и социальные последствия (Larregard et al.: 2022: 4). Авторы также отмечают, что различное отношение женщин к рождаемости во время пандемии зависит от их индивидуальных характеристик. По результатам исследования основными факторами являются возраст, число детей, уровень образования, занятость женщины. В частности, наблюдаемый рост рождаемости во время пандемии в Норвегии был самым сильным среди женщин с высшим образованием, которые были наиболее защищены экономически. Рост рождаемости в Финляндии был устойчивым во всех категориях и в целом затронул всех женщин старше 25 лет. Все выводы в статье получены на основе моделирования методом разрывного дизайна и сравнения количества зачатий за несколько месяцев до и после введения локдауна в Норвегии в марте 2020 г. Заметим, что этот метод позволяет выявлять причинно-следственные связи исследуемых показателей, что подчеркивает достоверность полученных выводов.

В Швеции количество рождений во время пандемии также увеличилось. С самого начала пандемии COVID-19 шведские власти ожидали, что пандемия будет носить затяжной характер и ориентировали свои стратегии на максимально возможное поддержание нормальной жизни (Neyer et al.: 2022: 14). Меры по сдерживанию пандемии были более мягкими, чем в других постиндустриальных странах. Вместо того, чтобы вводить такие жесткие ограничения, как полную изоляцию или закрытие начальных школ и детских учреждений, правительство в значительной степени полагалось на сотрудничество людей и соблюдение ими «мягких» рекомендаций, чтобы избежать распространения вируса (например, home office, социальное дистанцирование). Чтобы сохранить экономическую стабильность и избежать индивидуальных экономических трудностей, поддержка рынка труда и социальной политики была увеличена. Это также относилось к политике, связанной со стимулированием рождаемости (например, продление доступных дней отпуска по уходу за ребенком в случае, если отец/мать или няня заболели или детские учреждения были закрыты). Доступ к здравоохранению сохранялся. Исследования показали, что несмотря на пандемию, меньшинство женщин сделали аборт из-за COVID-19 или столкнулись с трудностями при доступе к противозачаточным средствам. Количество преждевременных родов и мертворождений не увеличилось. Более того, оценка качества медицинских услуг во время беременности в пандемию среди шведских матерей была выше среднего показателя 12 европейских стран, так как доступ к медицинским услугам практически не ограничивался. В статье используются 3 различных источника данных по рождаемости в Швеции (в том числе высокочастотные), полученные результаты робастны и учитывают наличие негативного тренда рождаемости в стране в период с 2010 г., предшествующий пандемии.

В Финляндии также наблюдалось увеличение числа рождений во время пандемии. Карантин позволил больше времени проводить дома, что могло привести к усилению внимания к семейной жизни и повышению качества отношений между парами, живущими вместе, а также к лучшему балансу между работой и личной жизнью (Nisen et al.: 2022: 5).

---

⁵ В частности, были увеличены пособия по безработице, которые выплачивались всем уволенным на следующий день после потери работы. Кроме того, были введены кредитные гарантии для предприятий частного сектора, чтобы предотвратить банкротство фирм и предприятий из-за карантина или ограничений, а также ряд иных мер.

Выше мы отмечали, что в других странах выявлено противоположное влияние пандемии на семейную жизнь. Некоторые исследователи считают, что альтернативные издержки рождения еще одного ребенка могли снизиться во время пандемии, например, из-за снижения возможностей трудоустройства. С другой стороны, некоторые пары могли накопить больше финансовых ресурсов во время изоляции, чтобы учесть прямые затраты на рождение еще одного ребенка. Авторы данной статьи также используют для расчетов модель, позволяющую отделить эффект пандемии от временного тренда рождаемости (оценки получены методом наименьших квадратов, степени временных трендов включены как контрольные переменные).

В работе (Середкина 2022: 33) отмечается рост числа рождений во время пандемии по сравнению с предыдущими годами в Германии, Дании, Нидерландах и Финляндии.

В США было проведено исследование, в ходе которого выяснилось, что в отличие от любого другого экономического спада в новейшей истории, COVID-19 поспособствовал увеличению, а не снижению рождаемости среди женщин, родившихся в США (Bailey, Currie, Schwandt 2022: 3). Причина нарушения традиционной связи между показателями безработицы и рождаемости заключается в том, что реакция правительства США на рецессию, вызванную COVID-19, отличалась от предыдущих. В качестве беспрецедентной реакции на потерю рабочих мест, затронувшую 22 млн рабочих, правительство потратило 650 млрд долл. на федеральные пособия по безработице в связи с пандемией. Бедность сократилась в 2020 г. среди всех рас и возрастных групп. Однако в то же время доступ к услугам в области репродуктивного здоровья и методам прерывания беременности был ограничен, что, возможно, привело к снижению рождаемости в более старших возрастных группах, а также к увеличению числа непреднамеренных родов. Заметим, что по США есть также другие исследования, где, наоборот, утверждается отрицательный эффект пандемии на рождаемость или намерение родить по результатам проведенных опросов (Lindberg et al.: 2020; Kahn et al.: 2021; Lin et al.: 2021).

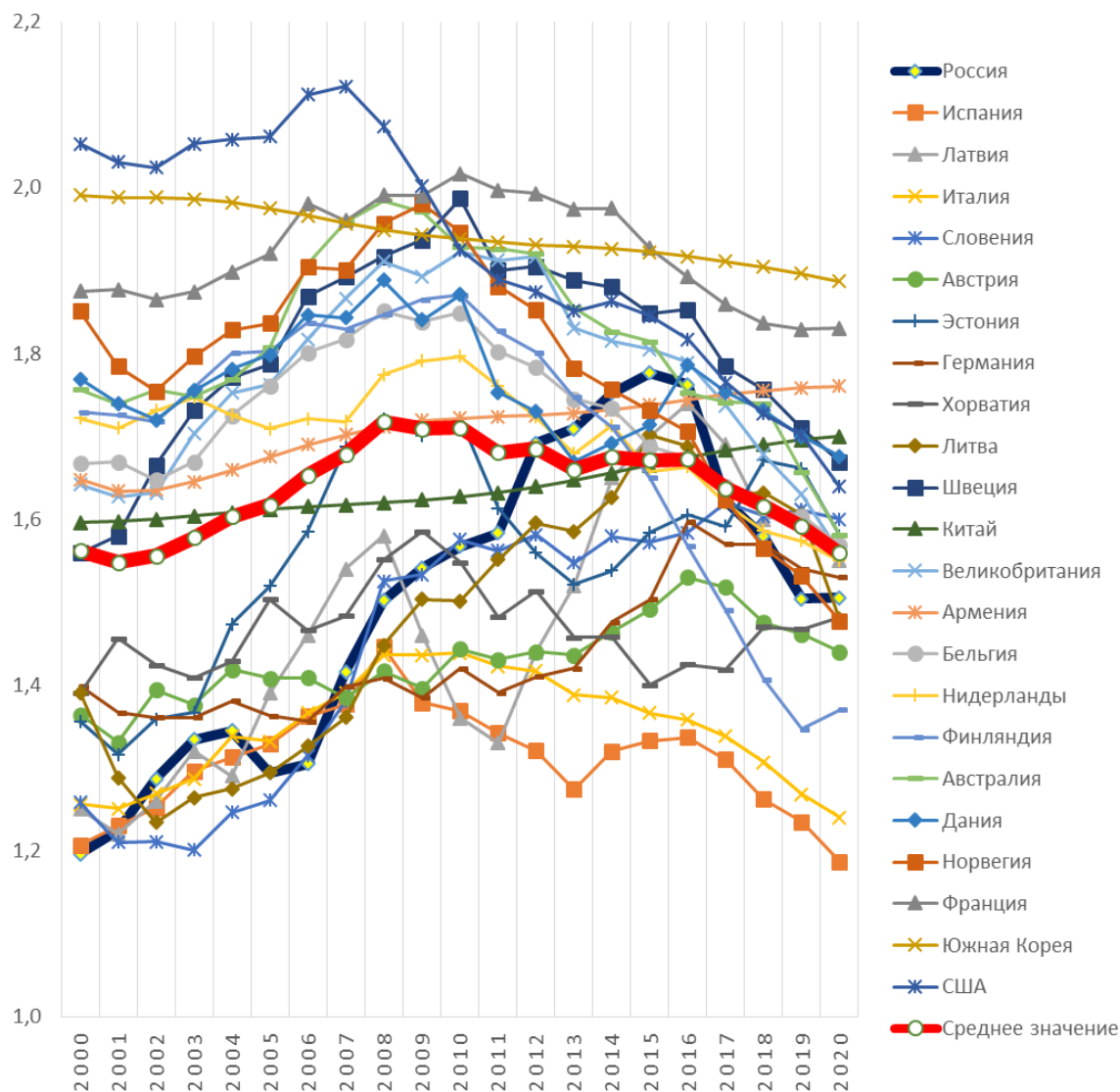
Заключение

В статье был представлен обзор работ, где изучалось влияние пандемии COVID-19 на показатели рождаемости в России и других странах. В ходе анализа мы классифицировали исследования, посвященные этой тематике, по методу сбора данных: опрос и агрегированная статистика. Последняя в свою очередь была разделена еще на 3 подгруппы. Две из них – в зависимости от причин откладывания рождаемости: ввиду изменения взаимоотношений, ведения быта в семье во время самоизоляции и страхов родителей за нестабильное финансовое положение, рисков, связанных с уровнем здоровья и качества медицинских услуг, другим причинам, в частности психологическим, социальным, демографическим (половозрастная структура населения) и др. А третий раздел включает в себя статьи, в которых выявляется положительный эффект пандемии на рождаемость.

В большинстве стран пандемия COVID-19 негативно сказалась на репродуктивном поведении населения. Риски, которые напрямую связаны со здоровьем (как собственным, так и будущих детей), и с ухудшением финансового положения семей, имеют большой вес в желании супругов становиться родителями. Однако мы приводим пример одной из работ по США и ряду Скандинавских стран, в которых, по мнению исследователей, пандемия позитивно повлияла на отношения между супругами и привела к росту деторождения.

Особую роль в этих странах сыграли государственные меры по поддержке населения в период пандемии.

Рисунок 3. Суммарный коэффициент рождаемости в 22 странах мира и в России, 2000-2020

Источник: Human Fertility Database (<https://www.humanfertility.org/>) и the World Bank (<https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TFRT.IN>)⁶.

Примечание: Среднее значение рассчитано как среднее арифметическое значений СКР для исследуемых стран.

Что касается влияния COVID-19 на уровень рождаемости в бедных странах, например, Африки, то статей с такими данными в нашем обзоре не представлено. Можем предположить, что в бедных странах также может наблюдаться положительный эффект на уровень деторождения, как это характерно для них в период кризисов и неопределенности (Wrong 1958; Aassve et al.: 2020). В том числе возможен рост числа

⁶ В данных Human Fertility Database не было данных по Австралии, Латвии, Китаю и Армении, поэтому мы прибегли также к данным Всемирного банка.

нежелательных детей из-за проблем с доступом к противозачаточным средствам (Ullah et al.: 2020: 2).

Необходимо понимать, что для достижения наиболее достоверных результатов в вопросе взаимосвязи пандемии, введения ограничительных мер и рождаемости следует продолжить данное исследование в перспективе 3-5 лет и более, так как некоторые из авторов приведенных источников предполагают, что после окончания пандемии будет наблюдаться резкий рост числа рождаемости за счет реализации отложенных беременностей.

Важно отметить, что большинство стран еще до пандемии имели негативный тренд динамики рождаемости за исключением Армении, Китая, где наблюдался рост СКР в последние 10 лет на 2,2% и 4,5% соответственно, и Хорватии (рост в последние 5 лет на 5,9%) (рисунок 3). Об этом говорит также динамика среднего значения СКР по рассмотренным выше странам, который начал снижаться в 2016 г. Таким образом, при оценке влияния пандемии на рождаемость важно учитывать тенденции рождаемости, сложившиеся к моменту пандемии, которые могут быть обусловлены другими важными факторами, в частности демографическими, экономическими и др.

Практически во всех исследованиях, которые обзревуются в данной работе, выводы делаются на основании описательных статистик, анализа динамик статистических показателей и прямых вопросов в анкетах о влиянии пандемии на намерения о деторождении, а не модельных расчетов (кроме Митрофанова, Вакуленко, Горский 2022; Charles-Edwards et al.: 2021; Chen et al.: 2022; Gallo et al.: 2021; Lappegard et al.: 2022; Nisen et al.: 2022; Mooi-Reci et al.: 2023), которые позволяют идентифицировать эффект пандемии среди многообразных причин, одновременно оказывающих влияние на рождаемость. Такие исследования требуют построения идентификационных стратегий и применения продвинутых методов эконометрического анализа. Особенно это замечание касается работ, в которых исследуется динамика рождаемости в России. Уверены, что такие работы по разным странам вскоре будут появляться, и мы сможем больше узнать о влиянии пандемии на рождаемость. Заметим, что эти последствия могут быть разного рода. Пандемия могла оказать воздействие не только на поведение людей, но и на их физическое, психологическое и репродуктивное здоровье, что уже широко обсуждается в медицинской литературе (Попова и др. 2020).

Литература

- Архангельский В.Н., Зайко Е.С. (2022). Рождаемость и формирование семей в Московской агломерации в период пандемии COVID-19. *Здоровье мегаполиса*, 3(3), 6-16. <https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2022.v.3i3>
- Бессонова Л.П. (2020). Пандемия коронавируса и ее влияние на демографические процессы и качество жизни в России. *Human Progress*, 1-15. <https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-koronavirusa-i-ee-vliyanie-na-demograficheskie-protsessy-i-kachestvo-zhizni-v-rossii>
- Блинова Т.В. (2022). Студенты о детях, семье и родительстве в период пандемии COVID-19: сельско-городские сопоставления. *Региональные агросистемы: экономика и социология*, 64-73. <http://xn--80aahcgccte0aqeckhultbu4plaj.xn--p1ai/index.php/ras/article/view/353/340>

- Бритаева Э.С. (2021). Демография в республике Северная Осетия–Алания в условиях кризиса (COVID–19). *Аспирант*, 43-47. <https://nauka-prioritet.ru/wp-content/uploads/2021/05/%E2%84%964-2021.pdf>
- Гараева Э.И. (2020). Репродуктивное поведение в период пандемии COVID–19. *Институты развития человеческого потенциала в условиях современных вызовов*, 39-42. https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/94686/1/978-5-94646-636-3_2020-06.pdf
- Зинатуллина Г.Ф. (2021). Covid-19 как фактор усугубления демографической ситуации (региональный аспект). *Казанский вестник*, 48-52. https://kpfu.ru/portal/docs/F882093719/KEV.1_2021_МАКЕТ._1_.pdf
- Ибрагимова А.А., Ильдарханова Ч.И. (2021). Естественное воспроизводство российского населения в период пандемии коронавирусной инфекции: риски и последствия (на примере Республики Татарстан). *Регионология*, 686-708. https://regionsar.ru/sites/default/files/2021_3/09_ibragimova.pdf
- Кулькова И.А. (2020). Влияние пандемии коронавируса на демографические процессы в России, *Human Progress*, 1-11. <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-pandemii-koronavirusa-na-demograficheskie-protsessy-v-rossii>
- Логинова Н.Н., Семина И.А., Переточенкова О.У. (2021). Демографическое развитие регионов России с акцентом на республику Мордовия на фоне статистики пандемии Covid-19. *Государственная служба*, 78-84. <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskoe-razvitie-regionov-rossii-s-aktseptom-na-respubliku-mordoviya-na-fone-statistiki-pandemii-covid-19/viewer>
- Макаренцева А.О. (2020). Влияние эпидемиологической ситуации на репродуктивные намерения населения. *Мониторинг экономической ситуации в России тенденции и вызовы социально–экономического развития*, 25-30. <https://www.iep.ru/upload/iblock/2f2/3.pdf>
- Макаренцева А.О., Галиева Н.И., Рогозин Д.М. (2021). (Не)желание иметь детей в зеркале опросов населения. *Мониторинг общественного мнения экономические и социальные перемены*, 492-515. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1871>
- Митрофанова Е.С., Вакуленко Е.С., Горский Д.И. (2022). Влияние первой волны COVID-19 на репродуктивные намерения россиян (март–май 2020 г.). В В.С. Мхитарян (Ред.), *Применение многомерного статистического анализа в экономике и оценке качества*. XII Международная научная конференция им. С. А. Айвазяна (21–23 сентября 2022 г.) (с. 98-101). М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Осипов Г.В., Рязанцев С.В., Левашов В.К., Ростовская Т.К. (Ред.) (2020). *Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году*. Москва: ФНИСЦ РАН. https://www.isras.ru/files/File/publ/Ros_obschestvo_gosudarstvo_usloviyah_pandemii_2020_final.pdf
- Пехтерева Е.А. (2021). Демографические проблемы экономического роста в Китае. *Экономические и социальные проблемы России*, 129-146. <http://inion.ru/site/assets/files/6636/demograficheskie-problemy-ekonomicheskogo-rosta-v-kitae-obzor.pdf>

- Попова А.Ю., Гамидов С.И., Овчинников Р.И., Шатылко Т.В., Гамидов Р.С. (2020). Влияние COVID-19 на фертильность. Какие предпосылки и риски возникнут в новой реальности? *Consilium Medicum*, 22 (6): 73-77. <https://doi.org/10.26442/20751753.2020.6.200355>
- Русанова Н.Е. (2020). Рождаемость после пандемии: «Бэби–бум» или «Демографическая яма»? *Вестник Московского финансово-юридического университета*, 151-159. <https://cyberleninka.ru/article/n/rozhdaemost-posle-pandemii-bebi-bum-ili-demograficheskaya-yama>
- Семеко Г.В. (2021). Демографическое развитие в условиях пандемии COVID–19: вызовы для экономики. *Экономические и социальные проблемы России*, 123-140. <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskoe-razvitie-v-usloviyah-pandemii-covid-19-vyzovy-dlya-ekonomiki/viewer>
- Середкина Е.А. (2022). Тенденции рождаемости в развитых странах в период пандемии COVID-19. *Демографическое обозрение*, 109-146. <https://demreview.hse.ru/article/view/14576/13719>
- Хасанова Р.Р., Зубаревич Н.В. (2021). Рождаемость, смертность население и положение регионов в начале второй волны пандемии. *Экономическое развитие России*, 77-87. <https://cyberleninka.ru/article/n/rozhdaemost-smertnost-naseleniya-i-polozhenie-regionov-v-nachale-vtoroy-volny-pandemii>
- Хасанова Р.Р., Флоринская Ю.Ф., Зубаревич Н.В., Бурдяк А.Я. (2020). Демографическая ситуация и социально-экономическое положение регионов в апреле 2020 г. (по результатам регулярного Мониторинга ИНСАП РАНХиГС). *Экономическое развитие России*, 80-99. <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskaya-situatsiya-i-sotsialno-ekonomicheskoe-polozhenie-regionov-v-aprele-2020-g-po-rezultatam-regulyarnogo-monitoringa/viewer>
- Aassve A., Cavalli N., Mencarini L., Plach S., Bacci M.L. (2020). The COVID–19 pandemic and human fertility. *Science*, 370-372. <https://www.science.org/doi/pdf/10.1126/science.abc9520>
- Bailey M.J., Currie J., Schwandt H. (2022). The Covid-19 baby bump: the unexpected increase in U.S. fertility rates in response to the pandemic. *National Bureau of economic research*, 1-38. https://www.nber.org/system/files/working_papers/w30569/w30569.pdf
- Becker G. (1960). An economic analysis of fertility. A chapter 7 in *Demographic and Economic Change in Developed Countries* (pp. 209-240). Columbia University Press.
- Charles–Edwards E., Wilson T., Bernard A., Wohland P. (2021). How will COVID–19 impact Australia’s future population? A scenario approach. *Applied Geography*, 134, 1-13. <https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2021.1025>
- Chen T., Hou P., Wu, T., Yang J. (2022). The Impacts of the COVID-19 Pandemic on Fertility Intentions of Women with Childbearing Age in China. *Behavioral Sciences*, 12, 335. <https://doi.org/10.3390/bs12090335>
- Dzhioev A., Caberty N. (2021). Analysis of the birth rate and mortality of the population of Russia in 2019-2021. *Научный альманах стран Причерноморья*, 44-50. <https://cyberleninka.ru/article/n/analysis-of-the-birth-rate-and-mortality-of-the-population-of-russia-in-2019-2021/viewer>

- Gallo L.A., Gallo T. F., Borg D. J., Moritz K.M., Clifton V.L., Kumar S. (2021). A decline in planned, but not spontaneous, preterm birth rates in a large Australian tertiary maternity centre during COVID-19 mitigation measures. *Australian and New Zealand Journal of Obstetrics and Gynaecology*, 62-70. <https://doi.org/10.1111/ajo.13406>
- Galoyan D., Hakhverdyan D., Movsisyan M., Karapetyan L. (2021). Impact of the COVID-19 pandemic of the mortality of the RA population. *Social policy*, 68-84. <https://cyberleninka.ru/article/n/impact-of-the-covid-19-pandemic-on-the-mortality-of-the-ra-population>
- Kahn L.G., Trasande L., Liu M., Mehta-Lee S.S., Brubaker S.G., Jacobson M.H. (2021). Factors associated with changes in pregnancy intention among women who were mothers of young children in New York City following the COVID-19 outbreak. *JAMA Network Open*, 4 (9), e2124273. <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2021.24273>
- Lappegard T., Kornstad T., Dommermuth L., Kristensen A.P. (2022). Understanding the positive effects of the COVID-19 pandemic on women's fertility in Norway. *Statistics Norway*, 1-28. <https://web.telegram.org/1a6f5e79-82a9-450b-afb1-e641dc822078>
- Lindberg L.D., VandeVusse A., Mueller J., Kirstein M. (2020). Early impacts of the COVID-19 pandemic: Findings from the 2020 Guttmacher survey of reproductive health experiences. New York: Guttmacher Institute.
- Lin T.K., Law R., Beaman J., Foster D.G. (2021). The impact of the COVID-19 pandemic on economic security and pregnancy intentions among people at risk of pregnancy. *Contraception*, 103(6), 380–385. <https://doi.org/10.1016/j.contraception.2021.02.001>
- Luppi F., Arpino B., Rosina A. (2020). The impact of COVID–19 on fertility plans in Italy, Germany, France, Spain, and the United Kingdom. *Demographic Research*, 1399-1412. <https://www.demographic-research.org/volumes/vol43/47/43-47.pdf>
- Micelli E., Cito G., Cocci A., Polloni G., Russo G.I., Minervini A., Carini M., Natali A., Coccia M.E. (2020). Desire for parenthood at the time of COVID-19 pandemic: an insight into the Italian situation. *Journal of Psychosomatic Obstetrics & Gynecology*. 41(3), 183-190. <https://doi.org/10.1080/0167482X.2020.1759545>
- Mooi-Reci I., Trinh T.-A., Vera-Toscano E., Wooden, M. (2023). The impact of lockdowns during the COVID-19 pandemic on fertility intentions. *Economics & Human Biology*, 48, <https://doi.org/10.1016/j.ehb.2022.101214>
- Neyer G., Andersson G., Dahlberg J., Ohlsson-Wijk S., Andersson L., Billingsley S. (2022). Fertility Decline, Fertility Reversal and Changing Childbearing Considerations in Sweden: A turn to subjective imaginations? *Stockholm University Demography Unit*, 1-30. <https://epc2022.eaps.nl/uploads/210756>
- Nisen J., Jalovaara M., Rotkirch A., Gissler M. (2022). Fertility recovery despite the COVID-19 pandemic in Finland? *INVEST Working Papers*, 1-33. <https://osf.io/preprints/socarxiv/fxwe3>
- Pinkstone J. (2020). Lockdown is putting people OFF having children rather than leading to predicted baby boom, study suggests. <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-8297707/Baby-bust-Coronavirus-lockdown-putting-people-having-children.html>
- Sobotka T., Jasiloniene A., Galarza A.A., Zeman K., Nemeth L., Jdanov D. (2021). Baby bust in the wake of the COVID-19 pandemic? First results from the new STFF data series. *Research*

Gate, 1-33.

https://www.researchgate.net/publication/350368881_Baby_bust_in_the_wake_of_the_COVID-19_pandemic_First_results_from_the_new_STFF_data_series

Somigliana E., Esposito G., Viganò P., Franchi M., Corrao G., Parazzini F. (2021). Effects of the early phase of the COVID-19 pandemic on natural and ART-mediated birth rates in Lombardy Region, Northern Italy. *Elsevier*, 765-767

<https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC8496890/>

Stone L. (2020). Will the Coronavirus Spike Births? *Institute for Family Studies*, 2-30.

<https://ifstudies.org/blog/will-the-coronavirus-spike-births>

Ullah M.A., Moin A.T., Araf Y., Bhuiyan A.R., Griffiths M.D., Gozal D. (2020). Potential Effects of the COVID-19 Pandemic on Future Birth Rate. *Front. Public Health*, 1-6.

https://www.researchgate.net/publication/346876480_Potential_Effects_of_the_COVID-19_Pandemic_on_Future_Birth_Rate

Wrong D.H. (1958). Trends in Class Fertility in Western Nations. *Canadian Journal of Economics and Political Science*, 24(2), 216-229.

Нужна ли демографии единая теория? ¹

Наталья Михайловна Калмыкова
(natalia-kalmykova@yandex.ru), Московский
Государственный Университет имени
М.В. Ломоносова, Россия.

Does demography need a unified theory?

Natalia M. Kalmykova
(natalia-kalmykova@yandex.ru),
Lomonosov Moscow State University,
Russia.

Резюме: В книге «Углубленное введение в демографию» В. Лутц последовательно излагает структуру предложенной им единой демографической теории, сформированной на основе понятия многомерной демографии. Единая теория, с точки зрения автора, объединяет 3 демографические теории: демографический метаболизм, демографический переход и демографический дивиденд. На примерах для разных стран и исторических периодов Лутц демонстрирует новые возможности единой теории, в том числе ее приложения к прогнозированию демографических структур и обоснованию демографической политики.

В рецензии рассматриваются основные идеи, посвященные конструированию единой теории, сама же книга гораздо более многоплановая, будет интересна не только демографам, но и социологам и экономистам. Благодаря тому, что книга содержит многочисленные ссылки на учебники, базы данных, прикладные исследования, она может служить ориентиром для начинающих демографов.

Ключевые слова: единая демографическая теория, демографический переход, демографический дивиденд, демографическое прогнозирование, воспроизводство населения.

Для цитирования: Калмыкова Н. М. (2022). Нужна ли демографии единая теория? . Демографическое обозрение, 9(4), 160-166. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16748>

Abstract: In the book "Advanced Introduction to Demography" V. Lutz consistently outlines the structure of the unified demographic theory proposed by him, and based on the basis of the concept of multidimensional demography. The unified theory, from the author's point of view, combines three demographic theories: demographic metabolism, demographic transition and demographic dividend. Using examples for different countries and historical periods, Lutz demonstrates the new possibilities of a unified theory, including its application to forecasting demographic structures and justifying demographic policy.

The review examines the main ideas devoted to the construction of a unified theory, while the book itself is much more multifaceted, and will be of interest not only to demographers, but also to sociologists and economists. Due to the fact that the book contains numerous links to textbooks, databases, and applied research, it can serve as a guide for novice demographers.

Keywords: unified demographic theory, demographic transition, demographic dividend, demographic forecasting, population reproduction.

For citation: Kalmykova N. (2022). Does demography need a unified theory? . Demographic Review, 9(4), 160-166. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16748>

---

¹ Об авторе книги: Вольфганг Лутц, профессор демографии, департамент демографии, Венский университет; директор Венского института демографии Австрийской академии наук; Руководитель исследовательской группы Международного института прикладного системного анализа (IIASA) и директор-основатель Центра демографии и глобального человеческого капитала Витгенштейна (IIASA, OeAW, Венский университет), Австрия (<https://demografie.univie.ac.at/about-us/team/details/user/lutzw19/inum/1872/backpid/152265/>).

«Advanced» с английского языка можно перевести как «углубленный, продвинутый», «расширенный» или «современный, новый». Книга Вольфганга Лутца, одного из наиболее известных демографов современности, представляет собой именно современное введение в демографию. Вместо ожидаемых математических формул читателя ждут размышления о теоретических основах демографической науки, основанные на многолетних исследованиях автора, и возможностях их применения в других социально-экономических исследованиях.

Дискуссия о необходимости поиска единой теории в демографии ведется на протяжении нескольких десятилетий. Например, в докладе «Почему демографам нужна теория?» на Европейской конференции 1995 г. Г. Вунш (Wunsh 1995: 221) говорил о том, что «для хорошего объяснения причин и последствий демографических тенденций требуются теории, учитывающие как микро-, так и макроуровни, как отдельных людей, так и общество в целом. ... Индивиды – члены семьи и домашнего хозяйства, включены в отношения соседства, рабочие отношения, в различные сообщества. [...] Демографические теории должны рассказать нам, как и почему общество влияет на индивидуальное поведение в отношении рождений, смертей и миграции, а также как и почему индивидуальное поведение само по себе превращается в социальные действия более высокого уровня. Другими словами, демографические теории должны интегрировать индивидуальное поведение и социальную структуру». В книге Лутца предпринята именно такая попытка создания единой теории на основе так называемой многомерной демографии, принимающей во внимание не только возраст и пол индивидов, но и их различные социальные и экономические характеристики.

При беглом пролистывании страниц книги может показаться, что это еще одна из публикаций, автор которой считает, что демограф сможет ограничиться только рассуждениями о демографических процессах, не давая себе труда углубиться в суть и структуру демографических показателей. Но это ложное впечатление: предполагается, что читатель уже знаком с основами демографии, сам автор упоминает о нескольких учебниках, которые он считает важными (Preston, Heuveline, Guillot 2000; Weeks 2014), и постоянно обращается к демографическим индикаторам. На протяжении всей книги автор называет публикации (не только учебники), которые, по его мнению, призваны формировать демографическое мышление. С этой точки зрения книга может служить своего рода путеводителем в выборе авторов и книг для начинающего демографа и гидом для преподавателей.

В первых строках введения Лутц пишет о том, что в Австрии 1982 г. сам термин «демография» мало кому был знаком, его часто путали с «демократией». Мне сразу вспомнился один из семинаров по демографической политике в конце 1980-х годов в Ашхабаде, в котором я участвовала, еще будучи аспиранткой, где нас встречал плакат «Приветствует участников демократического семинара!». Демография не только в Европе, но и в России оставалась долгое время малоизвестной наукой, с трудом отстаивающей себе место на периферии таких научных дисциплин, как статистика, экономика, география, социология и медицина. За прошедшие 40 лет результаты демографических исследований стали основой принятия решений в самых разных областях жизни, но в то же время, как пишет Лутц, «несмотря на рост интереса к демографии, сама наука испытывает кризис

идентификации» (Lutz 2021: vii)². Попытки выхода за рамки традиционного сосредоточения фокуса демографических исследований исключительно на возрастных характеристиках населения часто ведут к потере определения демографии как самостоятельной научной области. Вместо традиционных попыток междисциплинарного подхода (социальная демография, экономическая демография и др.) автор предлагает расширить методологическое ядро демографии и говорить о «многомерной» демографии, имеющей дело с многими характеристиками населения, помимо возраста, таким образом помещая демографию в центр количественного анализа социальных и экономических изменений и устойчивого развития.

«Многомерный» взгляд на демографию, с точки зрения автора, не противоречит классическому определению демографии как науки об изменении численности и структур населения, только вместо понимания структуры населения исключительно как возрастно-половой он добавляет и другие характеристики, такие как уровень образования, место жительства, принадлежность к этнической группе, занятость и др.

Попытки междисциплинарного подхода к анализу демографических явлений постоянно предпринимаются исследователями: достаточно вспомнить, например, работы А. Сови, Д.И. Валентя, А.Г. Вишневого, в которых осмысление социально-экономических явлений и тенденций осуществлялось через призму демографического подхода. Но Лутц идет дальше и предлагает сформировать «единую теорию», которая распространяет на другие науки методологию демографических исследований. Он считает ошибочными как отрицание потребности в какой-либо теории рядом демографов, так и мнение о том, что демографические модели, например стабильное население или таблицы смертности, могут заменить собой теорию. Центральная идея книги состоит в том, что демографии нужна объединяющая теория, обеспечивающая демографии предсказательную силу. И такая теория может быть сформирована на основе трех существующих теорий: теории демографического метаболизма или смены поколений, т. е., по сути, воспроизводства населения, теории демографического перехода и теории демографического дивиденда.

В четырех разделах книги автор последовательно излагает принципы предлагаемого им нового подхода к формированию демографической теории: от основ демографии и демографических данных (раздел 1) к обоснованию важности теории для демографической науки и последовательной характеристике теорий демографического метаболизма, демографического перехода и демографического дивиденда (раздел 2). В третьем разделе акцент сделан на образовании как основном драйвере снижения уровней рождаемости и смертности. Раздел 4 посвящен различным аспектам демографического прогнозирования на основе предлагаемой автором единой теории и демографической политики.

В первом разделе после краткого экскурса в историю демографии Лутц подчеркивает, что многомерное понимание демографии соответствует не только взгляду на науку многих исследователей, но и тому подходу, который используется в различных средствах массовой информации, пишущих о демографических явлениях. Основное внимание в этом разделе посвящено специфике демографических исследований. Исходя из тезиса, что демография изучает группы индивидов,

---

² Далее по тексту при ссылках на рецензируемую книгу указаны только страницы.

формирующие население, автор делает вывод, что макроуровень находится в привилегированном положении в демографических исследованиях, несмотря на то, что поведение индивидов на микроуровне (на уровне домохозяйств, например), в конечном счете определяет макротенденции. С этой точки зрения демография, изучающая изменение численности и структур населения, непосредственно зависит от анализа поведения индивидов на микроуровне, а демографические изменения оказываются следствием агрегированных жизненных циклов многих индивидов. Предпочтение, отдаваемое в книге макроуровню, определяет и выбор теорий, которые составляют основу единой демографической теории.

Анализируя уравнение демографического баланса, Лутц в соответствии с подходом многомерной демографии расширяет возможности этой простой формулы, добавляя в нее другие «размерности». Например, он предлагает рассматривать динамику группы населения, имеющей начальное образование, принимая во внимание как «входы» (добавление в группу людей с законченным начальным образованием благодаря смене статуса (повышение уровня образования) или миграции, и «выходы» из этой группы из-за перехода в следующую образовательную группу, или из-за смерти либо миграции, при этом оставаясь в рамках балансового уравнения. Тем самым закладываются основы многомерных прогнозов не только возрастно-половой структуры населения, но и других структур, в частности образовательной, играющей важную роль в демографических изменениях.

«Демография – эмпирическая дисциплина, и демографические данные – ее краеугольный камень» (19). Глава о данных также начинается с экскурса в историю сбора данных о населении, и автор подчеркивает важность наличия странового регистра для реализации многомерного подхода в демографии, поскольку именно регистр позволяет получать и числитель, и знаменатель демографических коэффициентов из одного источника. Отсутствие необходимой информации в переписях и текущей регистрации событий может частично компенсироваться благодаря различным обследованиям³ и «большим данным». Особое внимание отведено описанию международной базы данных World Population Prospects, начало которой было положено еще в 1950-е годы, а также базе данных, созданной в Центре Витгенштейна. Кроме того, автор упоминает и специальные базы данных по отдельным демографическим процессам: The Human Mortality Database, The Human Fertility Database и др.

Второй раздел – центральный в книге, начинается утверждением о том, что «демография как независимая научная дисциплина, изучающая изменения численности и структур населения, то есть изменения на макроуровне, в последние 35 лет постепенно теряет свою идентичность, ... воспринимаясь либо как часть социологии, либо общественного здравоохранения» (29). Следствием этого стало пренебрежение теорией.

Лутц констатирует, что потеря идентификации контрастирует с растущим вниманием к демографическим изменениям, которые рассматриваются как ключевые мегатренды нашего времени. Он цитирует Н. Кейфица, который писал о том, что «на

---

³ В книге упоминаются такие обследования, как World Fertility Survey (WFS), Demographic and Health Survey (DHS), Demographic Surveillance Systems (DSS), Family and Fertility Survey (FFS), Gender and Generation Survey (GGS), Survey of Health, Age and Retirement in Europe (SHARE), US Health and Retirement Study (HRS), English Longitudinal Study of Ageing (ELSA), global health surveys и др.

ничейную землю, оставленную демографией, постепенно проникают другие науки» (30), и только небольшое количество демографов концентрируется на проблемах макроуровня. В то же время у демографов есть теории, которые делают демографию единственной социальной наукой, которая способна не только объяснить исторические изменения, но и прогнозировать будущее, основываясь на устойчивых моделях. Эти теории, тесно связанные друг с другом, в совокупности составляют основу Единой демографической теории:

- *Теория демографического метаболизма* (термин, принадлежащий Н. Райдеру (Ryder 1965) позволяет предсказывать будущие тренды не только в отношении демографических переменных, но и в отношении других социальных явлений, например, таких как ценности, национальная идентичность, поведенческие паттерны, которые формируются в молодости и сохраняются практически неизменными на протяжении жизненного цикла. Теория демографического метаболизма состоит в изменении структур населения по мере того, как на смену одним поколениям приходят другие, с иными характеристиками. Лутц дополняет идеи Райдера об особенностях каждой когорты, утверждая, что обучение на протяжении всей жизни приводит к изменениям внутри когорт, и эти изменения сами по себе представляют существенный драйвер социально-экономических преобразований. Например, рост доли высокообразованных женщин приводит к снижению рождаемости даже в странах с большими темпами роста населения, при этом наблюдается также снижение младенческой смертности, а сами образованные женщины живут дольше. Также приводится пример использования теории демографического метаболизма для описания формирования национальной идентичности в европейских странах.
- *Теория демографического перехода*, наиболее старая из всех демографических теорий, описывающая изменения в рождаемости и смертности. В этом разделе автор обсуждает дискуссию о том, является ли демографический переход теорией. В частности, здесь поставлен вопрос о возможном росте рождаемости и смертности в противовес утверждениям о необратимости изменений.
- *Теория демографического дивиденда* – наиболее молодая из трех теорий, изначально описывавшая потенциальные экономические выгоды, получаемые населением вследствие демографического перехода. В недавнем прошлом эта теория была дополнена важностью влияния изменений образовательной структуры населения на экономический рост. Особое внимание в книге отведено переключению внимания с роста численности населения на изменение его структур, причем помимо возрастно-половой структуры в недавних исследованиях подчеркивается также роль образовательной структуры и структуры занятости.

Как отмечает сам автор, предложенная им теория описывает внутреннюю динамику демографических изменений не только по полу и возрасту, но также и по другим характеристикам (уровень образования, гендер, участие в рабочей силе и др.), и каналы, по которым эти изменения оказывают влияние на развитие общества и экономики во взаимодействии с окружающей средой. Восемь ключевых утверждений, связывающих 3 упомянутые выше теории, формируют каркас новой единой теории, основанной на многомерном подходе в демографии (89-91):

1. индивиды – главная основа любого населения или группы людей, главные действующие лица социального и экономического поведения. Они формируют основу любой теории социальных и экономических изменений на агрегированном уровне;

2. в дополнение к возрасту и полу в любом населении его члены могут быть разделены на отдельные группы (состояния) в соответствии с четко определенными и измеряемыми критериями в любой момент времени;
3. в течение любого временного интервала члены отдельной группы, определенной на основе конкретной характеристики, могут перемещаться в другую группу (с другими характеристиками), и эти перемещения можно математически описать набором возрастно-половых коэффициентов:
4. если население состоит из разных групп, отличающихся друг от друга определенными характеристиками, то изменение со временем относительного размера этих групп приведет к изменению распределения этих характеристик в обществе, т. е. к социальным изменениям;
5. образование имеет следствием развитие когнитивных способностей и предвидения и сокращает незапланированное поведение в отношении здоровья и рождения детей;
6. индивиды благодаря образованию получают возможность сотрудничать на передовых позициях знания и технологий и улучшать общественное здоровье и качество институтов в целом:
7. взгляды, ценности и приоритеты индивидов находятся под влиянием других индивидов вокруг них в зависимости от степени близости и привлекательности социального статуса;
8. различные члены любого общества имеют разную экономическую производительность в зависимости от их участия в рабочей силе и уровня образования и навыков. Рост доли более производительных людей увеличивает потенциал экономического роста.

Третий раздел посвящен роли образования как фактора снижения рождаемости и смертности. Вместо разрозненных факторов, объясняющих снижение рождаемости (социально-экономические изменения, эволюция ценностей, программы планирования семьи) и смертности (питание, экономический рост, развитие здравоохранения), Лутц предлагает единое объяснение, основанное на росте уровня образования населения: «вместо разнообразия внешних причин, влияющих на поведение людей, необходимо сосредоточиться на изменениях, происходящих в мозгах, так как мозг – наиболее важный репродуктивный орган и также наиболее важный орган для обеспечения здоровья и выживания» (92-93). Важнейшая роль образования в снижении рождаемости и смертности иллюстрируется автором на примерах для разных стран и временных периодов, при этом сами примеры основаны на многочисленных современных исследованиях.

В *четвертом разделе* обсуждаются различные подходы к демографическому прогнозированию, в частности в наиболее дискуссионных областях: будущие миграционные сценарии для решения проблемы старения в странах с низкой рождаемостью и различные сценарии развития человеческого капитала в контексте глобального развития, климатических изменений и устойчивого развития. Использование понятия многомерной демографии в этом разделе реализовано в прогнозах возрастно-половой структуры с учетом уровня образования. Кроме образовательных характеристик в прогнозах используются показатели участия в рабочей силе, а также учитывается структура миграционных потоков по уровню образования.

В заключительных главах обсуждаются направления демографической политики с фокусом на человеческие ресурсы. По мнению автора, «укрепление человеческого

капитала, начинающееся с образования и здоровья, должно стать новой парадигмой в демографической политике и в более широком смысле политики развития» (172).

Книга, несомненно, будет интересна и полезна не только профессиональным демографам, которые задумываются о факторах и последствиях демографических тенденций, но и студентам, ищущим свой путь в демографии.

Литература

- Lutz W. (2021). *Advanced Introduction to Demography*. Edward Elgar Publishing
- Preston S.H., Heuveline P., Guillot M. (2000). *Demography: Measuring and Modeling Population Processes*. Blackwell Publishing
- Weeks J.R. (2014). *Population: An Introduction to Concepts and Issues*. Wadsworth Publishing.
- Ryder N.B. (1965). The cohort as a concept in the study of social change. *American sociological review*, 30 6, 843-61.
- Wunsch G. (1995). Why demographers need theory? In EaPS-IUSSP (Ed.), *Evolution or Revolution, in European Population* (pp. 201-224), European Population Conference, Milan, Franco-Angeli.

СПИСОК РЕЦЕНЗЕНТОВ ЗА 2022 Г.

- Авдеев Александр Александрович, кандидат экономических наук
- Агаджанян Виктор Сергеевич, PhD
- Андреев Евгений Михайлович, кандидат физико-математических наук
- Баланова Юлия Андреевна, кандидат медицинских наук
- Баскакова Марина Евгеньевна, доктор экономических наук
- Бирюкова Светлана Сергеевна, кандидат экономических наук
- Богоявленский Дмитрий Дмитриевич, кандидат экономических наук
- Васин Сергей Алексеевич, кандидат экономических наук
- Вергелес Марина Олеговна, аспирант
- Винник Мария Юрьевна, аспирант
- Галкин Константин Александрович, кандидат социологических наук
- Деминцева Екатерина Борисовна, кандидат исторических наук
- Денисов Борис Петрович, кандидат экономических наук
- Замятина Надежда Юрьевна, кандидат географических наук
- Захаров Сергей Владимирович, кандидат экономических наук
- Казбекова Зарина Германовна, аспирант
- Казенин Константин Игоревич, кандидат экономических наук
- Канонир Татьяна Николаевна, PhD
- Капустина Екатерина Леонидовна, магистр
- Клупт Михаил Александрович, доктор экономических наук
- Козлов Владимир Александрович, кандидат экономических наук
- Костенко Вероника Викторовна, кандидат социологических наук
- Кузнецова Полина Олеговна, кандидат экономических наук
- Лопатина Софья Леонидовна, аспирант
- Макаренцева Алла Олеговна, кандидат экономических наук
- Манаков Андрей Геннадьевич, доктор географических наук
- Митрофанова Екатерина Сергеевна, кандидат социологических наук
- Мкртчян Никита Владимирович, кандидат географических наук
- Немцов Александр Викентьевич, доктор, медицинских наук
- Низамова Алия Наилевна, аспирант
- Полян Павел Маркович, доктор географических наук
- Пьянкова Анастасия Ивановна, кандидат социологических наук
- Родионова Лилия Анатольевна, кандидат экономических наук
- Рощина Яна Михайловна, кандидат экономических наук
- Савоскул Мария Сергеевна, доктор географических наук
- Сакевич Виктория Ивановна, кандидат экономических наук
- Сафронов Сергей Геннадьевич, кандидат географических наук
- Суций Сергей Яковлевич, доктор философских наук; кандидат социологических наук
- Троицкая Ирина Алексеевна, кандидат экономических наук
- Флоринская Юлия Фридриховна, кандидат географических наук
- Чурилова Елена Владимировна, кандидат социологических наук
- Эндрюшко Анна Александровна, кандидат социологических наук

СПИСОК СТАТЕЙ ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2022 Г.

№ 1

Оригинальные статьи

[Динамика этнолингвистической структуры населения Киргизии](#)

Александр Александрович Авдеев, Ирина Алексеевна Троицкая

[Анализ пронаталистской семейной политики в СССР в 1940-х – 1960-х годах](#)

Мие Накачи

[Самосохранительное поведение населения Татарстана в трудоспособном возрасте](#)

Михаил Борисович Денисенко, Владимир Александрович Козлов,

Елена Владимировна Селезнева, Оксана Вячеславовна Синявская

[Сбор демографической информации о трансгендерных респондентах:](#)

[методологические рекомендации](#)

Яна Кирей-Ситникова

[Соотношение полов во внутрирегиональной миграции в России:](#)

[пространственная и возрастная дифференциация](#)

Александр Александрович Герасимов

[Тенденции рождаемости в развитых странах в период пандемии COVID-19](#)

Екатерина Андреевна Середкина

№ 2

Оригинальные статьи

[Особенности демографических показателей промышленного крепостного населения XVIII-XIX веков: метрические книги села Кудиново Богородского уезда 1777-1862 гг.](#)

Влас Александрович Рязанов

[Адаптация мигрантов из сельской местности Дагестана в Махачкале и Астрахани:](#)

[причины различий](#)

Ирина Викторовна Стародубровская, Эльдар Шамигуллович Идрисов,

Константин Игоревич Казенин

[Цифровые следы населения как источник данных о миграционных потоках](#)

[в российской Арктике](#)

Андрей Владимирович Смирнов

[Национальные трансфертные счета Молдовы-2019:](#)

[особенности построения и некоторые результаты](#)

Ольга Евсеевна Гагауз, Валериу Прохници

[Избыточная летняя смертность детей и подростков: эффект длинных школьных каникул?](#)

Полина Олеговна Кузнецова, Татьяна Михайловна Малева

Структура непосредственно обусловленной алкоголем смертности в России
в 2011-2021 гг.

Елена Сергеевна Замятнина

Рецензии

Мобилизуя одиноких матерей: демографическая политика в послевоенном СССР

Элла Россман

№ 3

Оригинальные статьи

Центральный механизм демографического перехода

Сергей Феликсович Иванов

Кому (не) нужен трехлетний отпуск по уходу за ребенком?

Ирина Евгеньевна Калабихина, Полина Олеговна Кузнецова

Влияние социально-экономических и демографических факторов
на вероятность рождения недоношенного ребенка

Любовь Сергеевна Щевьёва

Трансформация ценностей иммигрантов в контексте их культурной интеграции:
отношение к разводам и добрачным сексуальным отношениям

Анна Александровна Эндрюшко

Прогнозирование миграции из России в Германию с использованием Google-трендов

Георгий Тимурович Броницкий, Елена Сергеевна Вакуленко

Калмыки РСФСР в последепортационный период (конец 1950-х – 1980-е годы):
демографические, расселенческие, гендерные аспекты

Сергей Яковлевич Суций

Рецензии

Брак и антихрист: столетие противостояния браку среди крестьянок Спасова согласия

Абы Саррафович Шукюров

№ 4

Оригинальные статьи

Субъективное восприятие социального неравенства –
мнение населения о социальной справедливости

Ирина Ивановна Корчагина, Лидия Михайловна Прокофьева

Массовые передислокации населения в связи со сдвигом на запад
территории Польши после Второй мировой войны

Катрин Гусефф

Оценка достоверности результатов переписи населения 2019 года в Белоруссии
на основе анализа изменений в этнолингвистическом составе населения

Александр Сергеевич Соколов

Программа «Земский доктор» как фактор миграции врачей на периферию регионов
Центрального федерального округа

Екатерина Александровна Шарепина

Гендерные отличия чувства безопасности в школе у подростков 14-17 лет

Марина Сергеевна Вырская

Репродуктивные намерения и динамика рождаемости населения разных стран
в период пандемии COVID-19: аналитический обзор исследований

Елена Сергеевна Вакуленко, Мария Романовна Макарова, Дмитрий Ильич Горский

Рецензии

Нужна ли демографии единая теория?

Наталья Михайловна Калмыкова